

СМЕНА

№ 1 январь 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**ПОДВИГ
ГЕРОЕВ
БЕССМЕРТЕН**

С. С. СМЕРНОВ,
лауреат Ленинской
премии

сказы о том, уже почти легендарном времени. И снова и снова раздумываем мы над этими незабываемыми событиями, вспоминаем и горькие пути отступления и радостные дороги, которые вели нас на запад и в майские дни сорок пятого привели к долгожданной и выстраданной Победе.

Как сложно и трудно она добывалась, сколько дорогих нам могил осталось на путях-дорогах, пролежавших от Бреста и Перемышля до Москвы и Сталинграда и обратно — от стен столицы и берегов Волги до Берлина и Эльбы, до Праги и Австрийских Альп. Слишком силен и страшен был наш враг, и, только правильно оценив его силу, можно понять всю меру опасности, которой мы подвергались, и тяжкую цену, которую пришлось заплатить за победу над ним.

и славна именно тем, что она была одержана над сильнейшей армией того времени, с поразительной вежливостью завоевавшей почти всю Европу.

И как близка, казалось, была она к осуществлению страшных замыслов Гитлера, бешено погнав в ворота Москвы осенью сорок первого, вырвавшись к берегам Волги летом и осенью сорок второго. Лишь задумавшись над всем этим, можно понять, какого безмерного напряжения стоило нам выстоять и отбросить врага. Именно в эти два тяжелых, трагических года были выкованы ключи нашей будущей Победы и во всей глубине раскрылась перед народами мира и перед нами самими великая душа нашего народа, показавшего себя способным творить даже невозможное во имя спасения Родины.

Мы знаем источник нашей Победы. Это и удивительный массовый героизм воинов, и созревшее в боях мастерство полководцев, и не менее героический труд людей в тылу, и огромная организаторская и воспитательная работа Коммунистической партии и Советского государства, сумевших сплотить и поднять весь народ на священную борьбу, перестроить в короткий срок на военный лад всю нашу экономику. Но я думаю, что не менее важным фактором в достижении победы над врагом была высокая гражданственность советских людей, в полной мере проявившаяся в дни самой грозной опасности для Родины.

Может быть, слово «гражданственность» покажется читателю слишком общим, декларативным, поэтому мне хочется раскрыть смысл и содержание этого понятия, каким я его представляю. Речь идет о строе мыслей и

чувств, который был свойствен нашим людям в то трагически опасное время. Каждый понимал и чувствовал одно: пришла на нашу землю такая беда, рядом с которой все прочие беды кажутся незначительными и незначительными. Уже не имеет значения, останусь ли лично я жив или погибну в боях, останутся ли в живых мои родные и близкие или будут уничтожены вражескими бомбами и снарядами, уцелеет ли моя родная деревня или мой родной город или будет сметен с лица земли войной. Все это уже не так важно, ибо речь идет о гораздо большем — быть или не быть самой Родине, всей нашей стране, нашему народу с его многовековой историей, нашему великому делу строительства коммунизма, которому уже отдано столько сил и энергии. Речь идет о будущем потомков, о том, жить ли нашим детям, внукам и правнукам свободными людьми на свободной земле или превратиться в бесправных рабов, в рабочий скот у фашистских хозяев. Никакие жертвы не были чрезмерными, и все частное, личное стало мелким и несущественным перед главным, высоким долгом гражданина и солдата, защитника родной земли.

Так думали и чувствовали все — рядовой боец на фронте и прославленный маршал, партизан в лесном лагере и рабочий или колхозник в глубоком сибирском тылу. Добровольцами уходили на фронт в ополченческую дивизию академики и доктор наук и, лежа где-нибудь на подступах к Москве в сыром, осипшем окопе с винтовкой и бутылкой с горючей смесью в ожидании, когда появятся фашистские танки и начнется последний, смертный бой, с тоской и тревогой раздумывали о судьбах

ПОБЕДИТЕЛИ

В эти дни, когда вся наша страна готовится к славному празднику — тридцатилетию великой Победы над гитлеровским фашизмом, мысли советского человека все чаще обращаются к героическим и трагическим годам минавшей войны. Чаще приходят люди к дорогим могилам павших воинов, стоят у обелисков, над огнями вечной памяти, встречаются с ветеранами войны, слушают их рас-

И понеже случается, что в плохих приключенческих романах и фильмах гитлеровская армия изображается как скопище дураков и тупиц, которых наши ребята — воины, разведчики, партизаны — с такой лихостью обходят вокруг пальца и легко побеждают в боях. Такого «произведения», по существу, обкрадывают нас и преуменьшают значение нашей Победы. Нет чести и славы в том, чтобы победить дураков и тупиц. А наша Победа делает нам великую честь

РАССКАЖИ ОБ

страны и народа. А рядом с ученым в том же осеннем окопе лежал неграмотный или малограмотный (таких тогда еще было много) колхозник из сибирской или среднерусской «глубинки». Он не знал истории, не проводил никаких исторических параллелей, не размышлял о вековых судьбах страны и народа, но он, как говорится, «изнутри чувствовал», какая великая беда пришла на нашу землю, и те же тоска и тревога были в его сердце. Оба они — и академик и колхозник — знали, что в их руках находится судьба Родины, и оба с железной решимостью готовы были стоять насмерть на своем рубеже, трудно прикрыв Родину и ее столицу.

Есть слова, которые мы часто повторяем как бы мимоходом, не задумываясь над их глубиной и важным смыслом. Сколько раз на дню мы говорим: «Как ваше здоровье?», «Будьте здоровы!». И пока вы чувствуете себя хорошо, эти слова срываются с вашего языка легко и бездумно. Но стоит вам заболеть, и слово «здоровье» сразу наполняется для вас большим и важным значением, вы начинаете понимать, какой драгоценный смысл содержится в нем.

Так и слово «Родина». В обычной, мирной жизни мы произносим его десятки и сотни раз, с удивительной легкостью, так, что оно не задевает ни ум, ни сердце, как привычное, много раз слышанное. Даже монеты стираются от долгого употребления, а слова стираются гораздо быстрее, и тогда за ними перестает ощущаться их смысл. Спросите-ка любого молодого человека, что понимает он под словом «Родина», и, я уверен, он не сразу сформулирует ответ.

Совершенно по-иному звучало это слово для каждого советского человека в сороч первом или в сороч втором,

когда над Родиной, над ее судьбой нависла тяжкая угроза. В час опасности всем сердцем и умом мы ощутили и поняли широту и глубину этого понятия и почувствовали, как бесконечно дорога нам Родина.

Быть может, лучше всего мысли и чувства людей того времени передает маленькая надпись, сделанная месяц спустя после начала войны неизвестным защитником Брестской крепости. Она была обнаружена через много лет на стене одного из крепостных казематов и перенесена в музей. Видно, смертельно раненный боец или командир в последнем усилии выцарапал эту надпись на штукатурке стены.

Великая Отечественная война оставила нам немало волнующих предсмертных надписей. И на первом взгляд несколько прощальных слов героя бессмертного гарнизона Брестской крепости ничем не выделяются из их ряда. Ведь он написал совсем немного, всего две коротких фразы: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина!» — и поставил дату — 28 июля 1941 года.

Однако давайте попробуем разобрать эти две фразы, подобно тому, как в школе учительница русского языка разбирает с учениками предложение. Только она разбирает его по грамматическим категориям — где подлежащее, где сказуемое, где глагол и где имя существительное, — мы же разберем надпись павшего героя с точки зрения мысли и чувства, которые содержатся в ней.

Он начал ее с местоимения «я», то есть с себя самого. Но задумайтесь: какое это «я»? Обезличенное. Ведь подпись под этими словами нет, и погибавший воин совсем не думал о том, чтобы оставить свое имя потомству, чтобы оно когда-нибудь

дошло до его родных и близких и озарило их славой его подвига. Он в эти последние мгновения своей жизни вовсе не помышлял о славе, он, наверное, даже не чувствовал себя личностью — Ивановым, Петровым, Сидоровым, его фамилию мы уже никогда не узнаем. Скорее, он ощущал себя как бы человеческим кирпичиком в стене этой старой русской крепости, ставшей на пути врага, рвавшегося к Минску, Смоленску и Москве. Это «я» — удивительное в своей простоте, скромности и беззаветной самоотверженности.

Он написал: «Я умираю...» Сколько лет было этому человеку? Двадцать! Двадцать три! Двадцать пять! Они все были тогда молоды, солдаты первых дней войны. Подумайте, как страшно в таком возрасте написать эти два слова, глядя в пристальные глаза оштрафованной тебе смерти. Ведь у этого человека были свои планы, мечты, надежды. Ему еще предстояло совершить все, что должен сделать человек на земле. И теперь он знал, что ничего этого не будет. «Я умираю...» — вчитайтесь в эти слова, повторите их несколько раз, и вы словно услышите в них тихий вздох сожаления об этой несостоявшейся жизни, о мечтах и надеждах, которые уже никогда не сбудутся.

«Я умираю, но не сдаюсь», — писал он. Прочитайте эту фразу про себя, дважды, трижды, и вы почувствуете, как за тихой грустью расставания с жизнью появилась новая, совсем иная нота — гордое, спокойное достоинство. Это гордость до конца исполненного долга, это достоинство человека, который сделал все, что мог. Он, солдат, выполнил воинскую присягу. Он, гражданин своей Родины, выполнил свой высший долг перед ней — спасая ее от вра-

га, отдал ей самое дорогое и невозвратное — жизнь. Пусть сердце его полно тревоги за судьбу родной земли, но на нем нет вины, его не в чем упрекнуть, и в эти последние минуты жизни совесть его спокойна.

И дальше он написал: «Прощай, Родина!» Он не написал: «Прощай, мама!» Он прощался не с родными и близкими, не с боевыми товарищами, не с женой, если она у него была, не с любимой девушкой. Он выбрал слово, которое в тот момент было для него самым большим и емким, — слово «Родина», вмещавшее и родную мать, и любимую женщину, и всех дорогих и близких ему людей, и яблоню в саду родного дома, и знакомую с детства улицу города, и всю свою бескрайнюю советскую землю, сыном которой он всегда себя чувствовал, и все, что он любил на этой земле. Для него в час его смерти это слово не было общим понятием, оно было наполнено до краев богатым, живым смыслом всей его короткой жизни.

Я думаю, нам надо учиться такому восприятию Родины, чтобы не произносить этого слова всуе, чтобы оно всякий раз давало пищу сердцу и уму, приносило бы с собой свой высший и святой смысл и отдавалось бы в самой глубине души торжественным ударом колокола.

Острое чувство Родины, горячая любовь к Родине героического, легендарного поколения Великой Отечественной войны помогли ему выстоять и победить в бесконечно тяжелой борьбе с сильным, жестоким врагом. И сейчас, когда близится большой праздник 30-летия Победы, пример героев учит и вдохновляет нас в жизни, в труде, в новых свершениях на благо любимой социалистической Отчизны.

О МНЕ ВСЕМ!

8 ОКТЯБРЯ 1974 ГОДА КЕРЧЕНСКАЯ ГОРОДСКАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЫЛА НАГРАЖДЕНА ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ. В ЭТОЙ ВЫСОКОЙ БОЕВОЙ НАГРАДЕ РОДИНЫ ЕСТЬ И ДОЛЯ ЮНЫХ СЛЕДОПЫТОВ, ВЕДУЩИХ КРОПОТЛИВЫЕ ПОНСКИ НЕЗНАЕМЫХ ГЕРОЕВ.

Юлий ИКОННИКОВ

Крым. Земля многотрудных боев, земля Севастополя, земля Керчи. Здесь, на Керченском полуострове, в канун сорок второго года высадились с кораблей войска и устремились на помощь изнемогавшему в неравном бою Севастополю. Четыре месяца они приковывали к себе дивизии Манштейна. Здесь, под Керчью, родилась

бессмертная слава героев Аджимушкай. На эту землю высаживались осенними ночами сорок третьего десантники Гладкова, прославив рыбацкий поселок Эльтиген. И в ту же осеннюю воду прыгали с катеров гвардейцы пятьдесят шестой армии, вторично создав Керченский плацдарм — «трамплин» для полного освобождения Крыма. «Керченский пяточок» — так называли тогда этот кусочек крымской земли. «Огненная земля» — так называют ее теперь красочные буклеты.

Теперь мы ходим по этой земле с Сергеем Сергеевичем Надтоком — мой давний друг, коренной житель Керчи, и знает о ней много больше меня. С Митридата, куда мы пришли к Вечному огню, Сергей показывает на расплывающиеся в дымке контуры сопки и объясняет, как заправский военный:

— Вон, видите, высота 164,5? Длинная, с плоской вершиной. Там памятник генералу Аршинцеву. А вон та, под косматой тучей, — Темир-гора. Узнаете?

— Нет, Сережа, не узнаю. Мне не узнать их отсюда. На Митридате ведь тогда были фашисты. — Ах, да! Я забываю все время. А где семьдесят один и три? Вы покажете? Там несколько высот, и все похожи. У нас конца нет спорам из-за этой высоты. Покажете?

Конечно, покажу. И расскажу тебе все, что удержалось в памяти. Я и приехал, чтобы рассказать. И послушать. Потому что тебе тоже есть что поведать о прошедшем за эти годы. Ведь когда мы впервые встретились, ты был еще совсем мальчишкой.

...Его я заметил сразу. Тогда к нам в пятьдесят четвертую московскую школу приехали на кани-

НАША ОБЛОЖКА:
К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД
ГИТЛЕРОВСКИМ
ФАШИЗМОМ.
ФОТО
Виктора САККА

4
ПОВЕСТЬ
БОРИСА
РАХМАНИНА
«ТЕПЛЫЙ СИТЕЦ».

8
СЛЕСАРЬ
ЮРИЙ КОРТНЕВ.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ХОЗЯИНА.

12
МАРШРУТЫ
БЕССМЕРТИЯ.
КУРГАН СЛАВЫ.

16
ТВОЯ ПРОФЕССИЯ.
РАБОТА СРЕДИ
ПРАЗДНИКА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СЛОВО О КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ
КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. БАШКИРИЯ

БЕСЕДА С ГЕРОЕМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА
ШАХТЕРОМ Г. Н. СМЕРНОВЫМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

кулы школьники из Керчи. Шумливые, неугомонные ребята выпрашивали о боях у их города, кбпались в документах, письмах ветеранов, переснимали фотографии. А он молчал. Бочком, тихонько протискивался поближе и слушал, слушал. Порой что-то строчил карандашом в старенькой тетрадке. В конце беседы подошел ко мне:

— Можно с вами поговорить?

И вот он сидит передо мной, пятнадцатилетний парнишка. Чего греха таить, тогда подумалось: ну что может знать о войне мальчишка, ребенок? Разве может он, в общем-то и не живший еще, почувствовать свою причастность к тому тяжелому и ужасному, что обрушилось на нас с войной?

Но первый же вопрос удивил:

— Скажите, где проходила оборона у Азовского моря? Помните, там такая каменоломня — подковой?.. А рядом большая сопка с плоской вершущкой...

Вопрос был обыкновенный. Но только человек, облазивший места боев, мог спросить об этой частности. Да, этот паренек знал многое...

...До рассвета просидел Сережа над старой картой, переводя на кальку сотни линий и знаков. И все-таки тогда это показалось мальчишеской блажью. А сейчас?..

...Что удивительного в том, что живущие у Черного моря керченские ребята знойными летними днями ходят купаться на море Азовское? Там и вода приятнее и берег лучше. А десяток километров не расстояние. По дороге к морю, на сопках — остатки колючей проволоки, полузасыпанные траншеи. А в них, если покопаться немного, можно добыть и простреленную каску, и «шмайсер», и — предел мальчишеских мечтаний — настоящий пистолет. Не беда, что все изъедено ржавчиной, что ни одну деталь не стронешь с места. Все равно оружие настоящее. Нужно только как следует покопаться в земле.

...Лопата вывернула обрывки материи, кусок ремня, уперлась во что-то твердое. В шесть рук, кто чем, мальчишки стали снимать землю тонкими слоями. Она не торопилась отдавать тайну, скатывалась с отвала, припорошивая рассыпавшееся сукно шинели. В окопе лежал солдат.

Он лежал лицом вниз, неудобно подмяв под себя руку. Другая, уронив лежащую тут же винтовку, была выброшена вперед, в сторону немецких траншей. Куча стреляных гильз говорила о том, что солдатский долг был выполнен до конца.

Подбадривая друг друга, мальчишки тщательно перебрали и прощупали пальцами каждый обрывок одежды. На груди лежала плотная, слитая бумажная масса. Это было все, что осталось от документов. Разобрать написанное, отделить листки друг от друга было невозможно.

Проходят годы, день за днем,
А я все здесь, на дне лощины,
Где погибли под огнем
Двадцатилетние мужчины.
А ты, ноль пулю не сбит,
Ты, мне когда-то руку жавший,
Ты всем скажи, что я убит,
Что я не без вести пропавший...

Детским непостижимым чутьем поняли ребята важность сделанного ими открытия. Зимой 1965 года в окопе был найден второй воин. Снова тщательный поиск, но неумолимое время и тут взяло свое: истлело все. Только засыпанное слоем земли тело, только тонкая пластинка слитых бумаж да искорка взрывом, зажатый в руке автомат. На сохранившейся в кармане алюминиевой ложке незаметливо выцарапано: «1942 ЗМФ Заруба».

Первое имя! И невдомек выросшим в мирное время ребятам, что простая алюминиевая ложка во время войны представляла немалую ценность. Ложки вырезали из дерева, их отливали или выковывали из дюралевых обломков фронтовые умельцы, их выменивали при случае и разыскивали среди трофеев, принимали в знак дружбы, сохраняли на память о погибшем товарище.

Останки война были захоронены на братском кладбище рядом с первым неизвестным, на обелиске было начертано: «М. Ф. Заруба». Может быть, это имя погибшего, но не исключено, что и сейчас живет где-то М. Ф. Заруба, воевавший под Керчью в 1942—1944 годах, который может рассказать о своей ложке, а может быть, и о судьбе ее нового владельца.

Я читаю выбранные из писем Сергея записи о Зарубе, а за строками видится хмурый январский день, стремительно несущиеся над самыми головами темные, косматые тучи, промерзший, серобелый, весь в заиндевелой траве склон.

...Только что мы неожиданным броском почти без выстрела ворвались в немецкие траншеи и соединились с выходящими из вражеского тыла остатками десанта Главцного. Сейчас мы разрываем прорыв. Меня недавно прислали в батальон

Сергей
Надка:
«Может,
одни мы
только
и знаем
о нем.
Понимаете,
только
мы знаем!»

зводным, но сменить пока некого, и я действую как солдат. Редкая цепь, сплошь и спотыкаясь по обледенелому силону, медленно движется вперед. До плоской вершины остается несколько сот метров, когда вдруг раздается приглушенный рвотный артиллерийский залп. Воздух расступается перед снарядами с воем и скрежетом, впереди вздымаются столбы земли и дыма. Бросаясь на землю, я вижу, как сосед выбрасывает вперед винтовку и тоже шлепается вниз лицом. Блещет яркая вспышка... Из-под прикрывшей голову руки видно, как взлетает тело солдата и, описав короткую дугу, падает вниз по силону. Взрывы сливаются в сплошной грохот.

Счет времени потерян, обстрел кажется бесконечным. Наконец спустившиеся сумерки скрывают нас от немецких наблюдателей. Огонь начинает стихать. Громко и настойчиво звучат слова команды, поднимающей нас с земли. Оглушенные и обалдевшие, мы выбираемся из воронки и спешим к гребню высоты. Нам нужно выйти на него раньше, чем с противоположной стороны это сделают немцы, еще прижатые к земле ответным огнем наших пушек. Задышавшись от напряжения, мы карабкаемся по силону, переваливаем через вершину и, наткнувшись на автоматные очереди, закладываем на снатах. Высота сто шестьдесят четыре и пять — наша! Обрушившаяся с небес темнота укрывает тех, кто остался лежать позади на силоне. Нам некогда было считать погибших и перевязывать раненых. К раненым пойдут санитары, мертвых разыщут и увезут погребальщики...

...Следующим был отрыт офицер. Ребята определяли это по остаткам сохранившейся португезии. Перебрав землю и еще раз внимательно осмотрев все вокруг, друзья собрали находки и возвратились домой. Больше всего ребят интересовала стопка слежавшихся бумаг. Документы переходили из рук в руки.

И вдруг на поверхность стола с мягким стуком упала тонкая целлулоидная пластинка.

— Ух ты... Смотри, буквы...

Они вертели пластинку, осторожно держа за ребра, разглядывали на свет. Поверхность затекла расплывчатыми пятнами, сквозь которые кое-где проглядывали четкие буквы. Местами они были написаны наоборот, смотрелись, как в зеркале.

После долгих препирательств решили попробовать снять чернила с одной стороны. На противоположной выдвинулись типографские знаки. Лишь только влажная ватка прошла по поверхности, как сквозь пластинку проступила четкая надпись:

...С...С...ОЮЗНАЯ
КОММ...НИСТИЧЕСКАЯ ...АРТИЯ
(большев...ков)

...тариц всех ...няйтесь!

КАНДИДАТ... ..АРТОЧК...
...133

...мил... ..НЮК
...мя и отчество СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ
...дения ...19...
...вступления ...кандидаты ... 1942

...нование } Политотдел Бак...
...ции, } ского военно-пехот...
...щей канди- } ...чилица
...карточку }

Ниже шли неразборчивые росчерки и закрытая оттиском печати дата выдачи документа.

— А что? — по обыкновению скороговоркой затараторил Толя, брат Сергея. — Кусок номера есть? Есть. Имя тоже есть, тут ясно видно, что Степан. И где поступал, тоже ясно, в Баку. Туда и написать надо. Ясно?

— Ясно-то ясно, а потом что? Ну, напишем? — «Что», «что»? — передразнил Сергей. — Людям расскажем, вот что! Может, одни мы только и знаем о нем. Понимаете, только Мы знаем!..

Письмо написал Сергей. Он писал его вечером, подолгу раздумывая над тетрадным листом, а потом, волнуясь, несколько раз переписывал начисто. По дороге в школу он опустил конверт в почтовый ящик и успокоился на несколько дней.

Потом начались муки ожидания.

— Мама, Толик, письма из Баку не было?

Письма не было. Не было его и через месяц. Прошла зима, время летело быстро, притупляя остроту ожидания, а желанное письмо не приходило. Ребята по-прежнему копали на высоте, пополняя свой музей новыми небольшими находками, и продолжали ждать.

...Сперва из земли показались тяжелые ботинки из красной кожи. Ребята расчистили площадку и начали выбирать из окопа землю. Копали долго. Открывавшая их глазам картина потрясла ребят.

Воин сидел на двух коробках от немецких пулеметных лент, прислонившись спиной к стенке окопа. На его полусогнутых ногах, лицом вверх, лежал второй боец. Руки сидящего прикрывали его, как бы стараясь уберечь от нависшей над ним опасности. Вероятно, осколок настиг его в момент, когда он перевязывал товарища.

Остатки одежды говорили о том, что сидящий

был одет в ватную стеганку и сверху прикрыт плащ-палаткой. Через плечо перекинута полевая сумка с солдатским имуществом, на поясе висел немецкий штык в ножнах. На груди сохранилась часть залитой кровью гимнастерки с орденом Красной Звезды и значками «Гвардия» и «Отличный связист».

У солдата в карманах брюк были четыре двадцатикопеечные монеты и пластмассовый трофейный пенал, пояс оттягивали граната Ф-1 и немецкая лопатка. В стороне откопали еще один орден Красной Звезды № 339224. В нескольких метрах от погибших стоял телефонный аппарат.

Дома ребята рассмотрели находки. Прежде всего был раскрыт пластмассовый пенал. На вложенном в него листке бумаги были записаны девять адресов. В эбонитовой ампуле медальона отлично сохранились анкетные данные бойца: Боровиков Валентин Николаевич, 1922 года рождения, из Ленинграда, гвардии сержант.

В документах другого не сохранилось ничего из того, что могло бы назвать его имя. В полевой сумке лежали два куска мыла, опасная и безопасная бритвы с комплектом лезвий, зеркальце, зубная щетка и сапожный крем. Были там еще предпраздничные ноябрьские газеты, «Блокнот агитатора» и карта СССР на немецком языке.

Для Сергея эта находка была решающей. Он понял, что обязан рассказать об увиденном. И еще он понял, что это становится его кровным делом.

...Весной Сергеем исполнилось четырнадцать лет. И, возможно, в честь этого события судьба благосклонно решила преподнести ему неожиданный подарок: пришел ответ на посланное в Баку письмо. Откуда им было знать, что письмо их предало длинный путь и что совсем в другом учреждении людям пришлось выполнять громоздкую и сложную работу, чтобы по обрывочным данным найти то, что надо. Но теперь красный следопыт керченской школы № 9 имени Шмидта Сергей Надтока получил сообщение о том, что кандидатская карточка № 3894133 была выдана в 1942 году Кобернюку Степану Григорьевичу, 1908 года рождения, уроженцу села Малые Ерчики, Сквирского района, Киевской области.

Окрыленный успехом, Сергей посылает целую серию запросов. Письмо в Малые Ерчики с просьбой сообщить о родных Кобернюка, запрос в Министерство обороны: кому принадлежат ордена Красной Звезды № 338510 и № 339224, найденные при последних раскопках. В Ленинграде начат розыск родных Боровикова.

Сергей с друзьями продолжают поиск. Тщательно просматривают и изучают каждую горсть вынудой земли. И, как всегда, терпение вознаграждается: невдалеке от недавно найденных останков в земле, на небольшом расстоянии друг от друга мальчишки находят орден Красного Знамени № 87974, орден Красной Звезды № 225165, медаль «За боевые заслуги» № 63978 и гвардейский значок. Сколько ни искали друзья, останков человека обнаружить не удалось.

Что произошло здесь? Кому принадлежали эти награды? Выдав загадку, земля не дала в руки ключ от нее. Его предстояло отыскивать самим. И снова идет письмо в Министерство обороны с просьбой сообщить, кому, за что и когда были вручены награды под этими номерами.

Долгие версты и месяцы будут отмерять эти письма, через многие руки пройдут они, чтобы потом принести ответы. Придут они не скоро. А пока нужно отдать последний долг воинам, ибо все четче начинают понимать ребята свою ответственность перед павшими, перед их близкими и перед своей совестью.

Сергей — самый младший в группе следопытов. Но он не по возрасту рассудителен и настойчив и, наверное, поэтому вскоре становится вожаком в тройке друзей. А тут еще осуществилась давняя мечта — юношу приняли в комсомол. Это придает энергии, заставляет строже относиться к себе, к тому, что он считает своим долгом. И Сергей начинает хлопотать о перезахоронении воинов. Местные товарищи быстро откликнулись на обращение паренька, и вскоре останки похоронены на братском кладбище. Но как? Небрежное (что греха таить, редко, но бывает и такое) отношение к долгу перед погибшими возмущает Сергея. Он не может и не хочет соглашаться с тем, что люди, отдавшие жизнь за Родину, похоронены наспех, без должного уважения к ним, а следовательно, и к той борьбе с врагом, которую они вели до последнего вздоха. Сергей требует исправить небрежность. Ему обещают, но ничего не делают. А в это время документ на бланке Центрального архива Министерства обороны сообщает, что орден Красной Звезды № 338510 был вручен за доблесть и мужество, проявленные при форсировании Керченского пролива, гвардии сержанту Логвинову Василию Михайловичу.

Теперь известны имена всех трех воинов, найденных при последних раскопках. С новыми силами Сергей старается ускорить события. Из одной инстанции он переходит в другую, требуя захоронения с почестями, и с помощью партийных органов добивается своего. Местная газета публикует сообщение о решении бюро райкома партии, в котором жестко критикуется равнодушие.

...Январский день шестьдесят седьмого года. По проселочной дороге, ведущей к братскому кладбищу у деревни имени Войкова, движется процессия. Венки из живых цветов открывают траурное шествие. На открытых платформах автомашин установлены усыпанные цветами гробы с останками воинов. Каждую машину сопровождает идущий парадным шагом воинский эскорт. На головной машине временный обелиск с именами героев. Колонна провожающих растянулась больше чем на километр...

Прошли годы с той ночи, которую пятнадцатилетний школьник Сережа Надтока просидел за своим столом, срисовывая карту «Керченского пятачка». Тогда мы расстались с этим аккуратным, подтянутым пареньком, договорившись о переписке. Честно говоря, я не верил, что она будет долгой, так как по опыту знал, как быстро проходят увлечения детства.

Я ошибся. Письма Сергея приходили из месяца в месяц, из года в год. Приходили даже тогда, когда, кочуя по больничным койкам, я не мог ответить на них своевременно.

Как-то вечером мы приходим в маленький домик, где живут вот уже четыре поколения семьи Надтока. Мы сидим за столом в светлой, побеленной известкой комнате Сергея и под аккомпанемент погромыхивающих в руках его жены тарелок продолжаем начатый разговор.

— Сережа, сколько же тобой всего разрысано в этих окопах?

— Ну, как мной? Я же не только сам копаю, мы с ребятами ходим, с братом. Понимаете, это общая работа. Вот разыскиваю потом имена, родных — это уже моя работа. Так как-то само получилось. Чуть что — несут ко мне.

— А все-таки?

— Одиннадцать. Это тех, чьи имена удалось установить. А восемь так и остались неизвестными. Совершенно не за что было зацепиться, ни документы не уцелели, ни награды там или еще чего-нибудь. Так и похоронили неизвестными. Жалко!

— А известные кто? Что удалось узнать о них?

— Да по-разному. Об одних больше, о других меньше. Коротко не расскажешь. Вот тут записано. — Сергей достает из шкафчика и кладет на стол стопку документов. — Здесь все.

Придвигаю бумаги к себе. Сверху две толстые тетради. На коленкорной обложке закреплена звездочка с красноармейской фуражки, угол тетради перевит муаровой гвардейской лентой, по вертикали — колонка планок боевых наград. На обложке второй — тоже столбик орденских планок с номерами найденных наград под ними и четкая надпись: «Умереть за Родину — не смерть, а бессмертие!» Четким почерком написаны имена:

Кобернюк Степан Григорьевич, капитан,
Логвинов Василий Михайлович, гвардии сержант,
164 гв. с. п.,
Боровиков Валентин Николаевич, гвардии сержант,
164 гв. с. п.,
Супруненко Василий Яковлевич, гвардии сержант,
164 гв. с. п.,
Перепелица Федор Платонович, гвардии рядовой,
164 гв. с. п.,
Федькин Степан Семенович, гвардии сержант,
15 гв. с. п.,
Севастьянов Михаил Степанович, рядовой,
91 з. с. п.,
Луцишин Филарет Сергеевич, старшина,
Красношлык Данил Антонович, гвардии рядовой,
Иванов Петр Гаврилович, гвардии рядовой,
91 з. с. п.,
Заруба М. Ф., рядовой.

Быстро пролетели отведенные для поездки дни. За городом мы поднимаемся на небольшую высоту. Идем по брустверу старой траншеи, обходим выдавшийся вперед короткий ход сообщения. Нагибаюсь и шарю в привядшей осенней траве. Пальцы сразу нащупывают знакомые предметы — стреляные гильзы, автоматный патрон. Земля не принимает их, из года в год выталкивает на поверхность прорастающими стеблями. Она будто старается держать их на виду у людей, напоминая о прошлом.

о войны они часто покупали подсолнечное масло. Когда одна бутылка кончалась, мать, возвращаясь с фабрики, покупала новую, а пустую выставляла в сарайчик. Накопилось их там немало. И вот сейчас, за несколько часов до наступающего сорок второго года, Мэри случайно обратила на них внимание. Она так и ахнула. Ведь бутылки-то из-под масла! Как же хорошо, что она не сдала их в свое время.

Вообще-то не только мать покупала до войны масло. Иногда за ним бегала в магазин Мэри. Но пустую бутылку для обмена она с собой не брала. Масляную, запыленную предлагать ей было неудобно, как бы грязнухой не назвали, а мыть некогда. Мать уже стучала ножом, шинкуя картошку и лучок, а в белой эмалированной миске розовел фарш для котлет.

Магазин располагался за углом, недалеко. Чего же там только не было! Колючие, будто кактусы, лежали свежие огурцы, мерцали серебром толстые пряники, светился зеленоватый мед...

И конверты здесь можно было приобрести. Заклеивали их, кстати говоря, тем же медом.

И книги имелись. Правда, перелистывать их — чтобы не пачкались страницы — разрешалось лишь силой взгляда, но ведь для того, кто заинтересован книгой, это сущие пустяки.

Продавалась здесь и рыжая суетливая белка в клетке из блестящих велосипедных спиц. Посетители магазина были догадливы и не покупали ее, не хотели лишать удовольствия других. Белка — даром что не разговаривала — буквально все понимала. Спросишь шепотом:

— Чудо мое, хочешь орешков?

И по виду ее всегда было ясно, что да, хочет.

Купив масла, Мэри бежала домой, но по пути обязательно останавливалась у почтамта, возле синего ящика, и прикладывала к нему ухо. Так и есть! Внутри слышалось сердитое гудение.

Мэри поднимала над узкой прорезью синий жестяной козырек, и тут же из ящика вылетали две-три пчелы. Мед на конвертах выщипывали. А может, адреса читали?..

Но все это было еще до войны, летом. А сейчас...

Растопив в жестяном тазу снег, Мэри поставила мутные пыльные бутылки в теплую воду, они скоро оттаяли, и по их внутренним стенкам поползли вниз длинные, медленные капли. Когда на донышке бутылки скапливалось по несколько капель, Мэри опрокидывала ее горлышком вниз, и капли еще медленнее текли в противоположном направлении. Она держала бутылку над граненым стаканом, рука быстро уставала, затекала, Мэри меняла руку, но не сдавалась. Она рассчитывала, что изю всех бутылок соберет по крайней мере четверть стакана сверкающе желтого ароматного масла — настоящее сокровище. Даже мать, наверное, обрадовалась бы ее сметливости.

Уже стало смеркаться, когда от горлышка первой бутылки оторвалась и упала в стакан первая янтарная капелька.

— Бом-мм!.. — сказала Мэри.

Медленно, как во сне, текли по зеленому стеклу длинные капли, текли слезы по лицу Мэри. Снова припоминалось ей лето.

Привез маму из больницы сосед, дядя Петрусевич. Мэри в кабине его полторки не поместилась и ехала в кузове, сидя там на запасном колесе и держа на коленях материн больничный узелок.

Ей бы еще полежать, маме, может, все бы еще и обошлось, но уж больно беспокойно было в ту пору, многие эвакуировались, звали с собой и Мэри; узнав же, что у нее в больнице мать, сочувственно вздыхали: не ко времени, мол... Да и сама мать забеспокоилась, потребовала у врачей выписки. Те перечить не стали.

...Подъехав к дому, Петрусевич вышел со своей стороны кабинки, обошел машину и, отворив дверцу, помог матери сойти.

— Испеклась ты, соседка, — сделал он вывод, — теперь тобой и комар побрезгует.

— И то... — чтобы не обидеть шофера, кротко согласилась мать, но быстро поняла, что одной благодарностью и уважительностью не отделаешься.

Петрусевич стал озабоченно заглядывать под грузовик и, сетуя на то, что резина на этом проклятом булыжнике быстро снашивается, пинал сапогом колеса.

— Будто гуфли у девок на танцплощадке, так и горит... — хохотнул он. — Твоя-то как? Заглядывает уже в «Комнату смеха»? Радоваться ты должна, — оглянувшись он на Мэри, — вся в тебя: ни рожи, ни кожи. Таким опасаться нечего. Хотя, если в тебя она, то...

Трясувшись руками мать развязала торопливо взятый ею у дочери больничный узелок и подала соседу квадратный кусок розоватого свежего сала, так и не тронутого ею во время болезни, и липкую банку с вареньем.

— Вот... Не побрезгуй. И спасибо. И... И катись...

— Нам все сгодится, — весело осклабился Петрусевич, — нам жить, нам и кушать.

Отмахиваясь от пыли, поднятой умчавшимся грузовиком, мать вздохнула.

— Сало ему к водке подойдет, — задумчиво проговорила она, — варенье — к чаю... Жалко мне его. Холостяк. Все пуговицы разноцветные.

Помог Петрусевич и с похоронами.

— Недосуг, правда, да и барыш невелик, — бормотал он, вместе с другими соседями устанавливая в кузове с откинутыми бортами пахнущий свежечинными карандашами гроб. — А вот, не отвертелся... Не смог. Хоть под ногами уже дрожит, небо трескается...

За городом с ночи гремел бой, скакали по главной улице повозки с лежащими в них вповалку ранеными бойцами, медицинские сестры неумело нахлестывали лошадей.

Поехать на кладбище так никто и не вызвался. Несколько соседей и знакомых по ткацкой фабрике, прислушиваясь к недалекой стрельбе, смущенно попрощались и разошлись.

— Ехать буду быстро, — предупредил Петрусевич, — придерживай покойницу-то.

Никогда не забыть этой дороги. Полторка подпрыгивала на ухабах, на узких поворотах ее заносило, гроб так и ездил по настилу кузова, тело матери билось и трепетало под руками Мэри, словно живое.

Неизбывна тема войны. Вот уже и тридцатилетие Победы будем мы вскоре праздновать, а война — великий подвиг народа, подробности каждого из полугора тысяч с лишним военных грозových дней занимают ум и сердца людей, продолжают оставаться темой художников. Так и должно быть. Лучший жизненный урок молодым — пережитое отцами, дедами.

Но пишут о войне не только те, кто сам побывал в ее горниле, не только солдаты. Пишут и бывшие «сыновья полков», пишут те, чье детство опалено пламенем боев, чье сознание, чей нравственный, духовный облик формировались именно тогда — между сорок первым и сорок пятым.

Борис Рахманин — один из них. Не так давно «Литературная газета», говоря об одной из его повестей, сделала вывод, «что в нашу прозу пришел интересный писатель со своим видением мира, с тягой к условным, поэтическим формам обобщения...». Да, проза Бориса Рахманина необычна, сочные бытовые описания сочетаются в ней со сказкой. Но, в сущности говоря, это весьма естественно для писателя, чьи представления о войне возникали в пору детства. Прошлое проецируется в сознании ровесников войны как легенда, как романтическое, героическое видение. Живыми, полнокровными, самыми обычными людьми помнятся нам герои тех лет, и все-таки с течением времени они приобретают и черты величественные, былинные.

Новая повесть Б. Рахманина невелика по объему, но емка. Не хочу огнивать удовольствия у читателей, пересказывать ее или анализировать. Поделившись с читателем «Смены» некоторыми мыслями, вызванными этой повестью, я просто хочу от всей души посоветовать ее прочесть. Уверен — без волнения читать ее невозможно.

Юрий НАГИБИН

Борис РАХМАНИН

ТЕПЛЫЙ СИТЕЦ

И БЫЛЬ И СКАЗКА

...На краю кладбища чернело свежей подземной землей несколько открытых впрок могил — для военного госпиталя, что разместился было в школе, где училась Мэри, но спустя несколько дней эвакуировался подальше, в тыл.

Возле одной из ям пышно цвел узловатый развесистый куст сирени. — Считай, что повезло мамаше, — сказал Петрусевич. — Не в какую-нибудь, в солдатскую... Видишь, какая аккуратная? Саперы копали. И букет рядышком.

Он уехал, а она все стояла в каком-то оцепенении над черным холмиком, и странно было, и страшно, и в голове не уместилось — неужели нужно уходить, оставив мать здесь? Неужели они не вернуться с кладбища вместе?

Пошла домой, когда уже садилось солнце. По пути забрела в тихий, словно вымерший школьный двор. Ни души... Только валялись на земле и на лестнице кровавые бинты, темнели чьи-то забытые впопыхах тени, а от густого запаха иодоформа першило в горле.

Дом она убралась, легла и тут же заснула. Приснился ей отец. Он что-то говорил ей, даже кричал, Мэри видела, как шевелились его губы, но слышать его никак не могла. Мешал какой-то шум, грохот.

— Что?.. Что?.. — мучительно вслушивалась она. — Как фамилия твоя, папа? Как?..

Только утром поняла она, что за грохот такой заглушал ночью отцовский голос. Вышла с ведром к колодцу, а возле него, брыгаюсь и хохоча, умывались и чистили зубы несколько голых до пояса парней. Сначала Мэри не догадалась, кто это. Но прислушалась к их веселым непонятным выкрикам, увидела еще одного, уже полностью одетого, во френче с серебряными погонами и пилотке с орлом, ахнула про себя и попятилась обратно, в дом.

Воду из колодца будут теперь пить немцы. Неужели, неужто это произошло? Из их колодца? А ведь какая знаменитая была в их колодце вода! Однажды жители улицы даже поспорили, кто больше этой мягкой водички выпьет. Один мужчина, толстый и веселый, всех перепил и еще потребовал.

— Не досыта! — засмеялся. — Еще бы ковшика два...

А другой, толстый и грустный, выпил только полстакана. И все вздыхал.

— Вы чего? — сочувственно спросила у него Мэри.

— Я бы его перепил, — ответил он, — да колодца жаль, я весь колодец выпить могу...

С того дня, как пришли немцы, минуло около трех месяцев. Однажды Петрусевич привел к Мэри высокого, с красивым, холеным лицом офицера и, поставив на пол его кожаный чемодан, произнес:

— Так что вот, господин немец, чем богаты, тем и рады.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Офицер смерил побледневшую девушку пристальным оценивающим взглядом, осмотрелся по сторонам и скорчил презрительную мину.

— Нет, нет! Это слишком плохо! Нет!

Подхватив свой кожаный чемодан, он пошел обратно, но у дверей, возле вешалки, помедлил и сдернул с нее старый овчинный жилет. Петрусевич посмотрел ему в спину со злостью и с восхищением.

— Колбасник чертов! Переборчивый... Слушай, ты, говорят, колдовать умеешь, преврати меня в немца...— И сам засмеялся.— Он что сказал? Переведи.

— Что здесь слишком плохо,— прошептала Мэри.

— А то хорошо? Слепили из навоза и живут. Как ласточки...

— Нам квартиру в Соцгороде обещали. До войны.

Петрусевич махнул рукой.

— Думал сюда его расселить. И ему, мол, интересней с девицей, да и тебе бы не без пользы.— Он снова махнул рукой.— Ну, а фабрика как? Дышит?

— Не очень...— вконец оробела Мэри,— не получается.

— Ну, ну,— снисходительно успокоил ее сосед,— я ведь знаю, ты не союзная молодежь, тихая, живи... Бог даст, в Германию поедешь, за границу поглядишь.— Он направился к выходу, но у вешалки, копируя немца, остановился, подумал... Снял со стены вешалку, сунул под мышку и ушел.

(Действительно, дом, где жила Мэри, был обмазан поверх дранки глиной, смешанной с кизяком. Таких времянок на окраине города было немало. Но ведь не зря же назывались они времянками. Иногда поздними вечерами мать предлагала Мэри прогуляться, подышать. Не сговариваясь, они шли за плотину, в будущий Соцгород. Над рекой в этот тихий, полный дремоты час, повторяя все ее изгибы, стоял молочно-голубой дым, только возле самой воды было чисто и пусто, казалось, там и воздуха не было. Голоса у ночной реки звучали мирно и печально.

Здание, где им была выделена жилплощадь, поднялось уже почти в человеческий рост.

— Мы на пятом этаже жить будем,— говорила мать.— Там примерно, где звездочка подмаргивает, видишь? Вот тогда-то,— обещала мать,— и обзаводиться будем... По-настоящему. Буфет купим, этажерку. Письменный стол тебе... Раскладушки наши в Соцгород не повезем.

— А икону?..

Сколько Мэри себя помнила, висела в их доме — рядом с фотографиями и похвальными грамотами — написанная на выпуклой, точно боковника кадушки, доске пресвятая дева с ребеночком на руках.

— Икону в Соцгород нельзя,— объяснила она матери.

— Но... Она ведь тоже... Мать-одиночка. Думаешь, ей легко было? Пацан-то еще махонький. В детсадик бы его, тогда бы и она вздохнула...)

Интересно, думала теперь Мэри, кто же будет жить на пятом этаже, рядом со звездочкой, когда дом достроят... Достроят ли?.. Когда?..

По ночам в городе раскатисто визжали выстрелы, осенняя мгла оглашалась окриками на чужом языке, тяжелым топотом погони. Возле почтамта ветер сшибал на виселице два почерневших, как бы обугленных тела. Брезентовая почтовая сумка топорщилась у одного из них на боку.

Почтальона казнили за то, что он вместо писем разносил в своей сумке и опускал в жестяные ящики на калитках им же самим сочиненные листовки.

Вторым казненным был мальчик, бросивший камень в немецкий танк. Его схватил за шиворот немец-танкист и, добродушно смеясь, сказал: «Танком камень не боятся!» На что мальчик ответил: «А может, я для тренировок...»

(Мэри его знала. Он учился в седьмом классе ее школы, учился плохо, хоть много читал, и она, выполняя общественное поручение, как-то подошла к нему на большой перемене и, покраснев до корней волос, спросила: «Сидоренко, ты что себе думаешь?» На что, также покраснев, отвлекшись от книги, которую читал даже во время большой перемены, тот ответил: «Отстань, дура ушастая!..»)

Наступила ранняя в этом году студеная и голодная зима.

Хлеба липкого и тускло черного, как осенняя грязь, выдавали по маленькой краюхе в день, картошка у Мэри кончилась, и нечем было бы даже скрасить наступление сорок второго, если бы не пустые бутылки из-под масла.

...Новая капелька, будто расплавленное золото, подняв невидимые душистые брызги, упала в стакан.

— Бомм!..— радостно произнесла Мэри. И прислушалась. Во дворе скрипел под чьими-то ногами снег. Раздался громкий стук в окно.

— Иващенко! Мэри! Открывай!

Голос знакомый. Неужели опять?

Она откинула щеколду, и в комнату вслед за Петрусевичем, пригнувшись в дверях, свалились два совершенно одинаковых солдата с заиндевшими автоматами на груди. Головы их под пилотками были обмотаны махровыми полотенцами, на ногах поверх сапог веревочные лапти.

— Что это у тебя?— спросил Петрусевич, растирая уши.— Бутылки моешь? Надо было их до войны сдать. Вот, господа немцы,— обратился он к солдатам,— это она и есть, чем богаты, тем и рады. Собирайся, Иващенко!

— В Германию? — отшатнулась она.

— Может, в Германию, а может, в Соцгород... К стенке.

На улице он пожаловался ей на тяжесть своей службы.

— Барышня моя гуся испекла, ждет, а я, как заведенный, из дома в дом. Они ведь, как дети, немцы-то, шагу без меня не ступят. Слушай! — воскликнул он внезапно. — А ведь ты меня и впрямь заколдовала тогда. Я же в заправского колбасника превратился, даже разговариваю по-ихнему. И перевести могу. Яволь, господи немцы! — жизнерадостно крикнул он. — Русись мороз! А? Зер шлехт, язви вас в печенку. Фарфлюгте винтер!..

Один из солдат жалобно с ним согласился, второй что-то со злостью проворчал.

Петрусевиц радостно рассмеялся:

— Отто — он подобрей, миляга-парень, а Ганс к черту меня посылает, в болото. Сам бы туда шел!..

А нам с ним такой морозец нипочем, подумала Мэри. Нам? Странно, что и Петрусевиц — русский. Нам? Нет, нет! Ведь он же сам говорит, что... Что он превратился!..

— Ничего, — добродушно проговорил Отто, — скоро эта девчонка согрет всю армию. Герр Крюгер свое дело знает.

— Всю армию?! — так и закатился Петрусевиц. — Одна?!

— А что, если она не проговорится? — подал вдруг голос второй немец. — Что, если она... Ну... Патриотка, одним словом.

— Герр Крюгер свое дело знает.

«О чем они? — испуганно думала Мэри. — О чем это я могу проговориться?»

Возле ворот школы прохаживались часовые, у подъезда ждал длинный черный автомобиль.

— Я докладывать побегу, — сказал Отто. — Отведи-ка ее сам. — Он поднял ногу, рассматривая свой стоптанный веревочный лапоть... — Черт! Совершенно не греют эти канаты.

...Отто убежал докладывать, а Ганс, цепко взяв Мэри за плечо, повел ее через двор к подвалу. Там он приказал часовому отпереть одну из многочисленных дверей и легонько подтолкнул Мэри вниз, в крошечную темноту.

Она споткнулась на невидимых ступенях, едва не упала, но удержалась. Прислушалась и тут же услышала чье-то прерывистое дыхание. А еще минуту спустя разобрала и другие звуки — стон, кашель, — но едва слышные, словно за стеной. Должно быть, и впрямь за стеной, в соседнем отсеке. Вот и смех оттуда донесся. Странно. Смех...

А здесь? Кто же здесь?

Дрожа от страха, Мэри стояла на том же месте, ждала, что привыкнет к темноте. Где-то под потолком медленно проступило забранное решеткой оконце, но сейчас, поздним декабрьским вечером, света оно не давало, освещало лишь само себя. Мэри сделала один шаг, другой...

— Ну, ну, смелей, — прохрипел в темноте, совсем рядом слабый голос.

Мэри испуганно ойкнула и замерла на месте.

— Девчонка, что ли? — спросил тот же хриплый немолодой голос.

— Да ты... Да вы не бойтесь, — сказал другой голос. Женский, знакомый...

— Теть Полина, это ты? — не смея верить себе, вскрикнула Мэри. — Теть Полина!

— Кто это? Неужели? ...Мэри? Мэри, ты?

— Я!.. Где ты, теть Полина? — она сделала еще шаг и наткнулась на чье-то тело.

— Нагнись, — тихо попросил женский голос, — руку мне на лоб...

(До войны Полина работала с матерью Мэри в одном цеху, но близкими они не были, даже наоборот, на летучках друг дружку критиковали, а на улице проходили мимо, не здороваясь.)

— Живет, как в шапки играет, — ехидно говорила Полина подругам. — Раз, два — и в дамки!..

— Завидует, — объясняла тем же подругам мать, — у меня дочь, под старость стакан чаю подаст, одеяло подоткнет...

Подруги с ней соглашались.

— Дочка у тебя что надо! Начитанная... И банты в косичках хороши у нее.

Мать так и расцветала.

— Руку, бывает, вниз ладонью вытянет, — принималась она рассказывать, — пальцы растопырит, и на каждый ее палец по птичке садится. Разные... Зеленые, голубые... Я и не знала, что у нас такие водятся. Сядут и поют. Вшестером поют.

— Как вшестером? Птичек-то пять, — недоумевали подруги.

— А Мэри — шестая.

...Когда немцы заставили всех явиться на фабрику, на работу, Мэри сразу столкнулась с Полиной. Та стояла возле отбелочного чана и стучала железкой по железу. Отводила глаза спрятавшегося от мороза в теплую каморку немцу-мастеру. Помня о матери, Мэри гордо прошла мимо, но Полина ее окликнула, взглянула тоскливыми добрыми глазами и приказала:

— Возле меня держись, мы не чужие...

Последний же раз Мэри видела ее неделю назад, на фабрике.

— Теть Полина, — шепотом сказала она, встретив ее в уборной, — смотри, какое мне письмо почтальон принес... — развернула и показала.

«Добрый день или вечер, Советский человек! Хочу обрадовать тебя: наши уже к шоссе прорвались!..»

С усиленным выведенным старческой рукой кривые буквы складывались в смелые обнадеживающие слова.

— Дуреха! — напустилась на нее Полина. — Зачем при себе держишь?

Но Мэри не разорвала листовку. Не так уже много мог написать их карандашом под копирку старый почтальон, жаль было его труда, пусть и другие читают... Она пробралась в узкий соседний переулочек, где всегда, будто в печной трубе, резал зимою метельный сквозняк, разжала пальцы, и листовка освобожденной птицей полетела с ее ладони в ночь.)

И вот — надо же! — Полина в подвале. За что?..

— Теть Поля, за что тебя?

— Не знаю. Привели, неделю продержали и — ни слова, а нынче побили, вздохнуть не могу. Празднуют они нынче. Завтра скажут. Обещались...

Из темноты на ее слова отозвался тот же задыхающийся голос...

— Празднуют, говоришь? Партизаны им поднесут, это точно. Давеча вели меня — слышал, как за рекой хлопнуло. Небось, не шампанское. Эй, новенькая, а который сейчас час? Приблизительно...

Когда Петрусевиц привел немцев, на будильнике было больше одиннадцати, на дороге ушло минут двадцать.

— Ровно двенадцать, — еле выговорила она.

— Ну, тогда с Новым годом! И тебя, Полина, и тебя, новенькая. И тебя тоже... Слышь, с Новым годом, говорю, тебя...

Из противоположного угла вместе со стоном донесся ответ:

— И ва-ас... также.

— Я говорю, под елочку бы сейчас, — вздохнул первый голос. — Товарищу Забодаю доложить.

— Собирается я... — со стоном сказал второй. — Счет уже... открыл...

Мэри слышала однажды о Забодае и потому робко переспросила:

— Это который председателем был в Камушках?

— Был и есть, — поправили ее, — ох, и требовательный мужчина! Без личного счета — от ворот поворот! А я у него... — Голос спохватился, осекся.

Из-за стены в эту минуту донесся все тот же тихий, попеременно со стонами и кашлем смех.

— Смеются, — с нерешительным удивлением произнесла Мэри.

— Там у них человек такой есть... По национальности одессит. Аnekдоты знает.

Наступила долгая зябкая тишина.

Сидя на земле возле тихо охающей Полины, Мэри время от времени клала ей на лоб свою остуженную ледяной стеной ладонь. Ей показалось на миг, что она сидит возле больной матери. Той короткой июньской ночью...

(— Ты уже большая, пятнадцатый пошел, — вдруг произнесла мать в ту ночь таким внятным, непривычным после ночного бреда голосом, что сонно клевашшая носом Мэри даже вздрогнула. — Ты уже все, небось, знаешь, — убежденно сказала мать, — проштудировала... Я, Мэри, про папу тебе сказать должна. Он моряк, я с ним во время отпуска познакомилась. Зовут его Николай... Поэтому ты — Мэри Николаевна...)

Бледное ночное окно становилось все ярче, из голубого превратилось в зеленое, розовое, золотое... А мать все рассказывала.

О том, как дали ей на фабрике льготную путевку, за четверть цены... На Черноморское побережье Кавказа. Как, прогуливаясь по набережной жаркого южного города, познакомилась с моряком Николаем. Ей тополевая пушинка в глаз попала, слезы так и полились... А он подошел, достал чистый платочек и помог.

«Разрешите, — говорит, — познакомиться, меня зовут Николай». Я уже в годах была, двадцать пятый стукнул, парни меня вниманием не баловали, чего там, не шибко хороша удалась. А тут такой кавалер! Брюки, китель, картуз — все белое. У меня до конца отпуска четыре дня осталось. Полюбила его — и все тут. На пляже мы с ним встречались, вечером. Допоздна... Пограничники, бывало, идут ночью дозором, фонариками посветят и прогонят нас. А я даже не стеснялась, даже гордилась. Приду утром на это место, песок увижу примятый, лягу и засну... А вечером — опять встреча. Веселый он был, шустрый такой, песни хорошо пел. Чаще других пел он про крошку Мэри. Я его даже приревновала к ней. Что, мол, за Мэри такая?

Когда Мэри подросла, мать снова поехала в тот черноморский город. Вместе с дочерью.

Моряков там гуляло на набережной великое множество, но тот, за кем приехали сюда, не встретился ни разу.

Как-то один пожилой усач сел возле Мэри на корточки и, приставив ко лбу указательные пальцы, хотел ее этими рожками поддеть. Ей и страшно было и весело. Счастливо смеясь, расставив ручонки, с разбегу бросалась в спасительные объятия матери.

«Товарищ капитан, — говорю, — я одного моряка разыскиваю, нет ли его на вашем корабле? Зовут Колей. Николаем...» «А как, — спрашивает, — фамилия?..» А я-то больше ничегошеньки не знаю. И смех и грех... Закраснела вся от стыда-то. «У меня, — говорит, — в экипаже этих самых Николаев, как чаек в гавани. И на других судах то же самое. Как же вы, — говорит, — так оплошали?» «А я на него, товарищ капитан, не в обиде, — отвечаю. — Мне и имени довольно, чтобы у дочери отчество имелось». «Зачем же, — спрашивает, — разыскиваете?» «Как зачем, — говорю, — может, я спасибо ему сказать хочу. И потом... А вдруг он сам только об этом и мечтает, на доченьку поглядеть. Вот я и примчалась. Радость ему хочу доставить». И стала я замечать, что усач гулял с той поры по набережной не один. Всегда с несколькими молодыми моряками. И все они как-то поглядывали на меня, будто припомнить старались... Ага, думаю, не иначе, как Николай это. Перед отъездом взял у меня усач домашний адрес. И что же ты думаешь? Нет-нет да и перевод прибывал или посылка. От кого, спрашивается?..

Мэри и сама хорошо помнила эти посылки. Появляясь в открытой калитке улыбающийся почтальон, размахивал извещением.

— Ну, кто плясать будет?

Ничего не поделаешь, приходилось плясать. Это было не в тягость. Столько радости было в жизни, что любым поводом для пляски пользовалась она, не раздумывая.

Барыня, барыня! Сударыня, барыня!

Удовлетворенно хохоча, он вручал ей перетянутый шпагатом фанерный ящичек. В обратном адресе обычно значилось: от Николая Кравцова. Или: от Николая Гогоберидзе. Или: от Николая Ивановича Пашкова. Или просто: от Коля Ш.

В посылке были то новенькие желтые башмачки, то пушистый из гагачьего пуха костюмчик — рейтузы и кофточка, то скрипучий черный портфель... Коньки... Конфеты... Изюм...

Так продолжалось несколько лет. Потом посылки стали приходиться все реже и реже. Видно, переженались моряки, обзавелись собственными детьми, устали помнить о чужой девочке.

А она все ждала, ждала... Не только из-за подарков. Заметит, бывало, идущего по их улице постаревшего почтальона, так и замрет, не дышит.

Даже неделю назад, когда увидела его через проталину в оконном стекле, сутулого, неловко возвышавшегося возле калитки, чуть окно не разбила, мелькнула безумная мысль, что пришла посылка. От моряка... От отца...

Выскочила полураздетая на мороз.

— Что?! — закричала. — Мне?! От кого?!

Он смутился, потупился, потом протянул исписанную старческим почерком страничку.

«Добрый день или вечер, Советский человек! Хочу обрадовать тебя: наши уже к шоссе прорвались!..»

Продолжение следует.

Лина ТАРХОВА

ДВОЕ ИЗ МОЛОДОГО ГОРОДА

«Добиться досрочного ввода в эксплуатацию строящихся объектов, бороться за высокое качество работ, повышение эффективности капитальных вложений».

Из резолюции XVII съезда ВЛКСМ

Краше всего город выглядит, если смотреть на него через пролеты нового моста, выгнувшего упругую спину над Волховом. Темная зелень набережной, которую не терпеливое воображение горожан уже одело бетоном и даже гранитом. Современная ломаная линия крыш: девятиэтажная «башня», цепь пятиэтажных домов, снова «башня»...

Слева, отрезанный от города полосой леса, стоит, подняв в небо трубы, энергопромышленный комплекс: завод железобетонных изделий, Киришская ГРЭС и, наконец, нефтеперерабатывающий завод. На другом берегу Волхова раскинулась площадка Всесоюзной ударной комсомольской стройки биохимического комбината. На одной из стен строящегося цеха лозунг: «Даешь Биохим в 1974-м!»

Это — Кириши, город с населением в тридцать пять тысяч человек.

А начиналось все чуть больше десяти лет назад... Старый паровичок свистнул и побежал дальше по однопутной дороге. На перроне остались пятьдесят человек с рюкзаками и чемоданами — первые строители. Ветер уныло раскачивал керосиновый фонарь. Фонарь должен был освещать перрон, но света его едва хватало на проржавевшую вывеску: «ст. Кириши». Избы крохотного поселка тонули в грязи и темени, хлестал дождь со снегом.

Тысячи людей пришли сюда вслед за первыми десанниками. Они преобразили суровую киришскую землю, покрытую болотами, непроходимыми лесами, изрытую тысячами воронок от артиллерийских снарядов — следами жестоких боев с фашистами. Средний возраст строителей был 26 лет. Город, мост, дороги, заводы — все возводилось руками молодых рабочих, комсомольцев. За это Киришская городская комсомольская организация в канун открытия XVII съезда ВЛКСМ была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Сегодня мы рассказываем о двух молодых строителях молодого города, о людях, чей труд, как труд тысяч их земляков, принес городу всеобщую славу.

Когда этот номер уже верстался, мы получили сообщение: первая очередь завода к пуску готова, идут последние предпусковые дни.

«ОТКАЗАТЬСЯ»

Монтажники сидели в приземистой бытовке, которую сколотили сами. Перебрасывались незначительными фразами, шутками — отдыхали, поскольку был обеденный перерыв.

Но отдыха не получалось.

— У мастерской лежит новый пакет, — сказал вдруг Саша Лайдинен.

— И я у переезда два пакета видел. Вроде четвертый номер, — добавил Володя Савинов.

Ярослав Юркив, бригадир, выразительно глянул на обоих, и те молча поднялись из-за стола. Юркив же слегка сконфуженно улыбнулся, как бы говоря: «Если у других дефицитные детали плохо лежат, чем я виноват?»

Минут через пять за стеной слышался лязг тяжелых пакетов (они представляют собой несколько металлических пластин в металлической же «рубашке»), и в бытовку вошли Савинов и Лайдинен.

— А я пакет аж около столовой видел, — произнес добродушный, медлительный Леша Матвиенко, и тут же кто-то из ребят помоложе двинулся к столовой.

Им сейчас нужны эти пакеты как воздух. На два ротора девятого блока ГРЭС, которые они монтируют, нужно их около тысячи. Все пакеты вовремя пришли от поставщиков, но эксплуатационники (их не любят, ох ругают их монтажники!) забрали пакеты на действующие уже блоки взамен засорившихся. А теперь выколачивают грязь из старых и передают их монтажникам.

— Сколько мы с утра получили? — спросил Коля Ширяев.

— Двадцать, — мрачно отвечает Юркив. — И три «партизанских».

Кое-кто улыбается. Бригадир сердито черкает что-то в своем блокноте, делит, умножает. Получается: еще месяц такой работы, и их обязательство окажутся под угрозой срыва. Они точно рассчитали силы, прежде чем решиться заявить на комсомольском собрании СУ — ГРЭС, что берутся закончить монтажные работы по девятому блоку на год раньше срока. Обязательство бригады стало основой комсомольского встречного плана всего СУ — ГРЭС. Горком комсомола взял на себя агитацию поставщиков. Уже известно: турбину строителям пришлют раньше, чем планировалось. Ее изготовят из собранного киришскими пионерами металлолома.

Теперь о решении комсомольско-молодежной бригады Ярослава Юр-

кива знает весь город. Монтажники серьезно все обдумали тогда, понимая, какую взваливают на себя ответственность. Но они имели право на этот эффектный шаг. Три года существует бригада Юркива, и все три года лидирует среди комсомольско-молодежных бригад СУ.

Ярослав Юркив попал в Кириши по командировке. Он тогда работал в Ленинграде, жил в пригороде. Каждый день переполненная электричка привозила Ярослава на вокзал. Толпа выносила его из вагона, втискивала в поезд метро. Днем неторопливая работа (монтаж вентиляторов и других вращающихся механизмов), работа, ритм которой давно устоялся. Вечером снова — толпа, метро, электричка. «И что тянет людей в большой город?» — сонно думал Ярослав. Думал так, словно сам к этим людям не относился.

И вот та командировка. Срок — три месяца. Юркив попал на монтаж седьмого блока ГРЭС. В первый же день встретил Володю Савинова, с ним вместе учились в ПТУ. Они работали рядом, как сидели когда-то рядом за столом в училище.

Ввода в строй седьмого блока город ждал, как праздника. Ждал завод железобетонных изделий, непрерывно расширяющийся нефтеперерабатывающий, ждали заводы, колхозы и совхозы Северо-Запада. Нигде не висела табличка «До пуска осталось...», но каждый строитель знал эту цифру. И каждый знал, что от него лично зависит приближение дня пуска. Это чувство, что от него зависит что-то очень существенное, было новым для Ярослава. К нему — так почему-то сложилось — постоянно приходили монтажники и просили совета, помощи. И всем он находил, что ответить. Ярослав и сам не подозревал, что столько знает, и работал, как никогда прежде — легко, радостно, озорно. Когда выяснилось, что срок командировки истекает, Юркив очень удивился. И послал на место работы заявление: «Прошу уволить по собственному желанию в связи с тем, что остаюсь в г. Кириши». Не дописал, но подумал: хочу остаться надолго, если не навсегда.

Постепенно вокруг него собрались крепкие, надежные ребята. Володя Савинов, Саша Лайдинен, Леша Матвиенко, братья Стряпухины и другие. Как бы сама собой сложилась бригада, и всем было ясно, что бригадиром должен стать Ярослав Юркив, досконально знающий дело, мягкий человек, умеющий, когда надо, быть «железным».

Им поручили монтировать диафрагмную «этажерку» — установку очистки воды на блоке. Они выполнили работу быстро, на несколько дней раньше, чем полагалось, но завершить монтаж не могли из-за строителей. Те должны были «долить» фундаменты, а работа эта мелкая, рублевая. Ясно, что строители всячески тянули. Юркив поговорил с их бригадиром — тот сослался на занятость более важными делами. Пошел к начальнику участка — тот сказал, что не имеет свободных механизмов. «А вы возьмите тачку», — разозлился Ярослав и ушел.

Он принес в бытовку лист бумаги, краски, кисти. Монтажники изобразили начальника стройучастка с тачкой. Может, замысел карикатуры не отличался особой тонкостью, но рисунок получился ядовитый.

«Молнию» повесили на самом видном месте, около прорабской. Через несколько дней начальник участка разыскал Юркива и попросил снять «картинку». А еще через день все фундаменты были закончены.

Результаты любой работы не всегда зависят только от исполнителей. Монтажники, пожалуй, особенно «зависимый» народ — и строители могут их подвести, и поставщики, и погода. А зависеть не хочется, не тот характер. Они монтируют машины весом в десятки тонн. Допустим, воздухоподогреватель, тот самый, который надо набить пакетами. Его стенки толще брони, размеры — циклопические. Основной инструмент монтажников, как они сами шутят, — кувалдометр, резак, гаечные ключи (есть весом до пуда). С помощью этих орудий труда они должны установить подогреватель с перекосом не больше чем на миллиметр. Один парень из-за этого и уволился из бригады, перекалцифицировался в сварщики: «Дурак я, что ли, из-под кувалды и резака миллиметры ловить?» За три года только один был такой, который не увлекся трудностью задачи, не увидел красоты в их работе. Он ушел, от него осталась лишь фраза, которую ребята вспоминают снисходительно. А бригада работает, как работала, бригада сдает все объекты только на «хорошо» и «отлично». Монтажники требовательны к себе. И оттого так требовательны к другим...

— Так что будем делать, Слава? — спросил Коля Ширяев, увидев, что бригадир заснул блокнот в карман вылинявшей гимнастерки.

— Давайте так рассуждать. Новых пакетов нам не дожидаться. Не сни-

мать же их с восьмого или седьмого блока, верно? Будем, конечно, давить на эксплуатационников, но из них много не выжмешь, это ясно.— Юркив потрогал черные усски и сощурился.— Значит, придется завтра часть ребят перебросить на ВГД.

Раздался дружный вздох. ВГД — вентилятор горячего дутья. Его надо смонтировать и соединить с электродвигателем, а между ним и будущим вентилятором — сплошная сетка труб теплообменника, возникшая, можно сказать, незаконно. По правилам вначале полагалось монтировать ВГД, а потом теплообменник, но порядок этот почему-то был нарушен. Получилось, как если бы строительство дома начали с крыши, а потом собрались возводить стены.

— Неужели ВГД? — чуть не в один голос спросили несколько парней.

— Я уже согласился.

Все набросились на бригадира.

— Ты видел, там уже кто-то ковырялся, — доказывали они. — Кто-то начал, да не получилось. Как теперь через этот теплообменник продирается? Почему всегда, если работа потруднее, — нам?

Ярослав терпеливо ждал, пока все накричатся. Потом тихо сказал:

— Так в чем дело? Вентилятор должен быть смонтирован. У кого-то не получилось. У нас получится. Вы предлагаете отказаться?

Выяснилось, что отказаться никто не предлагает.

— Поставим туда звено Леша Матвиенко.

Ювелирная работа — это по Лешиной части.

— А не боишься, что Леша уйдет? — подковырнул Савинов.

Матвиенко давно уже звали бригадиром в другую бригаду.

— Та, ребята, я ж говорил, — медленно произнес Матвиенко, — я не имею настроения уходить... А на ВГД одним краном не обойдешься, — продолжал он, обращаясь уже к Юркиву. — Там придется сбоку лебедку пристраивать...

— С системой блокков...

И пошел деловой разговор, который прервал большой серый жук. Он полз по рукаву Матвиенко. Сосед собрался было сбить бедное насекомое, но ребята не дали:

— Ты что? Оставь, будем пугать Шурика.

Жука сняли с рукава и, заранее похотывая, припрятали в ожидании Шурика — белокурой крановщицы.

Монтажники сидели рядом, и видно было, что они не устали друг от друга ни за предыдущие полсмены, ни за три года, что работают вместе.

ОДИН ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Крановщик шел навстречу Сергею мелкими шажками. В руках нес железный чемоданчик.

— Павлович, я становлюсь на техуход. Слышал, комиссия — какая-то движается.

Сергей спросил упавшим голосом: — Может, завтра хоть станешь, а, Иван? Самые горячие дни...

— И не проси, не могу. У меня основной трос лопнул. Я его кое-как связал, но работать она, кормилица, не велит, — крановщик любовно погладил нагрудный карман куртки, где — все это знали — лежала у него книжечка-инструкция.

Сергей всегда чувствовал, что крановщик способен подвести в любой момент, знал, что ему плевать на всех, кроме себя. Трос лопнул несколько дней назад, но Иван работал как ни в чем не бывало. Первый раз ему, что ли, чинить трос на ходу? А сегодня вдруг решил встать на ремонт. Какие-то у него свои соображения есть, свои причины. Сказать бы ему... Но Грибов проговорил почти сдержанно:

— Ладно, отгони кран в сторону и стой, хоть два года.

Только крановщик отогнал кран и, довольный, снова подошел к Грибову, прибежал Алексей Филиппов, бригадир бетонщиков.

— Павлович, пусть Иван нам балочек подбросит. Пусть кран подгонит.

Сергей быстро сказал:

— Он становится на тзу.

— Нам без балочек зарез. Ну, попроси ты его.

При слове «попроси» крановщик расплылся в довольной улыбке, но сразу нахмурился, встретив просительный взгляд Сергея.

— Что, я обратно вертаться должен? Я когда там стоял, мог и балочек подбросить. Что же ты это не предусмотрел, Павлович? Упустил!

Бывают дни, когда жалеешь, что родился на белый свет. Все не клеится, все валится из рук, и кажется — так будет и завтра, так будет всегда. Именно такой день был сегодня у мастера участка № 1 СУ-62 Сергея Грибова. Начался он с нагоняя от начальника участка. (Начальника зовут Иван Павлович Грибов. Совпадение фамилий здесь не случайное, Грибовы — братья. Но к делу это почти не имеет отношения: Иван Павлович и так-то строг, а к младшему брату — больше, чем к другим). Грибов-старший ругал Сергея за то, что бригада второй смены не смонтировала вчера, как планировалось, два фундамента. Сегодня пришла бригада каменщиков, семнадцать человек, а ставить их некуда. Сергей не оправдывался, хоть, если разобранься, виноват ни в чем не был. Вчера он объяснил задание мастеру второй смены и не уходил, пока бригада бетонщиков не приступила к работе, что вовсе не обязан был делать. Он возвращался домой в почти пустом автобусе, когда вся первая смена, поужинав, смотрела, на верное, футбол по телевизору.

Виноват ли Сергей, что в конце дня заладил дождь? Правда, не ливень хлынул, а закапал мелкий, нудный дождичек. Был тот случай, когда вопрос, работать или не работать, решает не столько погода, сколько совесть бригадира. А совесть его решила: не работать.

Серый день, начавшийся опять-таки с дождя и разноса, должен был и продолжаться в таком же духе. И точно — только Грибов-младший поручил Филиппову монтаж вчерашних фундаментов, как «забастовал» крановщик. Теперь уже две бригады сидели без работы. Раздобыть второй кран было делом почти нереальным: несколько дней тому назад строители решили сдать первую очередь биохимического комбината на шесть месяцев раньше срока, в декабре прошлого года, и потому вся «механизация», а краны в особенности, была нарасхват.

...Грибов долго не решался дать согласие стать мастером, да и бригадир Николай Иванович Сахаров, знаменитый на все Кириши Герой Социалистического Труда (о нем даже художественный фильм существует), отпустил его неохотно. Такого работающего, преданного делу парня, как Серега, говорил Сахаров, отпустить — как от души оторвать.

Но Николай Иванович хоть и сопротивлялся, знал, что разрешит Грибову уйти — Сахаров уже привык к своей почетной, но не во всем радостной участи поставлять кадры для всего управления. Ученики Сахарова есть среди бригадиров, мастеров, начальников участков. «Пусть и Серега движется дальше, — думал Сахаров, — парню всего двадцать три года, значит, успеет сделать больше, чем я, это хорошо».

Грибов шел на новую работу без особой робости. Он — плотник-бетонщик 5-го разряда, умеет сделать самую сложную опалубку, может часами, не разгибая спины, принимать бетон, уплотнять его рвушимся из рук вибратором. Чего же еще? Но Грибов

ПЯТИЛЕТКЕ- УДАРНЫЙ ФРИНИЩ!

ПЛАН КАЖДОГО ДНЯ КАЖДОГО МЕСЯЦА ЗАВЕРША- ЮЩЕГО ГОДА —

ДОСРОЧНО!

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХОЗЯИНА

Рабочая трибуна «Смены»

Юрий КОРТНЕВ,
слесарь-инструментальщик,
г. Москва

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Скорее всего главным качественным итогом минувшего года является дальнейший рост активности исполнителей всех намеченных пятилеткой дел. Наш успех предусмотрен и осмыслен. Во многом он стимулирован развитием социализма за выполнение личных планов повышения производительности труда каждым рабочим. Итак, мозг исполнителя подключен к регулированию обиходных трудовых процессов и отношений. Он становится фактором производства. От него зависит экономическая и социальная эффективность общества, в котором исполнитель живет и где, полностью раскрывая свои творческие возможности, он может не на словах, а на деле считать себя государственным человеком.

Понятно, важен во избежание взаимных разочарований правильный учет результатов трудовой деятельности. Точный показатель не просто цифра, а мера ума и совести. Он же и стимул всех этих дел, — он создает настроение.

— Интересно, не как идут дела, а как они ведутся, — заметил мне однажды бывалый промадминистратор.

— В смысле отчетности?

— Глубже: в части делового настроения каждого на каждом рабочем месте, в части честности и масштабности исполнителя. В том, чувствует ли себя рабочий — и в какой мере чувствует — хозяином. А то иной может работать «вполпаровоза» — и ничем его не проймешь, потому что он пыхтит по КЗоТу. Был у нас еще до войны такой всем известный курьезный паровоз. Один сменщик его совсем не чистил, а второй — только свою

половину. Ездить, конечно, можно, а уважение к себе — где?

Все же тот машинист скоро перестроился, поскольку за него взялось общественное мнение, а руководство закрепило новый настрой, доверив крайне ответственную рейс в те слабые времена зарождения стахановского (кривоносовского на транспорте) движения. Понимали, словом, что ответственность — не только испытание, но и воспитание, а профессиональная честь сильнее «профессиональных привычек».

Однако не зря, видно, сказали, что легче было распешить атом, чем искоренить предрассудки в сознании людей. Тут без постоянной работы, думается, не обойтись, ибо не все одинаково понимают свое право на профессиональную гордость или его масштабность.

...Экскаватор крушил старый дом и грузил обломки в самосвал — работа в принципе даже симпатичная: снос всего старого, обветшалого для введения на этом месте нового и светлого здания.

Итак, экскаватор ломал халапу и грузил обломки. Всякая труха, ломаные доски и битые кирпичи ковшом подцеплялись прекрасно, и скоро самосвал был уже почти полон. Но тут под ковш подвернулся бревно — сухая, полуистлевшая гнилушка метров пяти-шести. Она не давалась. Ковш подступался к ней справа, слева, падал сверху, подкапывался под нее — гнилушка упрямо вываливалась из ковша.

Тогда ковш начал долбить ее, пытаясь раздробить, — гнилушка отскакивала.

Работа шла, наверное, минут уже двадцать. Шофер самосвала наблюдал, сидя с папирской на подножке. Поодаль пенсионеры стояли кружком. Экскаватор ревел и мотался, как бешеный.

Наконец какой-то прохожий, еле увернувшись от ковша, обругал механизатора за лишие развороты, поднял гнилушку и спокойно забросил ее в кузов. Экскаваторщик выпрыгнул из кабины, с него рекой лил пот.

— Сам-то не догадался так сделать? — спросили его.

— Мне руками грузить не положено, — последовало в ответ.

— Так это не руками, а головой.

— Мне для исполнения работ машина придана.

Тут явная путаница, все наоборот, потому что это не исполнитель, а лишь придаток к машине, добавочная деталь, составной узел из мяса и костей, пусть способный даже нервничать и проливать пот. Вместо того, чтобы проявить свое основное качество — исполнительность, которая в данном случае заключалась в том, чтобы вылезти из кабины и одолеть гнилушку руками.

— Работа дураков любит, — было сказано механизатором в заключение.

Видимо, тоже нет: вон сколько выжала из него пота и нервы измотала так, что потом пришлось для успокоения полчаса курить.

«Расстроился человек», — сожалели зрители.

Очень может быть. Однако сам ведь поставил себя в смешное положение, сознательно сработав «вполпаровоза», а посадить его из кабины в административном порядке нельзя: как-никак машина катится. Если же он вдобавок пыхтит за два паровоза, то его сложно бывает одолеть даже такой действительной мерой, как сделщина. Остается взывать к сознательности, убеждать мыслять государственными категориями. Но мышление, как говорят, неразрывно связано с иными психическими процессами, стало быть, опять с тем же — настроением. Штука эта непростая, поскольку не просто человек, в чем я лишний раз убедился, работая одно время мастером на участке валов.

— Что-то маловато нагрыз ты валиков сегодня, Крыж, — говорю я в конце смены токарю Крыжовникову. — Просто явно не по твоим способностям. Даже отмечать в «задании» рука не поднимается. Крыжовников на участке 20 лет, и разговаривать с ним приходится, как правило, в сослагательном наклонении.

— Душа не лежит к этим валам, — отвечает Крыжовников.

— Не такие уж они дешевые, — говорю я.

— Не в том дело, а в том, что они мне не в жилю.

— Простенькие ведь в изготовлении-то...

— Не хуже тебя знаю.

— А как же с личным планом теперь?

— Завтра нажму, покрою.

— Надрывать ведь придется...

— Пусть.

Я знаю, что завтра Крыж покроет свой недобор. И меня тоже, как говорится, «покроет», если я не обеспечу его по горло заготовками. И более высокое начальство не помилует, если его недогруз будет исходить от них. Завтра валы другого типа он будет рвать зубами.

«Рвачуга», — косятся на Крыжа некоторые. Есть

отчасти, но не в том дело. Главное в том, что рабочий производит руками и головой, а присутствует в работе он сердцем, душой.

Не лежит сердце к работе — и теряется ее количество. Делается она без души — и страдает качество. Одним словом, сплошные убытки.

Так что от психологии никуда не денешься. Слава богу, ушли давно в прошлое споры о ее правомерности в сфере материального производства. Научный прогресс, создавший для большей эффективности систему «человек — машина», не может не затронуть и все сферы социальной жизни. Личность рабочего — главной производительной силы общества — выходит на первый план.

Однако сложность жизненных противоречий отсюда нисколько не уменьшается. К примеру, как быть, когда для нормального функционирования системы от человека требуется предельная до аскетизма дисциплинированность, а все возрастающая насыщенность завода «самодельствующей» техникой и стандартизация техпроцессов не требует порою ничего, кроме настроения? Эти два состояния человеческой психики вовсе не одно и то же. Надо ли хватит дисциплинированности, если она без души? К тому же она иногда бывает еще и без большого толку.

В середине вечерней смены у Крыжовникова кончились резцы нужной марки. Еще до начала работы предупредили, что их нет и до утра не будет. И вот «грызет» Крыж валы слабыми резцами, которых придется истратить двадцать штук вместо двух, и вдобавок еще выбросить в стружку двадцать заготовок, в которых останутся обломки. Истраченное впустую время и перегрузка станков в счет уж не идут. «Прогар» станочника тоже.

— Отпусти меня, — говорит Крыж.

— Не могу, не положено.

— Ну, я вам это в «красную» субботу припомню.

И припомнит. Как пить дать припомнит. От сверхурочных откажется напрочь или сдерет не меньше червонца-полтора.

Никакая работа не может делаться на «отлично» все время. Даже машина «устаёт»: перегревается, разбалтывается, размагничивается.

Человек не машина. Он может пересилить себя, если... если почувствует, что к его персоне проявлено внимание.

Однако таким образом можно выпестовать и рвача. Вполне. Вот и балансируй тут при постоянной угрозе срыва (плана, хочу сказать).

— Циркач ты, мастер...

— Потому что «рыжий».

А это еще и потому, что на уровне мастера человеческие отношения преобладают над технологией. Планы производственных штабов реализуются только мастерами. Даже самое дотошное начальство знакомо даже с самыми показательными рабочими лишь приблизительно, могут дать голову на отсечение. Подготовлена известна одному лишь мастеру, да и то если он не один пуд соли на участке съел.

Отсюда, видимо, и появляется то острее, до болезненности стремление угадать причинные связи в системе «человек — машина», которая имеет у нас всеобъемлющее общественное значение.

Психологи считают, что степень зависимости поведения человека от коллективного настроения больше и сложнее, чем это на первый взгляд можно себе представить. Однако они же говорят, что природа такой зависимости пока еще не очень ясна. Душа человеческая — де потемки.

Очень может быть. Крыжовников, например... Да, опять Крыжовников, ибо очень уж, на мой взгляд, колоритна эта фигура. Так этот, как может первоначально показаться, хапуга и горлопан, в то же время есть и безвозмездный донор. «За отцу старается», — утверждают некоторые.

— Допустим. А почему он тогда ходит на парад и осенью и во всякое иное время? Почему он ни одной предвыборной кампании не пропустил?

— Маскируется, — скрикнули за спиной.

Под кого? Под активиста-коллективиста? Вот и отлично. Значит, понимает, что без коллектива — никуда. Сплоченный коллектив, как сказал один умный человек, — «это своего рода ускоритель, который во много крат «разгоняет» ту или иную склонность человека, умножает ее, может разжечь до огромной силы».

И здесь мы встречаем очередное противоречие. Ведь в системе «человек — машина», коли это главная наша «печаль», не все склонности ведут к повышению ее эффективности, не всякая предрасположенность полезна. Современное производство требует определенной нравственной унификации. Конечно, глупо воспитывать типовую реакцию на то или иное постановление, стандартный отклик на зов коллег или начальства. Но, видимо, все-таки есть склонности, которые могут быть и полезны

«системе» и приятны человеку, даже если их и насаждать в порядке социального стереотипа.

«Богатство человека» определяется богатством его связей с различными человеческими общностями. Для человека это путь к людям, — утверждает социальный психолог Б. Д. Парыгин. — Не будь мы загружены «общими местами» общечеловеческих переживаний, мы были бы вечными иностранцами по отношению друг к другу».

Но системе «человек — машина» некогда, ибо производство прежде всего дорожит временем. Ей нужно то место, которое «всего общей». Необходим тот шаблон взаимодействия живой системы с окружающим, какой одним махом позволяет мозгу рабочего подключать к регулированию всей системы производственных и общественных отношений, делать его фактором современного жесткого непрерывного производства.

Думается, главное тут настрой на исполнительность — обычное сознание своей значимости и, следовательно, своей ответственности, то есть привычка работать с наибольшей отдачей и профессиональное отвращение к работе «вполпаровоза».

Шаблон этот вовсе не обременителен. Конечно, личная ответственность станет более привлекательной, когда она будет выношена каждым из наблюдаемой постоянно общей ответственности. Мышление, как известно, — продукт общественный. Однако формы проявления исполнительской ответственности — это формы проявления человека.

Рабочему одного из машинных цехов завода, фрезеровщику Малинину, дали новую работу — чистовую отделку боковины кронштейна машины «ДК-108». Собственно, операция эта на заводе уже производилась, и не один даже год. Однако делали ее прежде в аппаратном цехе по принципу внутривозвратной кооперации, а теперь передали машинному — ваша, дескать, деталь, вам с ней и «валандаться», нам лично своей работы хватает.

Итак, поручили новое дело фрезеровщику Малинину А. П. — он приступать к нему отказался. Тогда пристушились к Малинину.

— Как то есть так, Алексей Петрович?

— Наотрез!

— Вам это не к лицу, поскольку вы передовой рабочий, Алексей Петрович.

— Значит, тем более нечего ко мне соваться с такой допотопичной в смысле техпрогресса.

— Это вы о чем?

— О бородке.

Тут Малинина взяли в плотное кольцо. Бомбили его осаждающие теми неотразимыми доводами, что так было «всю жизнь», что в аппаратном цехе таким путем лет пять строили кронштейны.

Малинин отстреливался заявлениями, что аппаратчики ему не указ, что личный план его рассчитан при одновременной работе на двух станках, а при возне с кронштейном ему ко второму станку даже и подойти не удастся.

— С этой вашей деталью полминуты работы, а целых пять минут надо потратить, чтобы ее на станок установить, да еще пять — снимать. Короче, я вам не ветряная мельница, чтобы всю смену возле станка руками махать, а станочник, для которого имеет значение одно лишь машинное время.

Тогда наступающая сторона перестроила свои боевые порядки и повела под крепость коварный подколп.

— Мы вам компенсируем издержки на первых порах, Алексей Петрович, — сказали Малинину.

— Себе компенсируйте. Только вот не знаю, где вы это самое, так вам недостающее, найдете.

Диалог далее разворачивался в духе того анекдота, где человека спрашивают: «Вот идем мы с тобой по дороге и вдруг видим лежат под ногами ум и деньги — ты чего возьмешь?» «Конечно, ум». «А... Ну, это кому чего не хватает».

А время меж тем шло. У малининских станков росла гора необработанных кронштейнов. И где-то вдалеке, на Мытищинском машиностроительном заводе, новенькие и сверкающие вагоны метро тоскливо ржали, ибо даже самый пустой вагон метро не в силах сдвинуться с места без мотора «ДК-108».

Осаждающие Малинина были вынуждены признать свое полное бессилие перед новоявленной «Красной горкой». Страх перед срывом плана оказался сильнее всех прочих страхов, и они обратились за помощью к самому главному осадному оружию, которое может так «бабахнуть», что у самих пушкарей-зажигальщиков уши отлетят, — к «Самому». Директор вышел из кабинета.

Положение сложилось явно не слишком нормальное. Ведь, безусловно, если директор будет самолично бегать по сотням и тысячам рабочих мест, то с ним обязательно придется в самом недалеком будущем распрощаться навек. Во-первых, так он быстро сделает рекордсменом по бегу на марафонские дистанции, и его надо будет срочно откомандировать в национальную олимпийскую

команду. Или, что скорее, он схватит инфаркт, и его придется укладывать в постель на долгий срок, почти без надежды заполучить обратно в кресло.

Малинин же к этому обстоятельству отнесся явно с прохладцей. Он продолжал стоять насмерть на своем — кстати сказать, самом чистом в цехе — рабочем месте и «гнуть свою линию».

«Вот уж ты у нас попляшешь, упрямец!» — грозили ему нападающие, а больше ничего сделать не смогли.

Рядить Малинина было не во что. Ну, в кого, спрашивается, можно переименовать рабочего? Рабочего с занимаемой должности не снимаешь. Рабочий — он всегда рабочий.

Судить Малинина было не за что: оба его станка во всю мощь грызали металл, помогая Алексею Петровичу на логичной работе выполнять личный план пятилетки и плановое и «встречное» повышение производительности. А гора крошечных росла, и в «зеленых Мытищах» призывно ржали вагоны... Одним словом, директор вышел из кабинета.

Земля, как рассказывает летописец, дрожала от тяжелой поступи, от станков автоматически отваливались не подтянутые своевременно ремонниками гайки и болты, а двери сами по себе раскрывались за десять шагов до директора. В авиации этот эффект давно уже подмечен и описан — действие воздуха, спрессованного от стремительного движения могучего тела. От него же у цеховой администрации вставали дыбом волосы и шатало ее.

Малинин, однако, устоял. Он в двух словах объяснил свою позицию, и директор мигом признал ее с инженерной точки зрения абсолютно правильной и безупречной. Рабочий в моральном и материальном плане давно уже перерос навязываемый ему техпроцесс.

— Крошечные надо пакетировать.

— И я о том же, — говорил Малинин. — И цеховой технолог со мной заодно.

— Да, поступило такое предложение, — сказали из-за директорской спины, — только цеховые товарищи не совсем до конца понимают, что при пакетировании детали надо плотно прижимать одну к другой, иначе дело «швах». А в данном случае этого проделать нельзя. Мешает «бородка» на поверхности.

— Ни к чему ваша «бородка», — отвечал Малинин.

— Может, и ни к чему, только она существует на этом самом месте вот уже десять лет и, можно сказать, приросла намертво.

— А вы сколько лет существуете на своем месте? — спросил директор.

— Несколько меньше.

— Стало быть, не так прочно приросли!

— Нет, отчего же. «Я одушевленное имя существительное, а не Спиноза какой-нибудь, чтобы ногами этокое вытворять». Конечно, «бородку» легко можно убрать.

И убрали «старую бородку». На сконструированном фрезеровщиком Алексеем Петровичем Малининым приспособлении стали обрабатывать по десять крошечных сразу. Производительность труда на данной операции поднялась как на дрожжах. А Малинин уже собирается ставить на станок сразу по двадцать деталей.

— Отчего же это, уважаемый Алексей Петрович, — укоряли впоследствии Малинина некоторые «одушевленные» товарищи, — почему же это вы нам сразу не сказали, что имеете за рационализацию бронзовую медаль ВДНХ? Мы бы туда сходили, на ваши славные деяния поглазели, опыта бы поднабрались!

— Зачем вам так далеко ходить, когда вы здесь мимо меня по сто раз в день ходите? — изумляется Малинин.

— Так ведь «нет же пророка-то в своем пролете», драгоценнейший Алексей Петрович, — возражают Малинина «товарищи». — Об этом давно уже сказано, знать надо. Кроме того, потеряют в этом случае всякий разумный смысл там разные командировки на совещания, ну, предположим, по обмену передовым опытом организации командировок, на совещания по обмену пе... и так далее для краткости. Наипрекраснейший товарищ фрезеровщик, наш творческий работник должен быть наивозможнейше динамичен в смысле подвижности, иначе он не разовьется гармонично, как того хочет НТР. Он даже может заболеть «гиподинамией», а это в сто раз страшнее гриппа, потому что бюллетеней не дают.

Это один только буржуй додумался устроить свой директорский кабинет в лифте. Вот и развезжал подлый предприниматель один-единешенек по всем шести этажам своей фабрики. А ты, цеховой и отделский служащий, даже на какое-нибудь плевенское двух-трехчасовое совещание уйти из цеха или отдела не мог. Централизованный инструктаж по технике безопасности проводили не в клубе, а на местах. Ясно, чтобы сразу тыкать носом провинившегося и недостатки тотчас исправлять безо всякого предварительного конспектирования. Одно унижение, словом. Да и сама фабрика имела от всего этого жуткий вид.

После звонка в коридорах пусто, как на кладбище. Стены холодно сверкают. Никто их не греет и не муарит задами, как у нас во время постоянных массовых перекуров и обсуждений государственно важных хоккейных перипетий. Фабричным малярам-восстановителям делать нечего. Оставляют их без хлеба такие-сякие отрицательные порядки.

Короче, везде, кроме конвейера и кульманов, страшное запустение. Одна голая рентабельность ходит-бродит и предпринимателю руку подает. «Известное дело — буржуйская лавочка!» — как сказал поэт Маяковский.

— А Ленин в работе «О «левом» ребячестве»

сказал: «Учиться социализму у организаторов трестов». А тех, кто пытался провоцировать наших людей на сопротивление системе Тейлора, Владимир Ильич клеймил позором и называл буржуйскими лакеями.

— Возможно. Только учтите еще сильно развитую службу научно-технической информации и службу о службе сильно развитой НТ-информации. Там одних институтов и центров целый воз. А бесчисленные БИНТИ... А НТБ... А телевидение, а радио, а специальная пресса.

Нет, совать нос к станкам в рамках собственного завода — старо. Всячески ходить и ездить надо, ибо иначе в ограниченности, а то и в местничестве обвинят, и разные могут с нами случиться истории.

По секрету скажу, что в действительности именно такого продолжительного разговора между Алексеем Петровичем и «противной» стороной не было. Малининым такой «бодягой» заниматься некогда, ибо лозунг их: «Больше дела — меньше слов!» Фрезеровщик Малинин с товарищами каждый день не покладает рук, чтобы свершалось «наших планов громадь».

Однако затронутый выше вопрос очень занимает и его. И разговор этот постоянно — зримо и незримо — ведется всеми, кто хоть в какой-то степени имеет склонность трезво смотреть на вещи и для которого «полпаровоза» вовсе не вещь. Таких у нас большинство, но поскольку вот встречаются иные настроения, то всегда следует помнить следующие слова:

«Мы, товарищи, строим не царство бездельников, где реки молочные да берега кисельные, а самое организованное, самое трудолюбивое общество в истории человечества, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в докладе о 50-летию СССР. — И жить в этом обществе будут самые трудолюбивые и добросовестные, организованные и высоко-сознательные люди. Так что перед нами огромной важности работа. Она, видимо, займет немалое время, ибо психология человека переделывается куда медленнее, чем материальные основы его жизни».

В работе партии по неуклонному совершенствованию социалистического соревнования зримая забота и залог создания условий, наиболее благоприятных для развития массовой инициативы. Это значит, что у нас каждый трудящийся получает максимальную поддержку в проявлении им на работе его лучших моральных качеств (не путать с моральными стимулами). Такое положение вещей позволяет ему трудиться в полную меру своих способностей и с полной ответственностью за дело своих рук.

Иначе, впрочем, и быть не должно, если человек работает на общество, которое свою главную задачу видит в предельном раскрытии его как безграничной творческой личности, если работу выполняет хозяин.

Анатолий БРАГИН

СОЛДАТСКАЯ ШИНЕЛЬ

— В чем в морозы и метели
Ты идешь, солдат!
— В шинели!
— Хороша ль твоя постель?
Что ты стелешь?
— Что! Шинель!
— Накрываешься!
— Шинелью!
— В головах!
— Шинель, а что ж!
— Сколько ж у тебя шинелей!
— Сам не знаю, не сочтешь!

Я БЫЛ НА СЕВЕРЕ...

Я был на Севере — видал зиму,
Она привет передает горячий
И скоро по желанию своему
С морозами и вьюгами прискачет.

Мы с ней поговорили, как друзья.
Запомнились ее такие фразы:
«На юге не была еще ни разу,
Но Крайний Север — вотчина моя.»

На юг мне все заказаны пути,
Владенья лета охраняет солнце,
Мой злейший враг. Его не обойти!
Но там, в горах, стоит мое

посольство.

Снега и лед.
К тому ж моя сестра
Собою украшает Южный полюс,
Страну пингинов. Если б не жара,
Мы б встретились, посплетничали

волю!

А выси, переходные края,
Я каждый год у лета отбираю...
Немного покручусь и удираю,
Ведь Крайний Север — родина моя!

БЕЗДОМНАЯ СОБАКА

Пес лохматый, что, досталось!
Как по сказке братьев Гримм,
Выгнан из дому за старость
Ты хозяином своим.

Вот и бродишь, хвост повесил,
По местам, где подают.
И обходишь, вспомнишь если
Те места, где поддают.

Малыши с тобою ладят,
Ведь нашли глупей себя...
То покормят, то поглядят,
То побрешут на тебя.

Среди них ты свой как будто,
За компанию сидишь,
На собачек-лиллипуток
С удивлением глядишь.

Рисунки Владимира СУХУМОВА

Равиль ФАЙЗУЛЛИН

Тень исчезнет. Просыплется горстка
росы.
Путь-дороженька дальний Млечный.
Кто-то снова толкует про вечность,
на песочные глядя часы.

Струйка льется, а вот и вся.
Паутинка звезды в небесах.

Как одиноко прекрасна
капля, сорвавшаяся с весла,
на закате красном!
Миг — и в поток унеслась,
как навсегда погасла.

Перевел с татарского
Рустем КУТУЙ.

1945

1975

МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ

КУРТАН

Евгений ФЕДОРОВСКИЙ,
Николай РАХМАНОВ (фото)

Выстрадава сполна в грозное ликолетие, почти каждая советская семья потеряла в Великой Отечественной войне отца, брата, сына, деда... В Белоруссии погиб каждый четвертый, а в некоторых областях — третий житель. В пламени войны полностью обезлюдели целые районы — Освейский, Чаусский, Бегомльский, Кличевский, Лельчицкий. Так плотно, какнет, сомкнулись бы могилы, что негде было бы живым жать, сеять хлеб, выращивать скот, строить

города для новых поколений людей. Но, верные обычаям предков, потомки подняли здесь символический курган в память о жестоких сражениях и великом народном подвиге в борьбе с фашизмом.

Его видно издаലെка, этот курган. Сталью отливают асфальт Московского шоссе, бежит и бежит дорога, заостряясь на горизонте, а в скривековой дынке медленно начинает вырастать огромный зеленый холм. Белокаменные ступени бегут к его вершине, и там, в пронзительном свете чистого утра, загораются золотые грани штывков — солдатское оружие четырех

фронтов, осуществивших невиданную по размаху и напряженности операцию, которая завершилась полным разгромом гитлеровцев на белорусской земле. Однако прошло много лет, а земля и по сей день несет шрамы войны. Прокладывается трасса, и ковш цепляет ржавую каску. Роется котлован под фундамент — и лопата натывается на пулелетные ленты. Разбивается каменная кладка — и под отбойным молотком крошатся солдатские медалионы — это последние защитники сложили их вместе, замуровали в стену, а сами пошли умирать. Дети собирали ягоды — и на-

ткнулись на партизанскую землянку, нашли автомат с сохранившейся на прикладе надписью: «Последний бой. Умираем. Помните».

Если ехать из Минска в сторону Логойска, то на 54-м километре в лесу откроются огромные, будто обожженные огнем каменные буквы: «Хатынь». Это слово стало символом человеческой скорби о безвинных жертвах фашизма, символом мужества советских патриотов перед зверством гитлеровских палачей. Самой деревни нет, как и нет ее жителей, сожженных карателями мартовским утром 1943 года. Сегодня на пепелище тревожно и печально звонят колокола. Словно реквием, они вещают о миллионах расстрелянных, повешенных, замученных фашистами людей.

Тридцать с лишним лет прошло. У нового поколения, родившегося после войны, уже выросли дети. Уже привыкли минчане к величественному обелиску на площади Победы и спокойному горению Вечного огня, и вдруг совсем рядом с Домом правительства во дворе реставрируемого костела на площади Ленина перевернутся события мирного сегодняшнего дня, откроется давний пласт, и в людях занеет, оживет та старая боль, которую хотела спрятать земля.

Рабочие прокладывали водопровод. Александр Степанович Мурашко смотрел на план. В одном месте проходил кабель. Ковшом рыть было нельзя. Тогда он взялся за лопату и тут же подцепил плащ-палатку. Позвал рабочих. Осторожно подняли полунислевшую материю. Под ней оказались человеческие останки... Вызвали саперов. Молодые солдаты вместе с лейтенантом Владимиром Исаковым извлекли из земли патрон-таш с позеленевшими от времени патронами, солдатский ремень, химический карандаш, вставленный в винтовочную гильзу, противогаз и ручные гранаты в чехлах с насечкой для оборонного боя... Нашли они и печать для пакетов с номером «1809», несколько листов из билета МОПРа и самое ценное — солдатский медальон. Но в тот момент они его не открыли, потому что от соприкосновения с воздухом бумага могла сразу окислиться и превратиться в прах. Тридцать три года назад наши отступавшие солдаты похоронили здесь четверых своих товарищей. Видно, сильно торопились. Закопали неглубоко, не успели забрать даже боеприпасы, документы. Взяли лишь оружие. Сотрудники милиции, которые тактично, но непреклонно не пускали к могиле, не устояли лишь перед сухонькой старушкой Ольгой Адамовной Гаевич.

— Может, это они, я узнаю, поверьте, узнаю...

— Два ее сына — Николай и Владимир — не вернулись с войны.

Потом нашли бинты и медицинские ампулы. Мурашко, кто первый наткнулся на солдатскую могилу, молча стоит под большой старой липой.

— Минчанин!

— Всю жизнь прожил в Минске. И всю войну. Мне тогда было всего шесть лет. Отец ушел на фронт, а мы тут остались, на Парашютной...

— Отец вернулся!

— Нет. Пропал без вести. — И после долгой паузы добавил: — Он был санинструктором... Только воевал тогда под Курском.

Ребятам из бригады лет по восемнадцать — двадцать. Но у Анатолия Макрицкого мать была в блокаде, у Леонида Глазкова отец воевал, недавно умер. Владимир Исаков, отец которого тоже участвовал в освобождении Белоруссии, сложил на дне траншеи гранаты, запалы, взрывчатку, поджег бикфордов шнур. Отступая в сорок первом, товарищи, наверное, не успели дать салют над могилой бойцов. Взрыв через 33 года стал для них прощальной воинской почестью.

...Белоруссия первой приняла на себя удар фашистских полчищ. Самая мощная, оснащенная по последнему слову военной техники, группа армий «Центр» вероломно, без объявления войны ринулась через Буг и хлынула по дорогам и проселкам, сея смерть. В неравных схватках гибли герои-пограничники, истекая кровью, сражались защитники Бреста, но далеко в тылу уже вставал на священную войну народ. И все, чем фашисты рассчитывали его подавить — превосходом в танках, авиации, артиллерии, автоматическом оружии, не только не подавляло, но еще сильнее разжигало волю к сопротивлению.

...Когда маленький, юркий белорусский парнишка Сережа Рутич увидел фашистскую свастикку, она показалась ему похожей на две скрещенные вилы. В его родной деревушке Блудень, на задворках станции Бреста-Картузская Брестской железной дороги, гитлеровцы сразу же установили «новый порядок» — два страшных для наших людей слова, по буквам которых, казалось, стекала человеческая кровь. Но разве мог с ним смириться вожак школьной ребятни, после освобождения Западной Белоруссии едва увидевший вольную, многообещающую жизнь? Сережа организовал подпольный комсомольский отряд. Начали со сбора оружия. Потом нашли испорченный радиоприемник. Притащили его к односельчанину Александру Николаевичу Шевкаловичу. У того до войны был свой приемник, но тоже давно не работал. Из двух кое-как смастерили один.

— Затань дыханье! — командовал Шевкалович, вытирая, как заправский мастер, руки чистой тряпкой. — Будем пробовать.

Ребята и в самом деле постарались не дышать. Щелкнул выключатель. Стало так тихо, что отчетливо слышалось жалобное жужжание мухи, попавшей где-то в углу сарая в паутиновую сеть. Через минуту сквозь это жужжание и негромкий треск пробилась далекая, едва уловимая звуком. Шевкалович еще немного покопался в приемнике, и тот заговорил. Юные подпольщики услышали Москву.

Сводки, которые в ту пору передавало Совинформбюро, были суровы и немногословны. Зато из громкоговорителей, установленных фашистами, с утра до вечера гремели марши, дикторы, захлебываясь, расписывали, как доблестные солдаты фюрера шагали по Европе, вступили на африканский континент, твердили, что дни Советской России сочтены.

Людам нужна была правда. И на листках из ученических тетрадок стали появляться листовки.

Гитлеровцы и полиция бросились искать подпольщиков. По доносу предателя были схвачены Коля Борушко и секретарь местной комсомольской организации Николай Хведченя. Первого расстреляли, а второй умер от пыток. Ребята решили уйти в партизаны. Они знали, что где-то в окрестностях уже действует отряд Леопа Здановича. Сергея Рутича и его товарищей начали искать фашисты, и им пришлось уйти в лес. Но другим юным подпольщикам удалось устроиться на работу в разные немецкие учреждения, в частности на железную дорогу. В состав бригады аварийного поезда вошли комсомольцы Сережа Борушко и Миша Жукович. Коля Пейганович поступил на работу в паровозное депо. Володя Савчук, избранный после ухода Рутича в партизаны секретарем подпольной организации, устроился помощником кладовщика-немца на склад, где хранились оружие и взрывчатка.

Для Сергея Рутича потекли месяцы беспоконной партизанской жизни — схватки с карателями, бои в блокаде и смерти, когда люди ух-

дили из жизни, как борцы, как герои. Двенадцатилетний Шурик, сын Здановича, которого тот взял в отряд после гибели жены, оказался в бою на самом фланге партизанской цепи. Он лежал за деревом и не стрелял — последние три патрона берег на крайний случай. Вдруг за кустом орешника появился фашист и короткими очередями начал обстреливать партизан. Шурик прицелился и нажал на спуск. Фашист упал. «Это тебе за маму!» — крикнул Шурик и пополз к эсэсовцу за автоматом. Он уже потянул оружие на себя, слякся сорвать с шеи убитого ремень, но в это время из-за куста на него бросился другой фашист и кованым сапогом с размаху ударил Шурика в лицо... Через несколько дней маленького партизана в присутствии местных жителей гитлеровцы затравили собаками на городской площади в Бреста-Картузской...

А Сережа Рутич стал взрывать поезда. Он быстро научился этому опасному ремеслу и вскоре стал лучшим минером в отряде. Случалось, у партизан выходили запасы тола. Тогда добывали взрывчатку из снарядов. Ставили снаряд в бидон с кипящей водой и после сливали сжиженный тол в формы. Такой тол не взрывался от обычного детонатора, но хорошо «работал» в паре с противопехотной миной.

В конце декабря 1942 года решили сделать гитлеровцам новогодний «подарок». Как раз от подпольщиков пришла записка.

В ней комсомольский секретарь сообщал: в ближайшие сутки через Бреста-Картузскую в сторону Бреста проследует пассажирский поезд; для маскировки он переоборудован под санитарный, на самом же деле в нем будут ехать за наградами офицеры, особо отличившиеся на разбое. Группе взрывников Сергея Рутича командир поставил задачу: не пропустить этот поезд, за все злодеяния на советской земле фашисты должны заплатить своей кровью.

Поскольку вся дорога усиленно охранялась, Сергей решил ставить мину под самым носом гитлеровцев, там, где они меньше всего ожидают нападения, — у выходящих стрелок на станции.

Идти туда было легко, земля подмерзла, бола покрылась льдом, тревожила только морозная лунная ночь — уж больно далеко было все видно и слышно, — рассказывал Рутич. — Примерно в километре от железной дороги мы остановились, залегли в снег. Впереди виднелись редкие лозовые кусты, около них — невысшие сугробы. Других укрытий нет. А лежать далеко от железнодорожного полотна нельзя — не успеешь добежать, поезд в любую минуту может появиться из-за поворота. И ползти вперед опасно — немцы все время пускают ракеты. Все же решили ползти. В сорока метрах от полотна остановились, начали готовить мину. Я достал запал, встал его в гнездо, вытаскил чеку. Теперь стоит неосторожно нажать на крышку — и взлетит в воздух... Время тянется медленно. От мороза начинает пробирать дрожь. Проходят один за другим два товарных поезда, а «нашего» все нет. «Неужто опоздали!» Коченеет, но ждем. И вдруг показывается поезд с красными крестами. Мы с Олегом Радкевичем бросаемся на полотно. Олег кладет у рельса восьмидесятиграммовую шашку тола, я на нее — взведенную мину. Кубарем катимся вниз. Поезд, кажется, уже громыхает над нами. Вскливаем, бежим что есть силы. И в это время сильный взрыв встряхивает землю...

Три года сражался с фашистами Сергей Рутич. Он дослужился до командира молодежной роты взрывников, лично спустил под откос с де-

сяток эшелонов, похоронил и боевых товарищей: Колю и Сергея Борушко, Володю Савчука, Мишу Жуковича, Марийку Колос... Им на станции Бреста-Картузская установлена мемориальная доска, а в деревне Блудень на братской могиле стоит памятник. Как бессменный часовой, он безмолвно повествует еще об одном подвиге героев всенародной борьбы, как бы говоря новому поколению: «Смотри! Нигде не было врагу покоя на советской земле! Политая народной кровью, она горела у него под ногами! Запомни и никогда не забывай — герои отдали свою жизнь за твоё счастье!»

А героев было много на белорусской земле. Уже в июле 1941 года отряд секретаря Октябрьского райкома партии Т. Бумажкова и его заместителя Ф. Павловского успешно провел ряд смелых боевых операций против врага, за что его организаторам в августе уже было присвоено звание Героев Советского Союза. С самого начала гитлеровского вторжения в глубины Полесья стал собиравать партизанские силы В. Корж, участник гражданской войны, боец интернациональной армии республиканской Испании. К осени 1942 года отряд Коржа вырос в крупное соединение, насчитывающее более двух тысяч человек. Совершая рейды по тылам противника, партизаны громили вражеские гарнизоны, уничтожали боевую технику, совершали диверсии на железных дорогах, укрепляли у людей веру в победу. Осенью 1941 года на станции Орша взрывами вражеских поездов заявила о себе диверсионная группа легендарного Константина Заслонова. На севере Витебской области не давали покоя захватчикам бойцы «Батьки Миная», как любовно прозвали в народе командира партизанской бригады М. Шмырева. Партизанская бригада «Дяди Коли», которой руководил Герой Советского Союза П. Лопатин, базировалась в районе озера Палик у Березины. Три года она вела героическую борьбу. Захватчики, чувствуя на своей спине мощные удары партизанцев, приходили в бешенство. Весной 1943 года гитлеровцы начали новую блокаду, бросив сюда большие силы пехоты, артиллерии и авиации. В изнурительных боях было немало случаев, когда народные мстители, оказавшись в тесном окружении и видя безвыходное положение, взрывались гранатами вместе с врагами. Так, партизан отряда «Ленинец» комсомолец Алексей Канаш гранатой сам подорвался и подорвал гитлеровцев, которые хотели схватить его живым.

И так повсюду — через леса и бола, деревенские улицы и городские кварталы — пролегал этот грозный всенародный фронт партизанской борьбы. Обширные территории Белоруссии — около 60 процентов — оказались неподвластными гитлеровцам. Они находились под контролем партизанской армии, насчитывающей в своих рядах 370 тысяч вооруженных бойцов. Кроме того, в городах и селах республику борьбу с захватчиками вели свыше 70 тысяч подпольщиков. Особенно сильное подполье действовало в самом Минске. Чуть ли не каждая улица или сквер здесь дышат историей. Словно строки героической летописи читаются: Гвардейская улица, Партизанский проспект, улицы, носящие имена минских подпольщиков Героев Советского Союза — Исая Козинца, Евгения Клумова, Ивана Кабушкина, Владимира Омелянюка, Николая Кедышко... Тысячу сто дней руины Минска стреляли в упор по фашистам. Подпольная борьба приняла такой размах, что захватчики были вынуждены организовать карательную операцию, назвав ее «Волшебной флейтой». Но «волшебства» не вышло. Нацисты многократно объявляли об уничтожении мин-

ского подполья, но оно возрождалось вновь и вновь. Именно здесь, в Минске, свершился приговор советских патриотов над палачом белорусского народа, гитлеровским комиссаром Вильгельмом Кубе. Всюду оккупантов подстерегало справедливое возмездие. Всего за три года борьбы партизаны и подпольщики Белоруссии вывели из строя более полумиллиона гитлеровских солдат, офицеров и их пособников, пустили под откос свыше 11 тысяч эшелонов, разгромили почти тысячу штабов и гарнизонов, взорвали более 900 военных складов, уничтожили 1355 танков и бронемашин, много другой военной техники, боеприпасов, снаряжения.

Как раз в самый разгар партизанских боев началась осуществляться операция, получившая кодовое название «Багратион». Это была одна из самых выдающихся операций Советской Армии, охватившая огромную территорию — более тысячи по фронту от Западной Двины до Припяти и до шестисот километров в глубину от Днепра до Вислы.

Чтобы перегордить нашим армиям путь на запад, фашистские генералы сгруппировали в районе между Минском и рекой Березиной большое количество войсковых частей, переброшенных из Прибалтики, Украины и Германии. Но советских воинов уже ничто не могло остановить.

...Однако до полной победы еще оставался без малого год. Еще много жизни унесет война. Но в воздухе уже будет витать весенний запах победы.

Для нескольких поколений, кому выпала тяжкая доля добывать победу, война была жестоким открытием мира — постижением добра и зла в глобальных, исторических событиях. Но после всего, что довелось им испытать, удивительно, что они не ожесточились, не разуверились в природе человеческого добра. В нравственном испытании перед лицом Отечества они прошли людьми беззаветного героизма и преданности в дружбе и вере.

...Вот о чем и напоминает нам курган под Минском. Здесь, на кургане, смешалась земля, привезенная из городов-героев, из Брестской крепости, из поселков и деревень, навечно прославившихся ратными и трудовыми делами. И стоит Курган Славы, подпирая высокое голубое небо, видимый со всех сторон, обдуваемый всеми ветрами, как знамя. И новая юность с трепетом поднимается по его ступеням к вершине, неся в своем сердце верность Памяти.

Отмечая 30-летие освобождения как одну из самых дорогих, памятных дат, белорусский народ праздновал и еще одно событие — столице Советской Белоруссии Минску присвоено почетное звание «Город-герой». Эта великая награда — за боевые дела. Это и наказ молодым поколениям, живущим в мирные дни, чтобы они помнили о том, каким трудом, муками, кровью добывал непокоренный народ победу.

Нет в Белоруссии такого уголка, где бы так свято не чтили места боевой и партизанской славы. Миллионы школьников, пионеров, комсомольцев участвуют в операции «Освобождение», идут по партизанским тропам, отыскивают имена новых героев, узнают о подвигах безымянных бойцов, организуют негелекие походы, обучаясь умению ориентироваться в лесах, форсировать реки, преодолевать препятствия. Участники операции «Долг» заботятся о ветеранах войны.

А это значит, что нынешнее поколение сумело сердцем и разумом осмыслить великий подвиг, переняло у отцов и дедов глубокую преданность Отчизне, самоотверженность, чистоту и благородство.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МОНОЛОГ ФУТБОЛЬНОГО ВЕТЕРАНА

Мы —
старые «землемеры»,
Мы —
давние мастера...
Замены прошу,
замены!
Честное слово,
пора!
Бежим за мячом футбольным
по круглой, как мяч,
земле.

В Днепропетровске,
в Стокгольме,
в Париже,
в Махачкале...
Наелся! Довольно! Хватит!..
В легких —

комочек огня...
«Профессором»
называют
в команде нашей меня.
Я прозвищам
знаю цену
и чувствую — будь здоров, —
как нынешние

«доценты»
ломают
профессоров!
Пашу травяное поле,
пасусь

на квадратном лугу...
Я знаю все
о футболе.
Я все в футболе
могу!
Сейчас я

откроюсь снова,

сейчас я
рванусь на край
и, падая,
с навесного
выложу мяч:

— Играй!!..
И грянут аплодисменты!
И вздыбится ураган!..
Замены прошу.

Замены
избитым ногам.
Замены
полночным криком
и мужеству до поры...

Умру я
без этой великой,
без этой проклятой
игры.

Неожиданный и благодатный
дождь
беснуется в нашем дворе...
Между датой рожденья
и датой

смерти
кто-то поставит
тире.
Тонкий прочерк.
Осколок пунктира...
За пределом положенных дней
руки мастера

неотвратимо
выбьют минус
на жизни твоей.

Ты живешь,
негодуеть,
пророчишь.

Ты кричишь
и ападаешь в восторг...

Так неужто
малюсенький прочерк —
не простое тире,
а игол!!

Белым снегом,
белым цветом
мир заполнен.
Я могу
написать тебе на этом
выпавшем с утра
снегу.
Я поведаю печально,
что вторую ночь не сплю.
Что тоскую
и скучаю.
Что тоскую
и люблю...

А потом —
туманной ранью —
соберу я снежный ком.
И его в Москву
отправлю
медленным товарняком.
Интересно,
что ты скажешь,
если,
требуя похвал,
к нам во двор
в бензинном кашле

шумно
въедет
самосвал!
Он затормозит с разбега
на асфальте ледяном.
И большая
глыба снега
ляжет
под твоим окном...
Всею глубию голубою
тыщи смерзшихся страниц
завезает перед тобою,
умоляя:
прикоснись!
Пусть тебе поможет чувство!
Догадайся
и прочти!..

Впрочем,
я не верю в чудо,
невозможное почти...
Ты на глыбу
глянешь строго
и с тропинки не свернешь.
Снег налипший
у порога
варежкой отряхнешь.
Мне об этом
думать горько,
но реальность
такова:
скоро

ледяною горкой
станут
все мои слова...

А когда пройдут морозы,
а когда пройдет зима,
побегут ручьями
слезы
из забытого
письма.

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

ДВОЕ ИЗ МОЛОДОГО ГОРОДА

Со стр. 8. ▼

старший, напутствуя брата, сказал:
«Все, что ты умеешь, про это забудь.
Свай бит и бетонить твои бригады
умеют. Бригады не слабые и, между
прочим, с характером. А у тебя те-
перь другая работа — ориентировать
людей. Ты должен, как Данко, вести
их вперед, вынудив сердце. Должен
дух в людях поддерживать, нужный
тебе и государству».

В первые дни новая жизнь показав-
лась Сергею даже легкой. Обеспечи-
л фронт работ, расставил людей,
дал четкое задание, — вот и все забо-
ты. С бригадирами, людьми бываль-
ми, опытными, установились ровные
отношения. Все шло нормально, но по-
степенно в нем начало расти неясное
беспокойство, хотя причины его
были как будто пустяковые... За сме-
ну планировалось залить три фунда-
мента, залили только два. «Стара-
лись», — объясняли бригадиры, — но не
успели... Еще случай. Бетонщики уш-
ли домой ровно в пять, как и поло-
жено, а без пяти пять на участок
привезли раствор. Принять его ока-
залось некому... Сергей анализиро-
вал каждый из этих случаев. Бетон
бригада ждала днем, но из-за чьей-
то неорганизованности его не привез-
ли. А поскольку смена закончилась,
рабочие имели полное право разойтись
по домам. Но ведь пропало
три «куба» бетона, шофер вынуж-
ден был свалить раствор в какую-то
яму. Однако упрекнуть рабочих с
формальной точки зрения было не в
чем. Так что же мастера удручает?
Он нашел ответ: у Сахарова работа-
ют иначе.

Как-то раз, в один из самых пер-
вых месяцев работы в бригаде Ни-
колая Ивановича, Сергей сопровож-
дал машину с досками. На крутом
повороте доски рассыпались. Грибов
с шофером подобрали часть, а все
собрать было некогда: Сергей то-
ропился за ребенком в детский сад.

Он со спокойной совестью пере-
одевался в бытовке (причина спешки
как-никак уважительная, да и рабо-
чий день кончился), когда появился
Сахаров. Он, конечно, был в курсе
дела. Как всегда.

— Уходишь? — спросил бригадир, и
в голосе его прозвучало такое не-
поддельное удивление, такая невоз-
можность поверить в происходящее,
что Сергей молча снял пиджак и
снова влез в робу. Больше всего на
свете боялся он потом услышать в
голосе уважаемого им человека те
удивленные ноты...

В бригаде Сахарова все как-то
умели забыть на работе обо всем,
кроме работы. Сахаровцы не хотели
знать, не знали, что такое плохая по-
года, простои. Любимое присловье
бригады (автор — Николай Иванович,
который, разумеется, буквально ему
не следует): «Если нет работы или
нечем работать, без дела не сиди.
Лучше яму выкопай и засыпь, но
без дела не сиди!» Сам Николай Ива-
нович каждый день выходит из до-
ма в шесть утра, когда остальные
члены его бригады спят, и уходит со
стройки последним, пересмотрев,
перешутив все, что сделано за день.

Бригаде Сахарова незнакомы по-
ражения в соревновании, ей поруча-
ют строительство самых ответствен-
ных объектов в городе. И вот с ней,
образцовой, единственной в своем

роде, сравнивал Сергей свои брига-
ды. Он, Сергей Грибов, не просто
мастер, он — ученик Сахарова. А уче-
ник, рассуждал Сергей, должен по-
йти дальше учителя. «Николай Ивано-
вич передал мне все свое, так? Но
ведь у меня есть еще и мое!»

Правда, это «его» пока не было
оснащено опытом руководства люди-
ми.

...С нетерпением, с интересом гля-
дели на Грибова мужчины в заляпан-
ных бетоном штанах, женщины в об-
легающих плотные фигуры кофтах и
кацавейках. Для чего собрал их ма-
стер, этот мальчик, тонкий, как тро-
стинка, с круглыми зелеными глаза-
ми?

Сергей волновался.
— Я хочу сказать вам... — не прого-
варивались те слова, что он приго-
товил. — Хочу сказать...

— Говори скорей, а то разбежим-
ся, — раздался женский голос, — нам
еще варить пора.

— Вы плохо работаете.
Все замерли после этих слов Сер-
гея. Потом поднялся крик. Его обыз-
вали мальчишкой, сопляком, чужа-
ком... На том и разбежались...

Должен ли он был это сказать? Сер-
гей трясся в переполненном автобусе
и решал: да, должен. Дома жевал
котлету, не чувствуя ее вкуса, и по-
нимал: нет, не стоило. А просыпаясь
среди ночи от душившего его отчая-
ния, снова говорил себе: и все-таки
я прав. Разве что следовало говорить
по-другому. Не обухом по голове
бить, а объяснить, растолковать, чего
он от них хочет.

Что было ему делать теперь, после
всего, что произошло? Подойти, до-
пустим, к Филиппову или другому
бригадиру — Овчинникову и начать
объяснять, чего он добивался тогда,
Сергей не мог. Все должны были
объяснить его поступки, действия,
работа.

Сергей приходил на стройку за
час до начала работы, обегал весь
участок, с яростью вырывая тяжелые
литые сапоги из вязкой глины. Вече-
ром, дома, тщательно планировал
задания для каждого, весь рабочий
день бригад был расписан в тетра-
дочке. А утром снова летал от кот-
лована к котловану, так что синий
плащ крыльями простирался за спи-
ной.

Шло время, и понемногу рабочие
«отходили», начинали смотреть на
своего мастера без прежней хму-
рости, без обиды. О важных вещах
заставил их задуматься этот воинст-
венный паренек. А Сергей не заме-
чал перемен, терзал себя тем, что не
умеет поправить отношений с хоро-
шими в общем-то людьми...

...И вот этот проклятый день. Гри-
бов-старший любит повторять: «В на-
шем деле все трудно. Идет дождь,
люди моknут, дороги моknут. Можно
утонуть в этой грязи. А можно по-
строить завод раньше срока. Глав-
ное — уши не опускать». Но как же
это трудно — не опускать уши...

Крановщик еще продолжал раз-
глагольствовать, когда Грибова по
секрету вызвали в управление. Как
секретарь комсомольской организа-
ции СУ он должен присутствовать на
совещании.

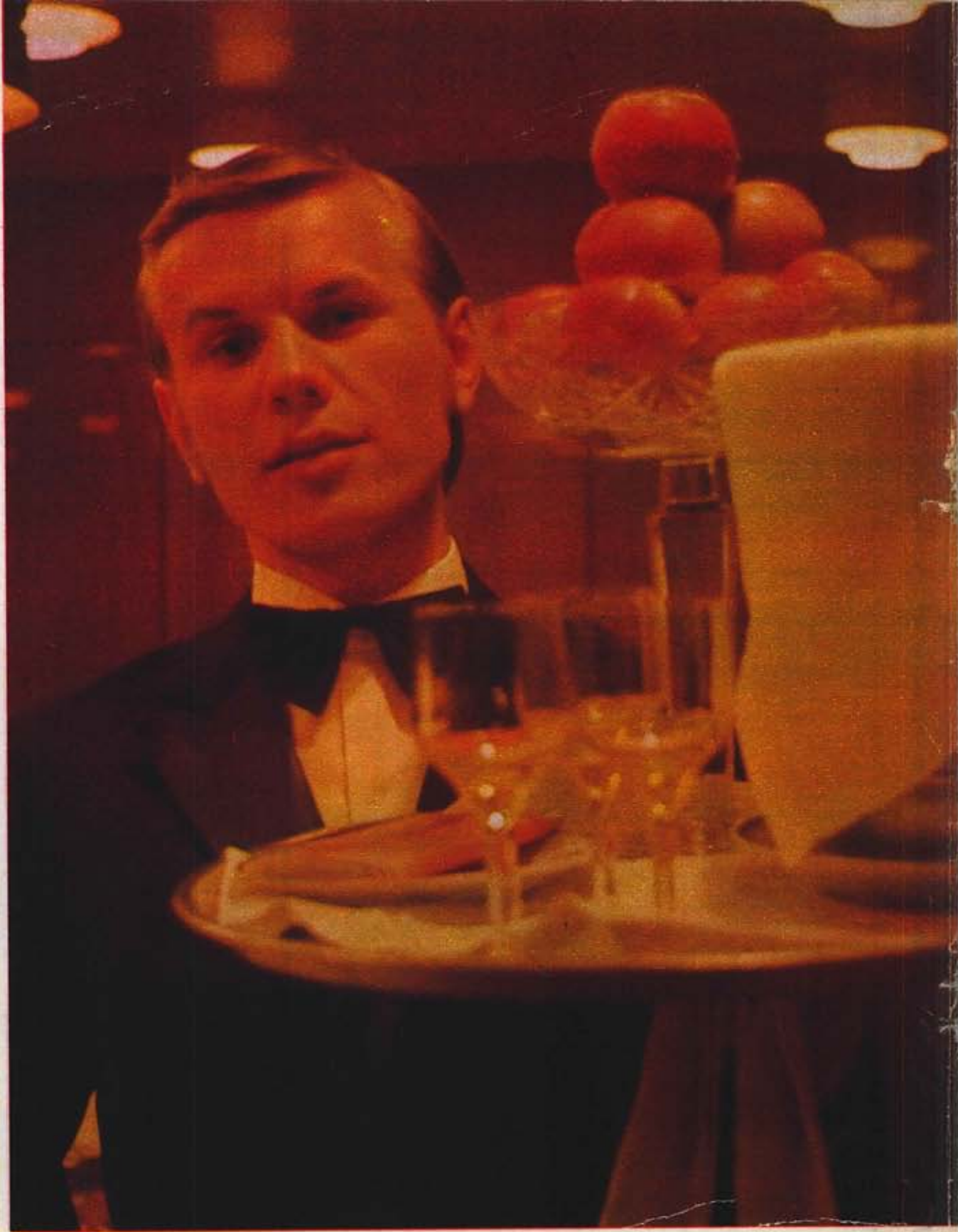
На участок, как ни рвался, вернул-
ся после обеда. Волнуясь, подходил
к котловану, где должна была рабо-
тать бригада Филиппова, будь у нее
кран. Но крана нет, значит, работа
стоит. Так и есть — в котловане ни
души. Сидят себе, наверное, в бы-
товке. Вдруг взгляд Сергея зацепил-
ся за что-то светлое, серое. Он при-
щурился и увидел аккуратный кубик
фундамента. На одной оси с ним
чуть подалеже стоял второй.

Навстречу ему спешил Филиппов.
— Где ты кран добыл, Алексей
Алексеевич?

— Уговорил тут одного человека, —
улыбнулся Филиппов Грибову, — с
другого участка. А что нам дальше
делать, Павлович?

Галина РЕЖАБЕК,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

УЧЕБА: ВСЕ КАК НА РАБОТЕ. ►
НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ КОМСОМОЛЬСКОГО СОБРАНИЯ — УСПЕВАЕМОСТЬ. ▼

Б

есконечный, разнообразный мир людей — вот что мне интересно, — сказал Сергей Русанов.

— Да, люди... Они главное и самое любопытное в нашей работе, — поддержала Сергея Нина Степановская. Нина Алексеевна Разоренова, директор школы официантов и метрдотелей, смотрит на меня торжественно: слышали! Ей хочется пригласить новых ребят и девушек, чтоб убедить, доказать, что у них все как надо, что к делу своему они прикипели, что на любом конкурсе им по силам взять любые призы, что если открыть такие школы еще и еще, то не будет у нас проблемы сервиса, проблемы кадров для него. Этот вопрос стоит остро.

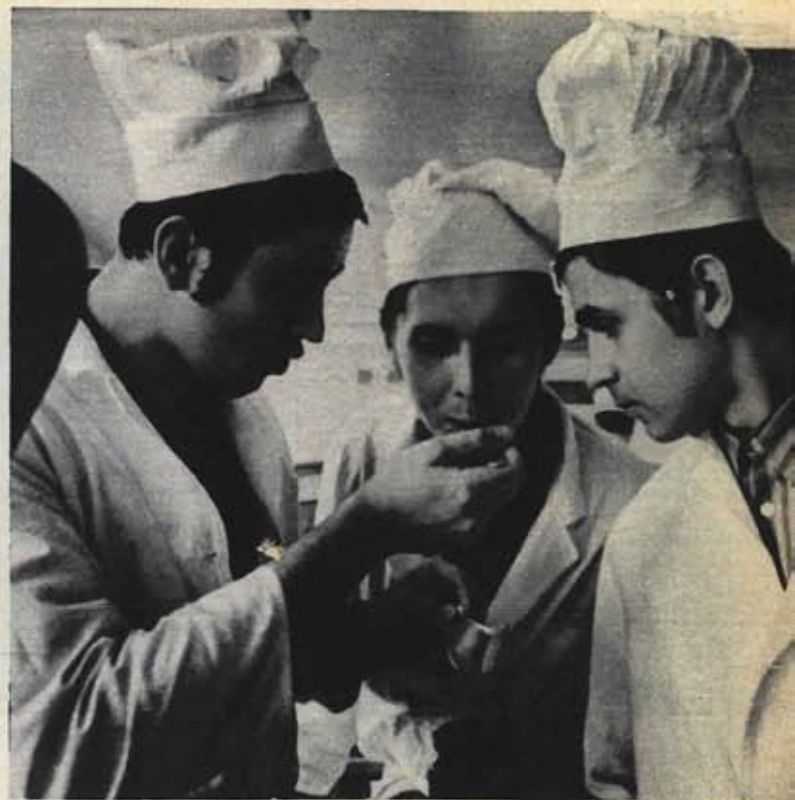
...Вещественное доказательство могу приложить. Это кусок оберточной бумаги с мясными подтеками, а по ним размашисто, наискось безграмот-

РАБОТА СРЕДИ ПРАЗДНИКОВ

ТОЧНЫЙ СЧЕТ. ▲

ИСКУССТВО СЕРВИРОВКИ. ▼

**УРОК КУЛИНАРИИ. БУДУЩИЕ
ОФИЦИАНТЫ ОВЛАДЕВАЮТ
НАВЫКАМИ ПОВАРСКОЙ
ПРОФЕССИИ.**

А
ШКА

ное письмо какому-то Раулю с объяснением в чувствах. Молоденькая продавщица никак не могла понять, зачем мы здесь стоим, смотрим на нее и чего-то хотим. Чего же? Ах, мяса!.. Глаза ее полыхнули презрением. Она с иронией бросила кусок на весы, потом на страстно исписанный лист, тяп-ляп завернула, и он достался мне — уникальный автограф ценой в один рубль шестьдесят восемь копеек. Я шла и думала: кто такой этот Рауль? И еще: несет ли он ответственность за то, что мы нервничали, и ждали, и злились, и возмущались, пока его поклонница, отрешившись от окружающей действительности, то есть от нас, писала ему письмо? Или он тут совсем ни при чем?

— Ни при чем! — сказали мне девять из десяти стихийно опрошенных знакомых, кому я показала автограф.— Ну, а люби она кого угодно другого — что из этого? На работе надо думать о работе.

НАВСТРЕЧУ VI ВСЕСОЮЗНОМУ СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

СТИХИ ПОЭТОВ СОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Янис ПЕТЕРС

ПЕСНЯ ВОИНА ДРЕВНИХ ЛАТЫШЕЙ

Наши души — городища
осажденные,
Даугавой отраженные, стоят...
Городища на колени не становятся,
городища осажденные горят.
В городище умирает воин

раненый,
в городище пенье взбалмошных
рожков.
В ночь на Яна каждый раз мне
мерещатся
головни городищ меж берегов.

Слушай! — стонет и смеется
Даугава,
и звенят над ней мечи, звенят
кресты.

Ты гори, моя душа, гори-сгорай,
ты расти, моя душа, расти!
Городище, ты займись высоким
пламенем,
ведь не мой огонь тебя постиг.
Рано ль, поздно ль, но придется
крестоносцам
задохнуться дымом замков своих.

Городища все не выгорят,
останутся,
коноплею порастут и горохом,
и над черепами крестоносцев
будет
каркать черная ворона рока...

Перевел с латышского
Петр ВЕГИН.

В ЧЕРНОГОРИИ

Порог, уходя, целуют,
А очи сухие, как горы;
Порог, уходя, целуют
За правду.

Ждет меня смерть на рассвете,
Только жену не будите,
Я не хочу прощаться...
Ждет меня смерть на рассвете —
За правду.

У матери очи сухие,
И выстрел и горы — сухие.
А родников так мало!..
Пора идти за водою —
Замучила жажда.

Правда победу празднует.

Слезы у нас
Глубоко упрятаны —
Не пробьетесь!..

ЗЕМЛЯНИЧНОЕ ПОЛЕ

Лес окаймлен пожаром
земляники —
то жизнь моя огнем к земле
приникла.

На поле том, на том живом огне
и смерть и стужа обломают гнев.

Да, этот ствол с могучей, пышной
кроной
засохнет вдруг, сгинет в могиле
темной,

но корни снова к солнцу
прорастут,
у пчел веселый будет летом труд...

И вот пыльной облитая пчела
любовь несет на кончике крыла —
да будет это чувство зимостойким!..
Добудет мед пчела в полете
долгом,

кукушка, сидя на кривой березе,
мне посулит и радости и слезы,—
пойдет моя любовь упрямо виться
под звездами, среди тихой
полевницы.

И не сломить нас
никакой юдоли!..
Я — поле земляничное.
Я — поле...

Перевел с латышского
Николай КОТЕНКО.

Лаймонис ВАЦЕМНИКС

СОЛНЦЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ДЕТАМ

«Чье солнце! Чье небо над
флагом!»—

Ребенок вопросы готовит,
Когда на лугу за оврагом
Он солнечных зайчиков ловит.

И с солнечным зайцем в ладошках
Он вдруг улыбнется лучисто
И спросит: «Чья в море дорожка!
Чьи эти пески, эти листья!»

И птица за тучами тонет.
И ветер полет ускоряет,
Когда на ребячьих ладонях
Не мячик, а солнце сияет.

И громы грохочут не даром
Про самое мудрое в свете:
«Солнцем и земным шаром
Должны играть только дети!»

В ОСЕННИХ ОГНЯХ

Уж воды рек предчувствуют
морозы
И, глухо клокоча, свой путь торят.
В берестовых подсвечниках
березы,
Как золотые факелы, горят.

И корни пьют хмельное сусло
соков.
Деревья осень в косы заплели.
А ветви отрешенно и высоко
Все отдают, что взяли у земли.
Глянь, на пригорках груди листьев
вянут.

И лета тлеет в них огонь живой.
Пускай. Весной деревья вновь
воспрянут,
Врастая в высь кудрявой головой.

Но к родине щедрее осень будет,
И ярче свет берез на берегу,
Когда я, перед тем как нас не
будет,

Огнем сердечным их зажечь
смогу.

Перевел с латышского
Вадим ХАЛУПОВИЧ.

Ионас СТРЕЛКУНАС

ВЫБОР

Утром, будто к грозе;
Волны плещут в прибрежной
осоке.

Оставляем друзей
В городах пропыленных, высоких.
И всему вопреки

Трудно на это что-то возразить. Но один из десяти задумался и сказал, что верит: когда в наше обслуживающее придет интеллигентная молодежь, он сказал «молодежь на уровне», все сразу станет в порядке. А Рауль — это, мол, показатель, что пришла не та молодежь...

Рауль — это дабы расписаться в ведомости, это мне все равно, чем я занимаюсь, это характер поведения не привыкшего делать усилия юного мещанина. Ну, а то, что этот мещанин оказывается за прилавком, за кассой, в ресторане, в столовой, в магазине готового платья, так это от заблуждения, по глупости: здесь, мол, легче, чем у станка, чем на стройке, чем под землей. Оказывается, не легче. И он злится, свирепеет, что его обманули, что и здесь ему надо работать. Вот и вышло, что полученный мною автограф оказался мерой того сервиса, который и не сервис вовсе...

Ожидание той самой молодежи, которая все изменит, исправит, становится все более нетерпеливым. Где они, те парни и девушки, которые встанут вместо грубиянки-официантки, вместо подвыпившего продавца?.. Пойдите, но ведь девушка, что написала автограф, уже пришла, и что же? Значит, мало прийти. Надо прийти с чем-то. Что такое «люблю работу»? Умею ее делать или не поменяю ни на какую другую?

Рассмотрим ситуацию, которая повторяется каждый год в конце августа — начале сентября в Московской школе офицантов и метрдотелей.

Только-только закончился очередной набор, и директор школы Нина Алексеевна Разоренова скажет: «Вот теперь я пойду в отпуск». А до этого было лето, и приказ об отпуске, и отпускные были получены и истрачены, только уйти Нине Алексеевне раньше не было никакой возможности — набор. Самый ответственный, самый хлопотный период в жизни школы. И не потому, что валом валят. А потому, что вала нет. И в просторных, прохладных коридорах школы мирно отщелкивают дни июнь, июль, август... Впрочем, в августе приходят абитуриенты. — Неудачники, — грустно говорит Нина Алексеевна. — Они не прошли в институт. К нам они так... Больше посмотреть. Естественно, свысока. Мы ведь не вуз.

А их все равно принимают с нежностью. Ведь в молодости так легко все меняется. И школа показывает себя, ведь раз пришел сюда человек, значит, что-то его толкнуло. Разбудить, расшевелить это что-то... А может, это один из тех, в чьи школы они ходили. И как ходили! Блистательно сервировали столы перед изумленными учениками. В отужуженных костюмах, в крахмальных белоснежных наколках смотрелись, как на цветной обложке.

— Каждый раз после этого надежда — теперь-то придут. Не могут не прийти. «Наши» так всем понравились, — рассказывает Нина Алексеевна, — в каждой из школ держались, как на международном смотре.

А в отпуск уйти было нельзя. Всего

сто человек пришло из школ. Сто... А надо много больше.

— Вот откуда она, поклонница Рауля, — от безрыбья, от случайности, может, от своей неудачи. Чего ж от нее ждать?

Владимир Александрович Киселев, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, говорит прямо: «Нам нужен конкурс. И побольше... Чтоб нас искали, а не мы...» Нина Алексеевна смотрит на него укоризненно: почему же не искать самим? Будем искать. Отдачу побольше бы... Вот и все. Все-таки обидно: 670 школ, почти в каждой до сотни выпускников, а улов — 100 человек. Мало, так мало!

— Не пишите об этом, — говорит Нина Алексеевна, — это для нас антиреклама. Ведь обидно же, что не идут.

Поясняю, в школу принято 317 человек. На столе у директора стопочка писем от тех, кто ждет демобилизации, просит: «Зарезервируйте местечко, мы приедем в октябре». И школа резервирует. Ребята, прошедшие армию, желанные в школе, но все-таки основную часть набора составляют ранее работавшие. Их в этом учебном году принято 212 человек. Среди них много прекрасных ребят, таких, как Сережа Русанов, бывший до этого модельщиком.

— Ну, что делать, — рассказывает он, — если меня просто убивало однообразие? Я чувствовал: не то, не то... Мой друг Толя Федоров стал рассказывать о школе. Он здесь учился. Мама у меня медсестра, она была против. Но я все-таки пошел. И те-

перь знаю точно: не ошибся, мне интересно.

Это тот счастливый случай, которому так всегда рады в школе. Но как его предугадать? Как быть уверенным в том, что Володя Иванов, принятый в этом году, сын инженеров, найдет в школе то, что так долго ищет? А ищет действительно долго. У него в трудовой книжке просто букет разнообразных профессий — он и охранщик, он и грузчик, он и скорняк... Что это, естественные, нормальные поиски молодости, желание постигнуть и познать многое в рабочем деле или поверхностность, легкость? Для школы это пока тайна.

— Что вас привело к нам? — постоянный, традиционный вопрос всем, подавшим заявление.

— Кооператив строю. — И ухмылка во все лицо. Чего стесняться, все, мол, свои. И еще почти пусты списки, еще неизвестно, что покажет август, а такому от ворот поворот сразу. Отказывают и тем, у кого в трудовой книжке уже очень много не объяснимых никакой логикой записей.

Школа стремится найти тех, для кого работа была бы призванием. Именно этим своим поиском тянется она вверх «от Рауля», от прискорбного отношения к профессии продавца или официанта как к второсортной, чем-то даже стыдной, которое, чего греха таить, годами нами же воспитывалось. Разве ломаешь его сразу? У всех?

...Училась в школе девушка. Назовем ее Катей. Не девушка — мечта

От предчувствия сердцу
не страшно...

А течение реки
Огибает развалины башни.
Ей стоять бы века,
Но ни камень, ни сердце не вечны.
И, как эта река,
Время нас обгоняет беспечно.
За холмами, в полях
Три дороги у срубленной ели
Словно благодарят нас за то,
Что их выбрать посмели.

Пятрас ПАЛИЛИОНИС

УТРО В ПРЕДЕСЬЕ

Кричат, как будто для глухих,
перед рассветом петухи.

Луна срывается — и там
На небосклоне снежный шрам.

Над хлебом тягот и невзгод
Вот-вот мое лицо взойдет.

И слово теплое — от губ —
Студеную встревожит глубь.

Стасис ЙОНАУСКАС

НАЧАЛО ЗИМЫ

Нам друг друга теперь ни за что
не сыскать,
А искать среди букв, как врасплох
окликать:

Смыло краски дождями
с кленовых листьев,
И остался сквозной паутинный
остов.

Ночи летние кончились там,
далеко,
Где у моря стоит караул облаков.

И забыли вороны, была ли весна,
Не распробуют привкус согласных
со сна

В слове «похолодало»,
продрогли дома —
Это значит — опять наступила зима.
Перевел с литовского
Дмитрий ЦЕСЕЛЬЧУК.

Альдона ПУЙШИТЕ

НЕ ТОРОПИСЬ УХОДИТЬ...

Вы,
Встречающие меня на пороге
рассвета
Или провожающие в сумрачную
вечернюю тишину,
Не торопитесь уходить,
Ибо мое лицо станет тогда
Бессмысленным и одиноким,
А речная вода будет повторять
Лишь хмурую тень,
Как долины —
Звук заблудившегося эха...
Не торопитесь уходить,
Вы, любящие,
И вы,
В чьих словах лишь горечь полыни,
Пусть будет дом мой отныне
Увенчан знаком подковы
И вашего присутствия полон...

Перевела с литовского
Татьяна ПУСКАЕВА.

Яан КАПЛИНСКИЙ

Я иду к тебе навстречу.
До тебя еще так долго...
Сигареты огонек
Светлячком во тьме мигает
И плывет, как в небе птица.

На моем пути тихонько
развлекается сверчок.
Его славный голосок
отлетит от стен юрличных,
и далеко еще слышен
гимн тому единоборству,
чем жива сама природа.
На пути к тебе одной
умер желудь под ногой...

Река увлекает себя за собой,
и морю нет дела до званья.
И чудо, что дремлет под темной
водой,
есть чудо призванья.
И путь справедливый не жалит
ступней,
и свет озаряет слепого.
И с каждым глотком моя жажда
сильней,
и пью себя снова и снова.

Вийви ЛУЙК

Придет пора степенных, раздумчивых
небес
на бурные холмы под грузными
хлебами.
Придет пора степенных, раздумчивых
небес,
и терпкий день придет с душою
созревания.
Как по ночам гудят колосья
цвета меди,
И чутко ждут они, кому бы дань
отдать!
Как по ночам гудят колосья
цвета меди,—
Хотя б в одной звезде ту осень
увидать.
Но вот она придет, пронизанная
ветром.
Проворные снопы ее озолотят.
И солнышка лучи, внезапно
встрепенувшись,
Навстречу хлебоборам
радушно поспешат.

На фоне выбеленных стен
ползет с фиалками корзина.
Красиво...

Грудное «гули» голубей
откуда-то едва несется.
Та башня ввек не напасется
на них забытых амбразур.
И ветки высохших деревьев,
как кости, хрустнут под ногой.
Шумит над людной мостовой...
То флюгера скрипят, вертятся
на север, запад и восток.
И небо звонко серебрится.
И струны вод
земля слегка перебирает...

Там, где конец городской суете,
там, вокруг дороги и стен каменных
тихо покоятся, тихо и чисто
только мои поля.

Ты погляди! Даже той неказистой
лужице дар отраженья дан.
Через нее облаков видим души,
миг настроений деревьев, себя.

В дымке весенней земля повернулась,
смех пробежал по откосам канав,
травами враз поперхнулись, надулись,
голос слышав чугунных оград.
Пламя рябины, полей песнопенье—
все ожидание солнечных дней.

Там, где конец городской суете,
долго тебя провожают укором
взгляды борозд, что впитала земля.
Только моя земля...

Перевела с эстонского
Светлана ПОБЕРЕИ.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

директора Нины Алексеевны. Скромная, воспитанная, начитанная. Нина Алексеевна глазами не верила: да если такие придут, через пять лет наш сервис будет самым лучшим в мире. Катя ушла.

— Не могу, — сказала. — Почему он мне тычет?

Некий горе-барин крикнул Кате: «Эй, ты! Принеси папиросы!»

Подумаешь, принцесса! Подумаешь, чья-то там мечта! Да ему на это плевать!

Катя ушла из школы.

— Как я ее просила! Как просила! — вспоминает Нина Алексеевна. — Но я ее понимаю!

Мы молчим и думаем, видимо, об одном. О том, что какая-то другая Катя, сегодняшняя или завтрашняя, должна будет найти в себе силы и остаться. И одновременно с этим некий горе-барин за неумение вести себя в общественном месте, за неуважение к человеку должен быть выдворен из ресторана воспитанным метрдотелем, выпускником такой же школы.

История с Катей показывает, что принять хорошего учащегося — это еще полдела. Его надо сохранить. И тут выясняется, что школа бывает бессильна и перед хамством, чванством, бескультурьем и перед натиском родных и близких, который приходится испытывать.

Теперь есть порядок — пап и мам обязательно приглашают в школу, дабы убедиться: они в курсе, они знают, что сын или дочь будут здесь

учиться, посему школе не грозит неприятное объяснение где-то в середине года (было и такое!), после которого родители забирают документы, и приходится размышлять: с кого возьмешь выброшенные впустую деньги? Ведь семьдесят рублей в месяц платили человеку. Немало, побольше, чем будущему учителю, врачу, инженеру.

Пока правда выглядит так: родители стоят стеной на пути в школу. Родители разные. И те, кто с высшим образованием, и те, кто без него.

— Это нам преодолевать, — говорят педагоги. — Вы знаете, десять лет тому назад мы были на грани того, что у нас не будет поваров. Не шли. И тоже из-за родителей. Сейчас все в порядке. Теперь будем ломать устоявшееся и уже во многом ложное представление о работе официантов.

И родителей водят по школе. Я чуть не написала — как маленьких. Хотя и напиши я так, не было бы в этом большой неправды. Наше представление о возможностях сервиса наивное: говоря «мой сын официант», родитель уже заранее боится, что его не поймут и осудят: в лакеи послал. Слово-то какое, хоть и нет его вроде давно, а отцу-матери слышится. И разве тут можешь общей агитацией о нужности профессии — нужно-то нужно, но почему именно мой? Разве он хуже? «Лучше, — говорит Нина Алексеевна. — Вы посмотрите, как он смотрится. Посмотрите, какой он стройный и до-

стойный, как он красиво движется... Когда наших мальчиков принимали в Варне, все думали: приехали спортсмены. А вы говорите, хуже, как вам не стыдно?» Родителю необходимо убедиться, что сын не лакей. И ему в тысячный раз объясняют это.

— Теперь я спокоен, — говорит отец, побывав в школе.

— Пусть учится, — говорит мама.

— Нет! Ни за что! — кричит жена. А он, между прочим, окончил школу и прекрасно работает официантом.

После предварительного разговора о том, что привело человека в школу, следует другой период, тот, который заставил уйти Катю, — практика. Тяжелая работа среди музыки и праздника, состояние подтянутости там, куда другие люди приходят чувствовать себя раскрепощенными от дневных забот, от обязанностей. Работать, работать, работать, хоть кругом и шумит праздник... А ведь это трудно! Мы говорим «ресторан, праздник, веселье», а я в мыслях держу другое, то, о чем я хочу говорить с ребятами, но пока деликатно верчусь возле темы: как начать? Как спросить юных, симпатичных ребят о том, что они не только кормят, но... и поят. Что выпитое дает столь необходимый план. Что они служат Бахусу, и проклятому и проклятому. И мне даже страшно представить мягкую, деликатную Нину Степановскую среди пьяной компании, в которой кто-то будет щелкать негнущимися пальцами и, тяжело ворочая языком, кричать: «И-ш-шо... Бутылку...»

— Не дам! — твердо говорит Нина. — Не дам, и все. Есть нормы...

— У коньяка нет нормы. — Это Нина Алексеевна. Это она хочет, чтоб ребята не лукавили. Что есть, то есть, чего нет — нет. У коньяка нормы нет. Хоть залейся.

— Не дам. Пьяному не дам. — Нина говорит тихо, но откуда в этой девушке столько железной твердости?

— Я знаю, знаю, как это противно! — продолжает она. — Я работала в парке, видела там случайных официантов... Им все равно кто, все равно что... Я оттуда пришла в школу. Если хотите, из злости на эту отвратительную манеру бросить на стол большое бутылоч, чтоб легче обсчитать... Я не могу это видеть... И у меня так не будет! — Голос ее чуть зазвенел на высокой ноте, но она тут же профессионально взяла себя в руки.

А я, каюсь, вцепляюсь в это отвратительное слово «обсчитать», потому что знаю, что писать о будущих официантах и не сказать о чаевых, об обсчете... Кто мне тогда поверит, что я хочу рассказать о школе то, что есть на самом деле, а не то, что красиво придумалось на досуге.

— Чаевые существуют, — сказала Нина Алексеевна. — И мы об этом говорим прямо.

Клиенты ушли, а на столе остаются деньги. На чай. Как с ними быть?

— Как быть?
— Не оставлять, — говорит Нина Алексеевна. — Они хорошо зарабаты-

вают. До двухсот рублей в месяц. За культурное обслуживание идет пятипроцентная надбавка.

— Я даю сдачу до копейки,— говорит Нина.— Но не побегу же я за гостем, чтоб отдать ему эти копейки, если он их оставил.

— И никто не побежит,— говорит Владимир Александрович.— И не будете же вы предлагать смахнуть оставленные деньги вместе с мусором?

Не буду. Но ведь тот парень, который честно признался, что пришел в школу, потому что хочет выступить кооператив, рассчитывал не на пятипроцентную прибавку, а именно на эти, оставленные, будто забытые рубли. И тот отец, что боялся, когда его сын решил стать официантом, тоже видел оскорбляющие его «двадцатики» и «пятаки» и то, как его сын будет складывать их в карман. На чай, значит, лакей... А как же иначе? В каком месте рвать эту нитку, что связывает в одно и Нину Степановскую, и Сергея Русакова, и махрового, отпетого рвача, который хочет видеть вас в ресторане пьяным и безвольным, чтобы и обсчитать и на чай получить.

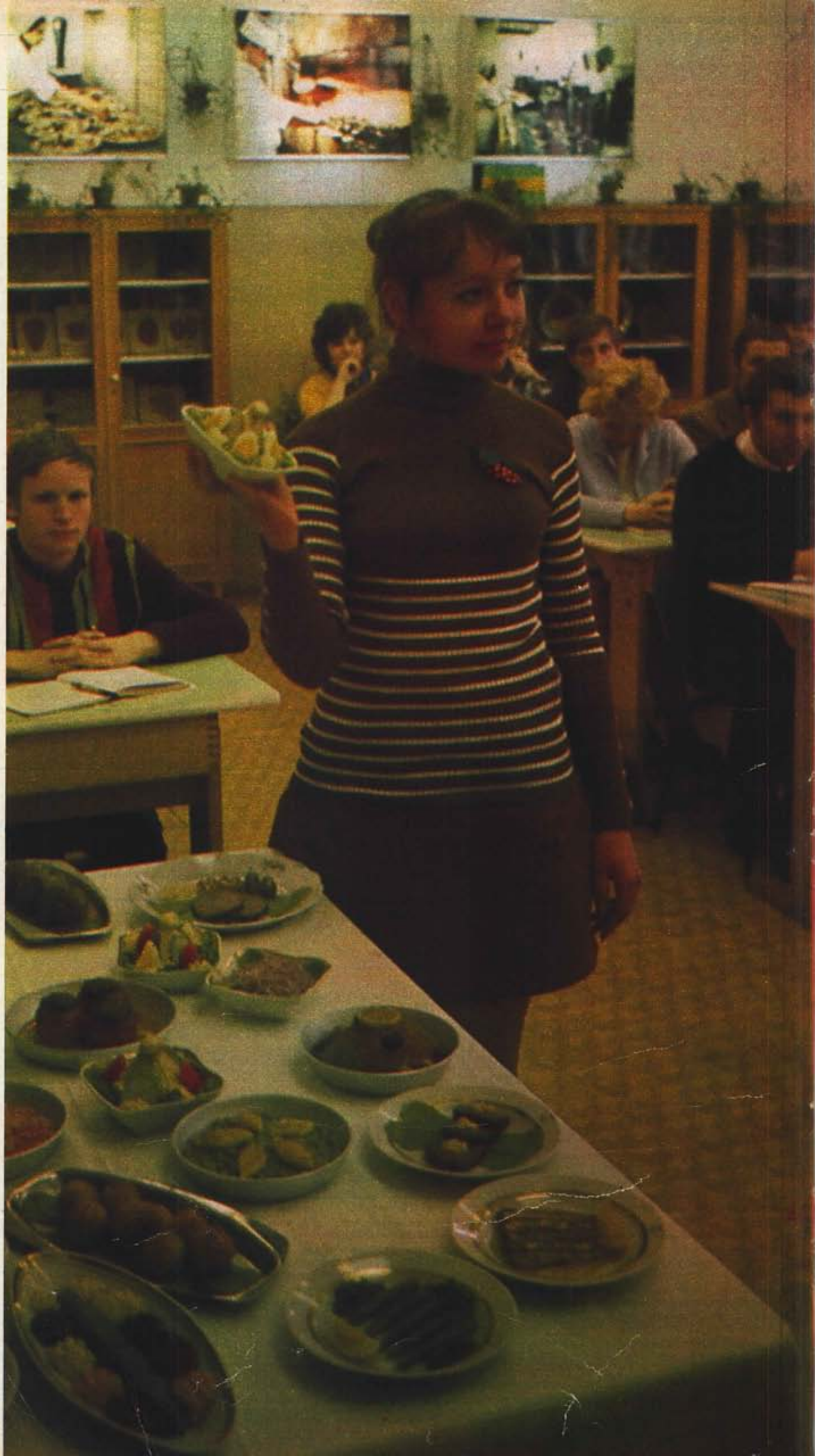
— Если наш так себя ведет, исключаем,— говорит Нина Алексеевна.— Обсчитал, намекнул на чаевые — уходи...

Намекнул... Ну, а не намекнул, а просто взял то, что уже оставлено?

На этот вопрос нет ответа. Его нет пока в жизни. Потому что деньги оставляют отнюдь не только те, кто им цены не знает. В основном такие же труженики. Что в этом: традиционное «так принято», или сочувствующее «попробуй поноси эти подносы», или устаревшее «им тут мало платят», или, самое отвратительное, лакейская подачка — сказать трудно. Наверное, в каждом конкретном случае — свое. Только Нине Алексеевне и ее питомцам при всем их запасе оптимизма эту проблему самим не решить. Ее решать нам всем.

— Если с ребятами говорить только о чаевых, только о пьянстве, в этом можно задохнуться.— Нина Алексеевна разводит руками.— Посмотрите, какое у нас светлое здание. Выбили... А то бы нас закинули в какую-нибудь дыру. Но нам и этого мало. Важно, что у нас в перспективе.

Вот вариант решения проблемы чаевых. У школы свой ресторан, базовый (в перспективе такой должен строиться у Войковской). Никого со стороны — все сами. Теперь как? Ты приходишь на практику в сложившийся коллектив, плохой, хороший, как повезет, и учишься там у мастеров. И мастер у тебя тоже, как повезет. И кристальный человек и такой, что скажет: «Раздели-ка порцию...» Так вот, представим, нет этого. Нет таких случайностей — есть свой ресторан, и его все знают. И есть возможность показать образец и обслуживания и решения тех острых вопросов, которые не решишь в приказном, административном порядке. Школа смогла бы проэкспериментировать, проиграть все варианты с чаевыми и без, высчитать оптимальный процент надбавки без пресловутого «залеяся» и так далее. И, наконец, главное — здесь бы мог и стал бы формироваться тот новый служащий сервиса, о котором сказано в Резолюции XVII съезда ВЛКСМ и который призван «поднимать культуру... обслуживания». Тогда не надо будет доказывать, что официант, продавец — это так же прекрасно, как педагог. Будет место, где это можно будет увидеть, где этим можно будет увлечься. Я представляю, как красиво будет в одном таком ресторане и как потом их может стать больше и больше. Пока это мечта. Мечта пока и аналогичные школы в Киеве, Ленинграде, Сочи, Ялте. Надо ли говорить, как они нужны? Как нужны нам обученные, профессиональные работники сервиса.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ ПЕРЕД ВЫХОДОМ В ЗАЛ. ▲

◀ В КЛАССЕ ТЕБЯ ВЫЗЫВАЮТ НЕ ТОЛЬКО К ДОСКЕ, НО... И К СТОЛУ.
ДВИЖЕНИЯ ЭКОНОМНЫЕ И ТОЧНЫЕ. ▶

▼ ОБСЛУЖИВАТЬ УМЕЛО — ЗНАЧИТ ОБСЛУЖИВАТЬ КРАСИВО.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ, КОГДА ВРУЧАЮТСЯ ДИПЛОМЫ. ▶

ВСЕ ЭКЗАМЕНЫ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА. ▼

ВСТРЕЧА С ЕРВАНДОМ КОЧАРОМ

Фото Исаака ТУНКЕЛЯ

Кто я, откуда, зачем? Все эти вопросы мне задала жена Кочара. Я так боялся опоздать, что явился чуть раньше назначенного времени. Ровно в семь пришел маэстро. Поздоровался, указал рукой на стены с картинами:

— Это вам не понравится. Нет, не потому, что не поймете. Вы поймете, примете умом, но это не тронет вашего сердца.

Видно, брови у меня поднялись достаточно высоко, так как маэстро счел нужным пояснить свою мысль.

— Вы, наверное, преданы тем идеалам прекрасного, которые получили в наследство из глубокой старины, своей русской старины.

Кочар показал мне маленький портрет. Молодой мужчина. Лицо напряженное, пожалуй, даже скованное. По лицу тени: синяя, кирпичная и синяя. Эти зачатленные на лице тени обозначают, по мысли Кочара, смену настроений человека. Работа юношеская, но уже в те годы — Кочару, кажется, было восемнадцать — художник старался победить в живописи статуи.

Кочар говорит:

— Пикассо совершает нелепость, когда, превозмогая статуи, показывает предмет сразу с четырех сторон. Пикассо совершает нелепость, когда рисует в женском портрете глаза на бедрах. Это опять-таки попытка передать движение. Мужчина посмотрел женщине в глаза, перевел взгляд на ее бедра, а на сетчатке его глаза все еще не погасли глаза женщины... Теперь посмотрите у меня...

И я опять разглядываю тени на лице молодого человека, а потом меня ведут в заветную комнату, посреди которой сооружение из жести. Три лопасти. На каждой лопасти часть композиции. Скажем, это портрет обнаженной. Если сооружению придать вращательное движение, мы увидим женское тело со всех четырех сторон. И еще одна уловка. В том месте, где нарисовано лицо, жести отогнута таким образом, что на этом полукруге всегда свет. Свет пойман! Лицо всегда освещено.

Кочар называет свой эксперимент пространственной живописью. Несколько работ, выполненных в этой новой технике, выставлены в Лувре. Французские искусствоведы достаточно высоко оценивают новинку, но мне подобное искусство не по сердцу. Понять? Что ж, эксперимент есть эксперимент. Однако жаль, что художник тратит время и свой бесценный дар на решения не столько художественных, сколько чисто технических и зачастую разрешенных уже проблем.

Разве живопись существует для того, чтобы на плоскости создать иллюзию пространства и объема, иллюзию движения? Разве для того существует живопись, чтобы изучать предмет во всех его земных и внеземных измерениях?

Так ли уж необходимо живописцу проследить возможные смещения наблюдаемого предмета и наблюдателя в пространстве? Особенно в век кино, телевидения, цветовой движущейся рекламы! И не случайно ведь после художественно-технической вакханалии Бродвея американцы едут в Москву, к Рублеву.

Я снова и снова перебираю в памяти те несколько часов, которые провел в квартире, а потом в мастерской Кочара. Молодость... Она все время проглядывает сквозь умудренность семидесятилетия. Мастер словно бы забыл, что существует время, которое старит, пригибает к земле, обставляет жизнь всяческими ограничениями и запретами. Думай о себе. Думай о том, как протянуть еще столько-то. Думай о главном, спеша завершить начатое: ведь можешь и не успеть.

А тут и все уже создано и все только еще начато. Давид Сасунский пришил коня, а на очереди — литые багнетально решенной конной статуи героя Аварийской битвы Вардана Мамиконяна. Эскизы пространственной живописи соседствуют с огромным, во всю стену холстом «Ужасы войны». Гармония цвета здесь настолько совершенна, что невольно вспоминаешь «Мадонну Литту», миниатюрный холст великого Леонардо да Винчи.

По изобретности и усложненности эта картина Кочара была бы салонной, когда бы не наивная фигура в одеждах патрицианки, поставленная сбоку под громадой людских и конских тел, с протянутым костяком вместо руки.

А после этого живописного монумента — интимный, романтический портрет Маник, портреты женщин и мужчин, прекрасные лица людей, с прекрасными человеческими помыслами.

А потом — Христос и Магдалина, которая видит в нем бога, а он улыбается ей улыбкой Джоконды.

Ах нет! Кочар расписывает лопасти.

Вечный поиск. Вечная радость находок, и вечная радость ошибок. Человек бесконечен, как бесконечна вселенная, в которой он живет. Зачем же упиваться горечью поражения, тратя на страдание силы, когда можно попробовать еще раз?..

В одиннадцатый раз публикует «Смена» список лучших дебютантов сезона. Первенство страны 1974 года ознаменовалось своеобразным рекордом: одесский «Черноморец», команда-дебютант, только-только вошедшая в высшую лигу, завоевал третье призовое место и бронзовые медали. Такого не бывало за всю послевоенную историю нашего футбола. Команду одесситов, молодую, энергичную, хорошо сбалансированную во всех линиях, можно было бы с полным на то основанием назвать лучшим дебютантом прошедшего сезона. Ведь из 22 футболистов, выходящих на поле в основном составе «Черноморца», лишь 8 в разное время, да и то эпизодически, выступали в высшей лиге. Именно этим обстоятельством и объясняется столь широкое представительство Одессы в составе символической сборной «Смены». Появились интересные молодые футболисты и в других командах высшей лиги. Среди них прежде всего следует назвать московского динамовца Вадима Павленко, который, между прочим, превзошел результат лучшего бомбардира двух последних лет киевлянина Олега Блохина, забившего в год своего дебюта 14 голов. Может вызвать удивление появление в списке Анатолия Шепеля, ставшего известным еще в прошлом году по выступлениям за все тот же одесский «Черноморец». Но ведь А. Шепель тоже дебютировал в 1974 году в высшей лиге.

Всего в 14 командах (без «Черноморца» и «Нистру», где, как и положено новичкам, молодежь составляет большинство) мы насчитали 18 молодых футболистов, сыгравших более 50 процентов всех матчей и занявших, таким образом, прочное место в основных составах. Примерно столько же провели по 5—10 игр и составляют главный резерв тренеров. Из этого числа редколлегия «Смены» совместно со старшим тренером сборной СССР заслуженным мастером спорта К. И. Беккуевым и выбрала одиннадцать лучших дебютантов сезона. Вот их имена:

ВРАТАРЬ

Анатолий ЕЛИЗАРОВ — «Торпедо» Москва, 23 года, сыграл 22 матча.

ЗАЩИТНИКИ:

Никита ВЫСОКИХ — ЦСКА Москва, 20 лет, сыграл 16 матчей.

Владимир ГРИГОРЬЕВ — «Черноморец» Одесса, 26 лет, 29 матчей. Награжден бронзовой медалью за третье место в первенстве СССР. Выполнял норму мастера спорта.

Вячеслав ЛЕЩУК — «Черноморец» Одесса, 23 года, 29 матчей, 1 гол. Награжден бронзовой медалью за третье место в первенстве СССР. Выступал за первую сборную страны. Выполнял норму мастера спорта.

Георгий ТЕГЛЕЦОВ — «Нистру» Кишинев, 20 лет, сыграл 25 матчей.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ:

Валерий ГЛАДИЛИН — «Спартак» Москва, 22 года, 24 матча, 3 гола. Награжден серебряной медалью за второе место в первенстве СССР. Выполнял норму мастера спорта.

Владимир МАКАРОВ — «Черноморец» Одесса, 27 лет, мастер спорта, 30 матчей, 13 голов. Награжден бронзовой медалью за третье место в первенстве СССР.

Александр МАКСИМЕНКОВ — «Торпедо» Москва, 21 год, 19 матчей, 3 гола.

НАПАДАЮЩИЕ:

Владимир ДЗЮБА — «Черноморец» Одесса, 27 лет, 20 матчей, 2 гола. Награжден бронзовой медалью за третье место в чемпионате СССР. Выполнял норму мастера спорта.

Вадим ПАВЛЕНКО — «Динамо» Москва, 28 матчей, 16 голов. Выступал за юношескую и первую сборную СССР.

Анатолий ШЕПЕЛЬ — «Динамо» Киев, 25 лет, мастер спорта, 20 матчей, 1 гол. Награжден золотой медалью за первое место в чемпионате СССР. Выступал за первую сборную СССР.

Редколлегия «Смены» поздравляет молодых футболистов, вошедших в символическую сборную лучших дебютантов сезона, и желает им новых успехов в спорте и учебе.

Сегодня вечером я буду говорить с Ервандом Кочаром, создателем кованой статуи Давида Сасунского.

Стою перед статуей, смотрю, как льется из опрокинувшейся чаши струя ереванской воды, и спохватываюсь: не пора ли? И чувствую, — волнуясь. Наша встреча через полчаса.

Ерванд Кочар — армянин, воспитанный на итальянском искусстве, соратник Пикассо и Леже.

Снова и снова всматриваюсь в статую.

Оседлал ветер, и он превратился в коня. Пролетала чаша страдания, и гневная сила народа воплотилась во всаднике. Конь — конек Джалаля, всадник — Давид Сасунский.

Армянскому эпосу — тысяча лет. Слово живет только в то мгновение, когда его произносят. Но если слово — память, если слово — слово поэта, оно вечно.

Давид — «народа всего десница». И, чтобы передать потомству нашу любовь к герою, наше понятие о красоте, силе, вечности, явился кованный из меди Давид Сасунский мастера Ерванда Кочара.

У меня не было адреса скульптора, но мне сказали: Кочара легче всего встретить в маленьком кафе, что расположилось под открытым небом, возле входа в мою гостиницу. Я узнал также: Кочар невысок, грузен, волосы у него седые, в ушах — слуховой аппаратик.

В Ереване все знают друг друга. Человек, описавший Кочара, познакомил меня с подругой жены Кочара. Звонок — и я приглашен на семь вечера, с обязательством быть ровно в семь, потому что Ерванд Кочар не терпит опозданий.

До вечера времени оставалось много, и я пошел в картинную галерею. Здесь открыл для себя Коджяна. Картина называлась, кажется, «Чайхана в Тавризе», голубая, но шумная. Плавные, однако подчеркнутые движения едоков. Восточная грация, скрывающая страсти и страстная уже сама по себе. Да, это был истинный Восток.

Стена Ерванда Кочара. Он не только скульптор, но и живописец и график. На стене портреты. Один сух, выдуман, хорошо, впрочем. Другой чувствен, третий — чистой воды кубизм. И — наконец-то! В нижнем ряду, среди нескольких небольших по формату графических работ, я сразу узнал то, что искал, — Армению.

Я стоял перед иллюстрациями к «Давиду Сасунскому», выполненными в 1938 году, в тысячелетнюю годовщину эпоса. Вот он, серый и розовый камень Армении, руками мастеров превращенный в фигуры людей и животных, в листья и цветы...

Моя рука невольно потянулась к всаднику. Мне показалось, что это не рисунок, а рельеф из туфа. Я всматривался в рисунки и картины, и мне было ясно: Ерванд Кочар — философ. Он понял, как нужно изобразить Давида и его деяния, чтобы подняться в своем искусстве до искусства народных сказителей.

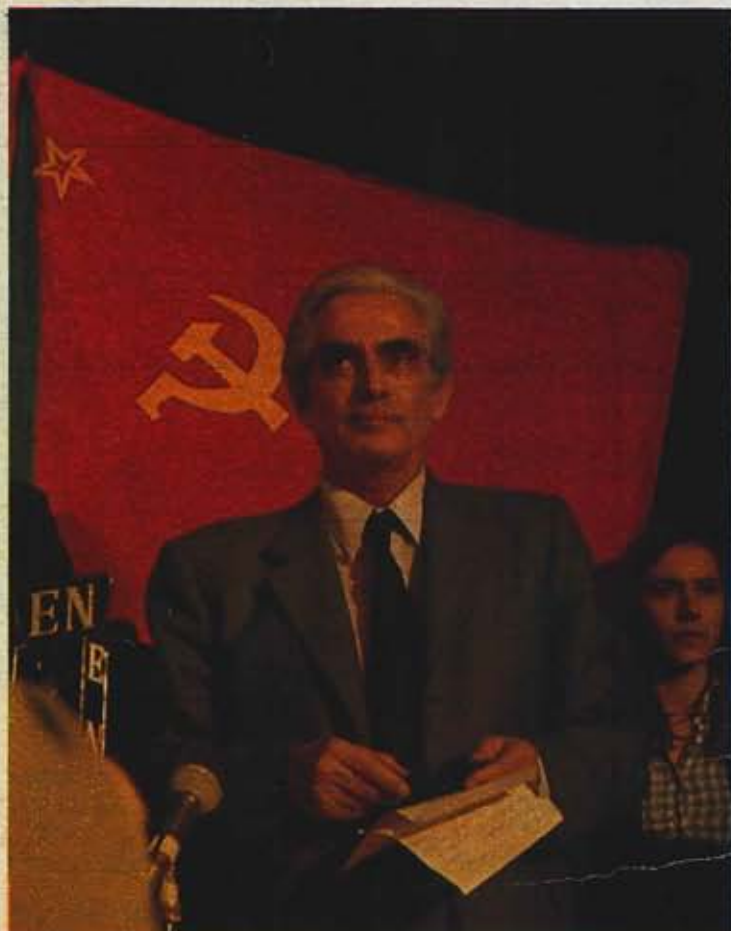
Эти рисованные рельефы, видимо, уже в 1938 году привели мастера к мысли создать монумент Давида.

...

В своем доме художник беззащитен. Здесь все тайны напоказ. Здесь они с ним, его неудавшиеся дети и его любимцы, с которыми нет сил расстаться.

Подбежала молодая девушка, подарила солдату цветы. Да не просто цветы, а красные гвоздики, цветы революции. И остался солдат, немного растерянный и счастливый, смотрит девушке вслед. Да разве найдешь ее теперь в толпе? Подбежала — и скрылась.

Этот снимок был сделан в день, когда Португальская коммунистическая партия впервые за последние полвека имела возможность устроить открытую пресс-конференцию для португальской и иностранной прессы в Лиссабоне. На вопросы корреспондентов отвечает генеральный секретарь ПИП, министр временного правительства Португалии товарищ Алваро Куньял.

У этой женщины я купил португальский флажок. Она продает их с гордостью — флажки страны, повергнувшей фашизм.

матрос из португальской армады (военно-морского флота). Морские и морские пехотинцы — самая политизированная, сознательная часть португальских вооруженных сил. Там, где трудно, там моряки. Они несут сторожевое охранение на самых ответственных участках. Этот матрос стоит на часах у ворот тюрьмы Кашнас, где сейчас содержатся некоторые из главнейших фашистского ренегата.

МОЩЬ В ЛЦ

Генрих БОРОВИК,
фото автора

В командировках я всегда ношу с собой фотоаппарат. Не только для того, чтобы позже иллюстрировать в журнале или газете свои очерки или репортажи. Фотоаппарат для меня — записная книжка. Точная, детальная, дающая мне потог, когда я сижу за письменный стол, не только массу информации, которую невозможно уместить и в сотнях блокнотов, но и настроение. Люди, глядящие с фотографии, вызывают в тебе те же чувства, которые испытывал, когда встречался с ними впервые.

Я привез из Португалии около двух тысяч кадров фотопленки. И когда, работая над книгой «Май в Лиссабоне», я окружил себя этими фотографиями, мне казалось, что я снова в Португалии, что все мои португальские друзья здесь, со мной, что они помогают мне работать над книгой об удивительной португальской весне, когда под ударами Движения вооруженных сил, выразившего чаяния всего португальского народа, рухнул самый старый фашизм в Европе, просуществовавший почти полвека.

Хотелось бы, чтобы вы познакомились с некоторыми из моих друзей-португальцев, с которыми встречался я.

Крестьянка и крестьянин из деревни Престимо, в 250 километрах к северу от Лиссабона. Изменили, начало которым положили события 25 апреля прошлого года, с разной скоростью приходят в разные районы страны. В сельскую местность, особенно на севере, изменения приходят медленнее, чем в другие районы, но все же приходят. Муж этой крестьянки находится на заработках во Франции: в Португалии прокормить семью не мог. Но если жизнь улучшится, он вернется в родные края, обязательно вернется.

Мануэль Бастос рассказал мне, что крестьяне деревни Престимо поставили перед новым правительством вопрос о том, чтобы им вернули земли, которые в тридцатых годах были захвачены у них фашистскими организациями. Крестьяне уверены, что новое правительство пойдет им навстречу.

У этого совсем еще маленького португальца впереди большая дорога, много подъемов и круч. Но он преодолет их.

Демонстрация молодых лиссабонцев в поддержку временного правительства и Движения вооруженных сил

ЛИССАБОНЕ

ПРОЗА

Вечный бой

Ценность всякого познания неоспорима. А если это познание (что особенно важно для молодого читателя) еще и воспринимается легко, заинтересованно, или, говоря языком технического, воспринимается с высоким коэффициентом полезного действия, ценность эта возрастает неизмеримо. Именно таково значение лучших книг приключенческого жанра, сделанных с большим знанием дела, с большой степенью талантливости, с неоспоримой уверенностью в необходимости написанного.

Полностью это можно отметить к книге Льва Константинова «Схватка с ненавистью» («Молодая гвардия», 1973).

Острота сюжета, кажущаяся «явная детективность» на первый взгляд позволяют как бы отвести книгу (несмотря на всю драматичность, полную смертельную опасность, историю борьбы с оуновским движением на Украине) и категории произведений для так называемого легкого чтения. Но уже сама предыстория появления этой приключенческой повести, как она обозначена самим автором, не случайна. Совсем недавно читатели смогли познакомиться с не менее интересным романом того же автора «Удар мечом».

Как и при чтении романа «Удар мечом», мы с большой долей сопереживания следим за полюбившимися мужественными героями повести — советской чечкинской Марией Шевчук, проникающей в самое логово буржуазных наймитов, кровавых главарей украинского националистического движения, старшего лейтенанта Малеванного и других. С беспощадной правдой обнажает автор истоки предательства народных интересов главари оуновцев, впутывающими в свои сети людей, попавшихся на удочку буржуазного национализма. Отнюдь не простые и не однозначны характеры действующих в повести героев. Сложны превратности судеб, тяжело прозрение после многолетнего дурмана, убога слепота фанатического упорства в своих заблуждениях...

Не только и не столько мечом ведут борьбу чечкисты с жестоким и коварным врагом, хотя в этой борьбе и не обойтись без оружия, — недаром говорит Мария Шевчук, капитан органов госу-

дарственной безопасности, что «научили меня враги стрелять первой», — но чаще побеждают словом, убеждением. Доказательство тому — линия вербовки бывшего сотника бывшей УПА Буй-Тура, с которым «возится» полювики Коломиец. Не только общими задачами продолжения борьбы руководствуется он, но конкретной задачей борьбы за человека.

В непримиримом, казалось бы, классовом враге, как на пересохшей земле, рассмотрел он трещинку, свозь которую готовы были пробиться изрядно потоптанные ростки человечности. В умении найти эти ростки, помочь им развиваться — едва ли не основная (после глубокой убежденности в правоте своего дела) сила персонажей повести, которые объединяются таким, кажется, привычным для нас понятием, как органы государственной безопасности.

Труд, тяжелый, рискованный, ежесекундный, лежит в основе работы чекистов, и автор не только прекрасно понимает это — он сумел и убедительно показать понятие молодому читателю.

Когда страна стоит в преддверии великой даты — тридцатилетия исторической Победы советского народа в войне с немецким фашизмом, нашим молодым современникам, знающим о тех огненных годах только понаслышке, будет полезно открыть и такую страничку истории, как борьба с бандеровскими бандами на Украине в жаркие летние дни 1944 года. Она органична в многогранной победной летописи деяний нашего многонационального государства.

В небольшом послесловии Владимир Беляев приводит слова соратника Ленина, видного деятеля нашей партии Дмитрия Захаровича Мануйльского, услышанные им на совещании Львовского областного партийного актива:

— Национализм — последняя баррикада капитализма!

Точные, емкие слова. И с глубоким убеждением, что рухнет и эта последняя баррикада прогнившего строя, закрывает книгу «Схватка с ненавистью» молодой читатель.

Анатолий КАКУРИН

Верхом на белом коне

«...Я хочу, чтобы мы жили в маленькой комнате и чтобы я стирала на тебя», — говорит Лара, героиня рассказа «Вот приедет генерал» из книги В. Горбунова «Верхом на белом коне», изданной «Советским писателем». — Моя жизнь имеет оправдание только тогда, когда я с тобой».

Лара любит героя рассказа, ревнует его к прошлому, («Как это ужасно, что твою молодость прошла без меня»), ревнует к настоящему: герой не свободен, у него семья. Лара хочет заниматься в жизни героя главное и единственное место. И, наоборот, она права по-своему. Более того, она честна в своей борьбе за счастье. Но герой никак-то глубинным чутьем подозревает в ней человеческие просчеты...

«Когда я лежал в больнице, Лара была у меня всего раз, — размышляет он. — Она сказала, что не выходила бы из палаты и заботилась обо мне, если бы я дал ей на это право. А так она не хочет и не может. Ей слишком тяжело... По ее лицу текли слезы. Я сказал ей тогда, что она безумно любит и жалеет одного человека на земле — самое себя».

Не часто встречается в литературе такой образ. Лара — безусловно, хищница, но оружие ее борьбы не хитрость и холодный расчет, а нежность, преданность — чувства, которым нет цены. Лара любима героем, и мы видим ее глазами героя. Но она не нравиться писателю. Валерию Горбунову, хотя он не говорит об этом прямо, и поэтому Лара оставляет какое-то смутное отрицание.

Только подлинный художник может поселить это чувство в читателе.

В книге Валерия Горбунова живут самые разнообразные люди. Вот чудак: старуха Марьмиха («Личная жизнь Марьмихи»), учитель рисования Иван Тихонович («Марс оранжевый»), супруги Кутасовы («Вот приедет генерал») — все это немалые, чуть-чуть странные, благородные люди, которые украшают собою мир.

Валерий Горбунов немногочисленно над своим чудачами, в частности над Кутасихой, которая стремится законсервировать первые чувства, как овощи. Но как же он любит их! Как благодарен им всем просто за фант их существования на земле.

Рядом с чудачами идут приспособленцы: папа («Марс оранжевый»), дети Марьмихи, Юра и Горошина («Пятая дача с ираю»), Кирия («Вот приедет генерал»).

Валерий Горбунов пишет их с вежливо срывающимся отвращением, иногда ему жалко на них и слов и наблюдений. Такое ощущение, будто ему хочется, как в жизни, быстрее пройти мимо, не глядя на них и не поднимая головы.

И у каждого из героев книги есть «свой генерал». У Кутасихи — любовь. У мальчика из «Марса оранжевого» — искусство. У Кирия — материальные блага, у Лары — муж...

«Генерал» самого писателя — это совесть, нравственная шкала, которой мерится жизнь его героев.

«Конечно, я подумал и о своем генерале... Как он приходит ко мне в больницу, кладет на тумбочку кулек с мандаринами, наклоняется над моей кроватью и

шепелит наземным голосом спрашивает: — А ты поступал в жизни так, как должно?»

Горбунов пишет слово «должно», хотя здесь могли бы быть слова «надо» или «следует». Должно — от слова «долг». Долг — это совесть. Всего в книге десять рассказов и повесть. Жизнь, Долг, Любовь, Совесть — вот круг проблем, а точнее, круг нравственных категорий писателя. В книге 286 страниц. И каждая строчка держит нас в стране Валерия Горбунова, глубокого и доброго художника.

Виктор ТОКАРЕВА

ПОЭЗИЯ

Пора зрелости

Есть поэты, о своеобразии которых можно судить по отдельному стихотворению, по нескольким строкам: ухватившись за них, вытянуть нерв творчества, философию его, уловить основную тему, ведущую мелодику.

Натан Злотников принадлежит и поэтам много плана. Его трудно цитировать, он понятен только в контексте стихотворения, цикла стихотворений, целой книги («За-

бытая музыка», «Советский писатель», 1974). Очевидно, поэтому естественным выглядит отсутствие заголовков в большинстве стихотворений — одно как бы переливается в другое.

Эмоциональный накал поэзии Н. Злотникова постигаешь постепенно. В его стихи входишь медленно, в них нельзя «нырнуть», но и от настроения, навеянного ими, освобождаешься не вдруг.

Начинается стихотворение, как правило, спойкой, сощербателью, но каждая новая строчка, вроде бы неве-

...омая, дает оттенок чувства, кладет едва уловимый штрих, и наступает кульминация, — она ощутима, как толчок, и ты начинаешь волноваться, сопереживать, в твоей памяти воскрешаются «забытая музыка» настроения —

Как прежде, снегопад
Внезапен в сентябре.
Но тайный срок утрат
В каком календаре?
Медлители и скор,
Как время, дума, рок,
Снег обжигает взор,
Так холоден ожог!

В стихах Н. Злотникова — не само событие, а отзвук, рожденный им в глубинах духа. Поэт стремится освоить, постичь духовный опыт современника, его внутренний мир, проникнуть в него как можно глубже.

Поэт ценит время, насыщенное событиями, стремится постичь его ускользающую суть, не убогая себя от боли «признаний, радостей, утрат». Стихи, даже грустные, оптимистичны, но качество этого оптимизма особого рода. Не ликующее бодрчество, нет! Познавая мгновение жизни, наслаждаясь им, поэт как бы уже идет дальше, прощается с ним и грустит по утраченному еще в настоящем.

«Забывтая музыка» — третий сборник поэта. Сборник свидетельствует о росте, возмужании автора. Здесь меньше ретепитивных строк, поисков слова.

...У поэта сейчас лучшая пора, пора зрелости. И пусть эта пора, говоря его же словами, «все длится, длится, длится»...

Лиана ПОЛУХИНА

Верное слово солдата...

Почти тридцать лет прошло с победного майского дня 1945 года, но чуткая память поэта навсегда хранит живыми драматические, высокие события Великой Отечественной войны. В книге

Овидия Любвинова «Тревожной памяти дозор» (Волго-Вятское книжное издательство, 1974 год) тема фронтовых будней звучит сурово и честно, ведь недаром же говорит поэт, что «Самый устойчивый запах — пороха на земле».

Поколение поэтов, к которому принадлежит Любвинов, юность которых прошла нелегкими фронтовыми дорогами, отличается верностью, прицельностью поэтического взгляда. Таким был Семен Гудзенко, таковы Михаил Лункин, Александр Межнер, Сергей Орлов и многие другие. Таков Овидий Любвинов. Не только поэт, но и солдат, — может сказать столь правдиво и крепко:

Коптили меркли.
Колотились дробно

накаты.
И колодились поюса.
Бросали нас в огонь —
громоподобны —
Бескомпромиссных
ротных голоса.

Но стихи во «фронтовом» разделе книги — не только точные памятки прошедших тревожных дней, они и осмысление великого военного времени. Поэтому они так близки всем, — и тем, кто опален боями, и тем, кто знает войну лишь по книгам и рассказам... В этом их глубина и современность.

Есть удивительное свойство человеческой природы, человеческого сердца — сочетать в себе, казалось бы, несовместимые качества: суровость и нежность, жесткость, доброту, ранимость... И свойство это, это единство, если оно принадлежит поэту, несомненно, вскрывается в его творчестве.

В стихотворении «Мосты» О. Любвинов пишет:

Я с них срывался по ночам.

К ним полз из темной впадины.
Не на руках, не на плечах —
Носил на сердце ссадины.
И каждый шаг по ним,
как бой

тревоги, как бой

счастья, памяти...
Мосты вели к тебе одной.
Они сегодня за спиной.
Они сегодня в пламени.

И читателя берут в плен открытость, обнаженность и чистота этих строк.

Книга О. Любвинова — сборник новых произведений поэта и лучших стихов разных лет, и поэтому книгу эту можно и должно рассматривать как один из рубежей творчества. Когда невольно всей книге в целом хочется предпослать строки, выражающие ее существование и смысл творческого бытия поэта в современности.

А радости вдали маячат,
Обязывают и зовут,
И ради них однажды начат
И длится каждодневно труд.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

ИСКУССТВО

Чуткость художника

Встреча с умной книгой — удивительное, счастливое событие, о котором непременно хочется рассказать, которым грешно не поделиться.

Такова книга К. Щербанова «Обретение мужества» — сборник статей о путях развития современного советского искусства; в подзаголовке автор точно указывает ее жанр: критика и публицистика.

Но пусть не спешит иной читатель заскучать: книга эта читается с не меньшим интересом (а может быть, большим!), чем привычный такому читателю приключенческий роман...

«Пути развития искусства»... Звучит это сухо и официально, однако само название книги говорит нам о том, что не простые это

ОБРЕТЕНИЕ МУЖЕСТВА

пути, что, наверное, автором подмечены черты и взаимосвязи искусства, жизни, характеров какие не дано видеть нам, обычным зрителям и читателям. Ибо обретение мужества художником (режиссером ли, поэтом, актером...), как пишет К. Щербаков, является «одной из главнейших целей и главнейших побед», а «умение нести его тем, заражать им тех, кто пришел на встречу с искусством и жадно, заинтересованно ждет, о чем в этот раз поведает оно, какие откроет горизонты», есть основная, самая конкретная задача творца.

Книга «Обретение мужества» и о новых зрительских горизонтах, потому что высокую гражданскую позицию приобретают не только спонтанно того или иного театра, того или иного режиссера, но и зрители, сообщество людей, сидящих в зрительном зале.

Главы книги — это определение главных вех последних пятнадцати лет в искусстве. От истории и истории (главы выглядят скорее интересными историями, смысл поучения которых подспудно и тем более действительнее) мы прослеживаем, как меняется главный герой жизни и главный герой театра; как постепенно вместо схоластических, отрешенных диалогов на сценах театров мы слышим живой, полнозвучный разговор обычных людей, видим жизненный конфликт характеров, узнаем нашу с вами жизнь.

Названия глав говорят сами за себя: «Начало», «Будьте немного Светловыми», «Соблазн доброты», «Постигаем Островского», «Верность Шекспиру», «Заступники России»...

Читается публицистический сборник К. Щербакова со жгучим, неослабевающим интересом, потому что книга эта остро-современна, потому что настоящее искусство всегда замешено на современности и наполнено живой кровью. Его можно убить, как человека. И выдохнуть.

Книга К. Щербакова «Обретение мужества» именно об этом.

Анна ПЕТРОВА

НАУКА

А. ГЛУХОВ

«В ЛЕТО 1037...»

Путешествие по Руси книжной

«Умел ли читать и писать Илья Муромец? А другие бо-

гатыри?» Не правда ли, насколько неожиданный вопрос? Он звучит в самом начале книги «Алексея Глухова «В лето 1037...» («Советская Россия», 1974). Сназители-былинники рассказывают, что русские богатыри умели читать и писать. А что был грамотен именно Илья Муромец, особенно важно, ведь Илья — крестьянский сын, «из беднова положения и от бедных родителей от трудящих». Так былины говорят внимательно читателю не только о силе и мужестве, о ратных подвигах, но и сообщают о том, что составляет не меньшую национальную гордость, — о широком распространении грамотности, о письменной культуре Древней Руси.

Далее заглянем в «Сказание о письменах» черноризца Храбра, болгарского монаха, жившего на рубеже IX—X веков, указавшего, что славяне пользовались для письма «чертами и резами». Заглянем в «Повесть временных лет», где говорится о надписанной стреле, пуценной в стан Владимира в конце X века. И, наконец, попадем летом 1949 года на раскопки курганов у деревни Гнездово, недалеко от Смоленска, захоронения кривичских дружинников второй четверти X века. Здесь и было найдено славянское письменное слово — надпись на корчаге, которую археологи сдвинули из черепков. Оказывается, еще задолго до введения азбуки Кирилла и Мефодия славяне умели записывать свою речь, пользуясь латинскими и греческими буквами, но без определенной системы, «без устройства».

И в соответствии с последним словом историко-лингвистической науки, мимо которого, и сожалению, проходили авторы ряда популярных книг, читатель видит, что великие просветители Кирилл и Мефодий не изобрели, нет, но упорядочили славянскую азбуку. Эта истина, разумеется, не умаляет значения их труда, который «был под силу лишь очень крупному ученому и тонкому филологу».

Так с очерка «Откуда пошла славянская письменность» начинается путешествие читателя по Руси книжной. «В лето 1037...» — это первое упоминание в летописи о русской библиотеке. Основал ее в соборе святой Софии князь Ярослав.

И тайны, которые еще ждут своего исследователя... Захватывающе читается глава «Легендарная либерия» — о книжном собрании московских князей, окруженном ореолом таинственности, легендами о подземельях и неслыханных сокровищах... Доводы «против». Доводы «за». Вывод: она была...

Обширный материал нашел отражение в десяти главах книги. Подан он без ложной сенсационности, точно и последовательно, с необходимым чувством меры. Это касается, например, оценки роли монастырей в истории книги. У монастырей немалые заслуги в развитии книжного дела на Руси, например, у Троице-Сергиевой лавры, где заботами Сергея Радонежского была основана знаменитая библиотека.

С любовью, хотя и очень-очень кратко, о чем приходится пожалеть (очевидно, эта тема еще ждет своих летописцев), рассказывает писатель о подпольных библиотеках рабочего класса. Их создателями были Халтурин, Бабушкин, Свердлов, Орджоникидзе...

В последней главе со скромным подзаголовком «Вместо послесловия» приведены факты и цифры о великой книжной державе — СССР. И здесь же горькое напоминание о том, что около двух миллиардов людей на земном шаре еще остаются неграмотными. Их лишили великого чуда — книги...

Владимир СОЛОВЕВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Путь к мастерству

Трудно не согласиться с Валерием Дементьевым, пишущим в предисловии к этой книге («Молодые о молодых», «Молодая гвардия», 1974), что критика — это «пограничная область между наукой и искусством».

И, размышляя о прочитанном, обдумывая круг имен и тем, отрывавшихся в статьях восемнадцати очень разных молодых авторов, часто возвращаешься памятью к этим словам. Возвращаешься потому, что новая книга — итог работы Всероссийского семинара молодых критиков — не только свидетельство их возросшего мастерства, не только доказательство обострения интереса критики к вопросам социально-нравственного плана, но и подтверждение того, что наука и искусство «сосуществуют» в ней далеко не всегда безболезненно и мирно.

Круг вопросов, рассматриваемых авторами сборника, очень широк. Здесь и проблема современного молодого героя, и размышления о его нравственном выборе, о том, каков этот выбор для «селянина» и «горожанина», и о том, какими жанрово-стилевыми средствами пользуются молодые мастера «деревенской» и «городской» прозы. Здесь и обращение к вопросу о традициях и новаторстве, и серьезная озабоченность «рабочей темой» в литературе, и попытка уяснения понятий «самостоятельность» и «ученичество».

В фокусе внимания критиков — характер молодого современника, его образ в прозе, поэзии, драматургии, анализ социальных, психологических, нравственных связей этого образа с нашей повседневностью, с процессами, которые обусловили его появление в литературе и жизни. Рассказать обо всем интересном в книге невозможно. Скажу только, что особенно показательны статьи Василия Оботурова из Вологды «Горожане», где дан глубокий социальный анализ и своеобразное нравственно-эстетическое осмысление произведений таких непохожих друг на друга молодых прозаиков, как Валерий Алексеев и Вячеслав Шугаев; мысли о «локализации времени» в повестях Валентина Распутина, выказанные волоградским критиком Владимиром Васильевым.

Не могу не сказать и о работе Игоря Шайтанова «Время действия — настоящее». В статье анализируются две первые пьесы Александра Вампилова — «Прощание в июне» и «Старший сын». Анализируются очень своеобразно. Критиком точно угаданы и нравственные устремления драматурга и те особенности его поэтики, в которых они воплотились. Теперь, когда исследованы почти все пьесы Вампилова («Прошлым летом в Чулимске», «Провинциальные анекдоты», «Утиная охота»), можно сказать, что Шайтанов не ошибся в определении природы творчества драматурга.

Работы, о которых я говорила, да и многие другие, безусловные, удачные сборника...

Наталья БЕККЕРМАН

«Смена» приглашает всех желающих принять участие в новом шахматном конкурсе, который открывается в этом номере журнала.

Содержанием данного конкурса является решение шести шахматных задач и разбор трех фрагментов из практически сыгранных партий. Эти позиции разделены на три тура. Ниже следует первое задание. Остальные будут опубликованы в марте — апреле 1975 года.

За правильный ответ на каждую конкурсную позицию в актив участника засчитывается определенное количество очков. Такая же оценка дается в случае обнаружения побочного ответа, нерешаемости и т. п. Максимально возможная общая сумма очков — 40. Читателям, набравшим 12 очков, будет присужден начальный, четвертый разряд по шахматам. И далее: за 24 очка — третий, а за 36 очков — второй разряд. Все они получат от жюри классификационные справки. Об итогах соревнования и его лауреатах, которые будут отмечены дипломами и фотоснимками прославленных советских гроссмейстеров, мы расскажем на страницах журнала.

Письма на наш конкурс нужно посылать в установленные сроки по адресу: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд 14, 6-й этаж, редакции журнала «Смена». На конверте обязательно пометка «На шахматный конкурс «Смены», а также фамилия, инициалы и точный домашний адрес автора корреспонденции. В своих ответах необходимо пользоваться только полной шахматной нотацией, указывая основной и (с красной строки) второстепенные варианты. Громоздких словесных комментариев целесообразно избегать.

В письме на первый тур, кроме фамилии, имени и отчества, сообщите, пожалуйста, свой адрес, возраст, место работы или учебы, имеете ли разряд по шахматам. В конверт не забудьте вложить почтовую открытку, на которой жюри проставит ваш конкурсный регистрационный номер, и его

НИЧЬИ БЫЛИ БОЕВЫМИ

Продолжавшийся более двух месяцев финальный матч претендентов на мировую шахматную корону отличался напряженной и весьма содержательной борьбой. То обстоятельство, что Анатолий Карпов, победитель матча, выиграл всего три партии, а Виктор Корчной — две, отнюдь не свидетельствует о миролюбии соперников в остальных девятнадцати поединках. Каждая ничья отпирывалась высокой техникой игры гроссмейстеров, их изобретательностью в защите и контратаке.

К этой позиции пришла двенадцатая партия матча после 13-го хода белых. Попробуем проследить, как буквально на ровном месте возникают головоломные тактические осложнения. Следующим маневром черные намереваются активизи-

вы будете четко указывать справа вверху первой страницы писем на второй и третий туры.

А теперь, дорогие друзья, выходите на старт! Желаем вам всяческих успехов!

ПЕРВЫЙ ТУР

I

II

III

На первой диаграмме изображена задача — двухходка (2 очка), на второй — двухходовка (3 очка) и на третьей диаграмме — позиция, в которой требуется найти за черных выигрышную комбинацию (4 очка).

Запомните, пожалуйста, что письма на первый тур конкурса надо отправлять с 15 до 31 января 1975 года.

роваться и поставить в неудобное положение неприятельского слона. Белые, понятно, пренебрегают разединению своих сил...

13. ...Ke6—a5! 14. Cb5—d3! Ka5—c4 15. Kd4—b5 Fe7—d7 16. Cd3:c4 d5:c4. Корчной жертвует пешку, но бдительный Карпов подмечает, что в случае 17. Fe4 Lf6 18. Fe2 C:f3 19. gf Cb8 белый король будет подвержен опасностям. После же сделанного белыми хода кажется, что черным стало плохо ввиду «мертвой» связки их слона.

17. Lf1—d1! Ke7—f5! 18. Fa4:c4. Партнеры составили в нешаблонных тактических задумках и в комбинационном видении. Корчной делает акцент на связанности белой конницы, Карпов же своеобразно обнаруживает расставленные черными хитроумные капканы, например: 18. Cf4? C:f3 19. gf Kb4 или 18. g4? C:g4 19. hg K:e3. 20. fe Ф:g4+ и т. д.

18. ...Cb5:f3 19. g2:f3 Kf5:e3 20. f2:e3 Фd7:h3 21. Kb5:d6. В итоге пронесшегося над полем сражения урагана у белых появился лишний конь. Однако тонкими маневрами ферзя черные, используя неприкрытое положение белого короля, объявляют ему «вечный шах». 21. ...Фb3—g3+ 22. Kpf1—f1 Фg3:f3+ 23. Kpf1—e1 Фf3—g3+1, и гроссмейстеры заключили мир.

держась за "хвост"

Виктор ВОРОБЬЕВ
Фото автора

Нас десять парней. Мы стоим у линии старта. Шлемы на головах, эластичные комбинезоны, тяжелые ботинки и слаломные лыжи. Горнолыжники! И да, и нет. Мы собираемся принять старт на заснеженном льду тихого подмосковного озера!

Мелькает флажок судьи, и мы довольно неулюже бросаемся вперед. Наш путь всего в 20 метров. Здесь нас ожидают, тархтя моторами, мотоциклы. От каждой машины по снегу тянется «хвост» — капроновая веревка с узлами. За этот «хвост» и нужно ухватиться как можно скорее.

Кажется, на этом участке я обошел соперников. Впиваюсь румой в буксировочную веревку. Мощная кроссовая машина сразу вздыбилась и рвет узел из рук. Инстинктивно откидываюсь назад. Ноги пошире! Устоять!

Если мотоцикл вдруг сбавит скорость, я плюхнусь на спину. Бешено вращающееся колесо стального коня осыпает меня струей снега. Мой ведущий начинает первый маневр. Струя снега отклоняется в сторону. Обзор улучшается. Но и мне надо маневрировать!

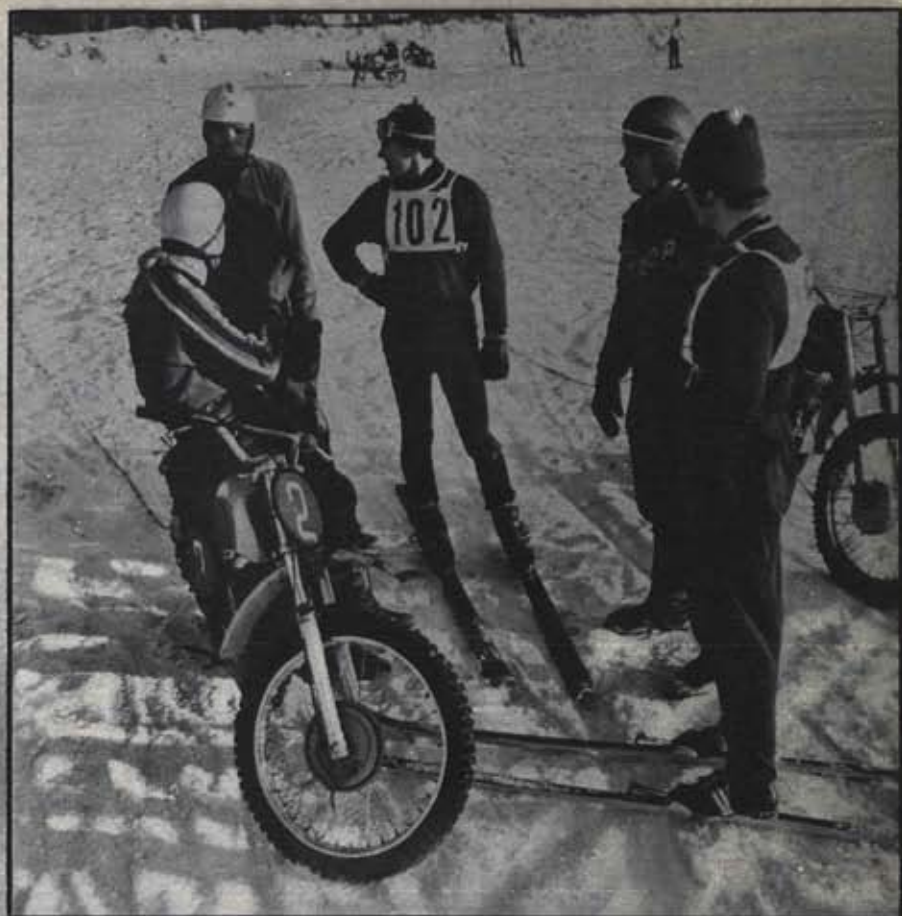
Что же делать в первую очередь: травить трос или «плужить» для ус-

тойчивости! На всякий случай делаю и то и другое. До следующих ворот метров сорок, и мотоцикл прибавляет скорость. Теперь длинный буксир к стати — меньше мешает снег из-под колеса. Но впереди резкий левый поворот. Пожалуй, это «мотанье» за мотоциклом похоже на водный слалом, поэтому, миновав следующие ворота на «параллельных», я, ухватив буксировочный трос за самый конец, ухожу далеко в сторону от следа машины. Наказание настигает меня сразу. Мотоцикл резко меняет курс, и я «закантовалась» левой лыжей, падаю.

Мой буксировщик ждет, нетерпе-

ливо пофыркивая мотором. Бежать на слаломных лыжах, да еще без палок, очень неудобно. Наконец трос снова у меня в руках, и мы бросаемся в погоню. Теперь я уже не перебираю узлы на тросе, держусь «золотой» середины. Повороты выполнять стало легче — вижу следы идущих впереди. К удивлению, мы «достали» их скоро. Но, чтобы обогнать, надо пройти сквозь всю группу. В середину нас пустили неохотно.

Надо отдать должное опыту моего мотоциклиста. Он воспользовался первой же «щелью», и мы в «наравне». Конечно, у группы скорость ниже. Маневрировать гораздо сложнее,

СКИБОРИНГ ДЛЯ НАС — НОВЫЙ ВИД СПОРТА, ПОЭТОМУ РЕВЯТАМ ЕСТЬ О ЧЕМ ПОГОВОРИТЬ ПОСЛЕ КАЖДОГО ЗАЕЗДА.

пришлось подобрать буксир. Теперь носил лыж у самого колеса. Мысленно я пригрозил себе: «Попробуй упади еще!» Но было не до падений. Мотоциклы оглушали треском, снег под колесом с дымом ограничивал видимость, на повороте колесо соседа зацепилось шипами в полуметре, и трос соперника норовил переключиться с меня.

В конце второго круга группа вытеснилась по трассе. Мы шли третьими и, кажется, стали понимать друг друга. На поворотах мой лидер отходил подальше от внутреннего флага, давая мне возможность преодолеть ворота по-слаломному. Я, в свою оче-

редь, меньше «плузил» (перестал бояться), старался не гасить общую скорость. Когда неожиданно упал лыжник, шедший вторым, я едва успел перепрыгнуть через него.

Впервые отведав этот новый для себя вид спорта, я был очень доволен, что оказался вторым среди бывалых спортсменов. Но мой буксировщик — перворазрядник по мотокроссу — был иного мнения. Он заглушил мотор и сказал, имея в виду мой «водолюбивый» выкрутас:

— Если ты думаешь, что скиборинг — это фигурное катание, то ошибаешься! «Скиборинг» — это «лыжи на ринге».

Да, так и есть, «скиборинг» в переводе на русский: «лыжи на ринге». И нужно попробовать его, чтобы согласиться, что необычайное название соответствует сути нового для нас вида спорта. Впрочем, почему же нового! Ведь в народных изображениях наших далеких предков — северян встречаются изображения лыжников, буксируемых оленями. Кое-где и сейчас есть любители прокатиться с ветерком за рогатыми тягачами, но олень — хорошо, а мотор — лучше! Из беседы с заведующим кафедрой лыжного спорта ЦОЛИФКа профессором М. А. Аграновским я узнал, что в нашей стране в 20—30-е годы

скиборингом увлекались кавалеристы. Устав Красной Армии предписывал тренировки лыжников за мотоциклом, автомобилем, танком.

В 1939 году были проведены пробные буксировки лыжника самолетом. По льду Химкинского водохранилища лыжник мчался со скоростью 115 километров в час. Традиционными были пробеги лыжников за мотоциклами под Харьковом.

Сейчас скиборинг культивируется в ЦОЛИФКе, а серьезно увлеклись им и в Прибалтике.

Возрождаемый вид спорта, несомненно, придется по вкусу нашей молодежи.

ВИД АЖ НУЖНО ПРОЙТИ ПО НАИМЕНЬШЕМУ РАДИУСУ.

НЕ ГОРЮЙ!

Весь вечер я сижу над чистым листом бумаги и думаю. Нет, не о том рассказе, который собираюсь написать. Всякая ерунда лезет в голову: завтра нужно прийти в редакцию пораньше — шеф просил не опаздывать, какое-то срочное дело. Еще нужно заплатить за квартиру, сегодня опять приходили из домоуправления. Необходимо сводить жену в театр или на худой конец в кино: она уже обижается. Суeta, глупая суeta, а куда от нее денешься?

Рассказ не пишется. Должно быть, я слишком устал. Лягу сегодня пораньше, высплюсь, думаю я, а уж завтра возьмусь за дело всерьез.

— Разбуди меня в семь, — строго говорю я жене.

Собираясь на работу, Лида, как я и наказывал, начинает меня расталкивать, но, увы, открыть глаза просто невозможно. На это нет никаких сил. Я блаженно потягиваюсь, бурчу что-то неразборчивое, громко и раздельно говорю: «Я встаю» — и, когда Лида, уходя, хлопает дверью, вновь отдаюсь ленивому течению сна.

Просыпаюсь я, как обычно, около девяти. Это значит, что времени у меня едва хватит на бритье и завтрак, а чтобы успеть на работу к десяти, мне придется ловить такси.

На стоянке передо мной молодая красивая женщина с маленьким сыном. — Ты не горюй, — утешает она его. — Ты, может быть, думаешь, что лето кончилось? Еще целый август впереди...

Они садятся в «Волгу» салатного цвета. Следующая машина забирает меня. Так незаметно летит время, думаю я. Все лето я собираюсь написать этот рассказ, и вот уж август, а так ни строчки и не написано. А что, если начать рассказ этим случайно услышанным разговором на стоянке? Что-то очень трогательное было в интонации женщины, когда она успокаивала ребенка. Приеду в редакцию и запишу этот эпизод, решаю я.

Так всегда бывает — если шеф просит не опаздывать, то сам он наверняка придет на полчаса позже. Ну и хорошо, думаю я и иду в кабинет, который вот уже три года делю с работником нашего отдела Гришей Ветровым. Гриша неплохой парень, но патологический лентяй. Я всегда удивляюсь, зачем его держат в газете? Ведь, кроме пустых разговоров, он ни на что не способен, и всю работу приходится делать мне одному.

Хорошо бы его еще не было, загадываю я. В спокойной обстановке записал бы случайно услышанный разговор. Начать всегда не просто. А там, глядишь, расписался бы и к концу лета закончил рассказ. Но Гриша на месте. Его пунктуальность шеф всегда ставит мне в пример. На Гришином столе в идеальном порядке разложены маленькие и большие бумажки. Можно подумать, что Гриша — очень занятой человек.

— Ты знаешь, старик, — говорит он, — сегодня, кажется, мне привезут злополучный стол.

Это последняя Гришина выдумка — уже который день он слоняется по коридорам редакции и, мешая всем работать, рассказывает, что какая-то тетя подарила ему отличный письменный стол. Стол, однако, еще не перевезли к нему на квартиру. «Как только он будет у меня, я вам покажу, как надо работать», — обещает Гриша.

Я до смерти боюсь, что он вновь заведет свою волюнку, и спешу опередить его.

— Ты не в курсе, почему шеф просил меня быть к десяти? — спрашиваю я.

— Не знаю, — беззаботно отвечает Гриша.

Я достаю из стола бумагу, вспоминаю: «Ты, может быть, думаешь, что лето кончилось?» В этот момент в комнату заглядывает секретарша отдела Любочка:

— Миша, хорошо, что ты здесь. Тебя к шефу.

Я тяжело вздыхаю и иду к Семену Семеновичу. Шеф озабоченно покусывает нижнюю губу.

— Вот что, Миша, — говорит он, — ты ведь знаешь, что умер Литейщиков.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Он когда-то был нашим главным редактором. Сегодня похороны. Нужно отвезти венок.

Он смотрит на меня так, что я понимаю: это должен сделать я.

— Но ведь главным он был очень давно, — пытаюсь сопротивляться я, — я его и не видел никогда.

— У меня много дел, — пряча глаза, говорит шеф. — Машина отвезет тебя туда и обратно. Это всего час.

— Это то дело, из-за которого вы просили прийти меня пораньше?

— Нет, — говорит шеф, — его я поручу Грише.

На улице уже душно. Солнце печет с безразличным упорством. А у подъезда стоит вся прокаленная его лучами черная «Волга».

Венок втиснут в машину как-то очень неуклюже: его поставили на заднее сиденье и прислонили к спинке переднего. Я сгибаюсь в три погибели, чтобы не упираться головой в жесткую хвою. Но едва машина трогается, сухие колючие иголки начинают осыпаться мне за шиворот.

В машине тяжелый, застоявшийся запах бензина. Шофер дымит дешевыми сигаретами. Я со страхом думаю, что вот-вот мне делается душно.

Наконец мы на месте. Шофер помогает мне вытащить венок из первой свежести: кветлы гладиолусы, помятые гвоздики.

Пока мы тащим его по лестнице на второй этаж, в зал, где установлен гроб, несколько цветов выпадают, и я начинаю бояться, как бы не рассыпался весь венок. Но все в порядке. Мы прислоняем венок к стене, рядом с другим таким же пожелтым венком, и я осматриваюсь.

По обе стороны гроба — четверо мужчин с траурными повязками на рукавах. Это почетный караул. Справа группа людей разного возраста, все они в трауре. Наверное, родственники. Откуда-то сверху тихо льется траурная музыка.

— Ну, я пошел, — говорит шофер.

— Вы меня на улице будете ждать, — скорее утверждаю, нежели спрашиваю я.

— Нет, я ждать не могу, — говорит шофер.

Уехать с ним? Как-то неловко. На похоронах нельзя быть формалистом: привез венок — и basta. Тем более кощунственно выяснять отношения с шофером — должен он меня ждать или нет.

— Ну, ладно — говорю я ему и становлюсь в очередь почетного караула. Она движется быстро — и вот я уже у гроба. В нем лежит седой, бородатый дедушка. Лицо у него спокойное и только как будто немного удивленное.

Вот так и я когда-нибудь... Грустные мысли о вечности отодвигают на второй план все суетное, навешают философски-безразличное настроение. Подумаешь, «лето кончилось». Какая разница, напишу я об этом или нет. Но только обидно — он, дедушка, говорят, пять книг написал, а я одну строчку целый день в голове ношу. Проходит, проходит жизнь... Нет, твердо решаю я, первое дело, как вернуться в редакцию, — записать про «Лето кончилось».

Возвращаюсь я на троллейбусе, но не успеваю проехать и четырех остановок, как на линии отключают ток. Троллейбус стоит пять минут, десять... пятнадцать... Время течет.

Я не знаю, на кого больше злиться: на Семена Семеновича, который, пока я езжу, болтает с кем-нибудь в коридоре, или на шофера, который не мог подождать двадцать минут... А я вынужден сидеть в троллейбусе, который покинул электрические силы.

Кажется, шеф велел зайти к нему сразу после похорон. Но я прохожу мимо его кабинета — к себе, чтобы сесть за стол и начать писать... У двери меня останавливает Гриша:

— Туда нельзя. Там сейчас Людочка платье примеряет. Ей из Польши привезли.

— Вот черт! — срываюсь я.

— Пошли пообедаем, — миролюбиво предлагает Гриша.

В буфете Гриша рассказывает, как Семен Семенович поручил ему дозвониться какому-то завбазой. Я его почти не слушаю. Значит, думаю я, никаких дел у меня сегодня больше нет. Сейчас сяду за стол, и пусть этот Гришка треплет сколько его душе угодно. Ноль внимания на него — буду писать.

В коридоре я stalkиваюсь с шефом.

— Миша, — говорит он, — нужно срочно сделать интервью с директором фабрики. Они план перевыполнили. Машина туда и обратно. Железно, — предвещает он мой иронический вопрос.

В душе шевельнулось подленькое желание спросить, почему посылают меня, а не Гришу, но я отбрасываю эту недостойную мысль — какая разница, как кто использует свободное рабочее время — прохлаждается в коридоре или пишет рассказ.

На всякий случай я иду к Грише с челобитной.

— Григорий, — говорю я, — я так устал. И мне кое-что нужно написать. Выручи. Поезжай к директору фабрики. Ты все равно без дела сидишь.

— Как это без дела? — обижается он. — Я жду звонка из мебельного магазина. Мне должны сообщить, когда привезут стол.

Машина мне попадает та же. Шофер встречает меня неприветливым взглядом, и в глазах его я читаю упрек: ездите с утра до вечера, бездельники.

Я настраиваю себя на враждебный лад, и всю дорогу до фабрики мы молчим. Перед тем, как выйти, я строго говорю:

— Ждать придется долго, — и уже после этого сильно хлопаю дверь.

Директора фабрики на месте нет.

— Пять минут назад обедать ушел, — приветливо объясняет секретарша.

Итак, ждать его возвращения целый час. Уезжать нет смысла, — дорога туда и обратно займет все время. Конечно, можно использовать и этот час: сесть и написать то, что хотел, но я не привык работать в чужой и неподходящей обстановке.

— Да вы садитесь, — говорит секретарь и добавляет: — Жарко.

Я с завистью смотрю, как шевелит ее пышную прическу упругий поток воздуха, летящий от лопастей вентилятора.

Звонит телефон. Секретарша снимает трубку.

— Шурик, это ты? — обрадованно щебечет она. — А у меня событие: нашлась кошка. Правда, дохлая. Я в кухне подметала, она оказалась под плитой. Представляешь, а мы целую неделю ищем. Нет, подметаю я чаще чем раз в неделю. И оставь свои глупые шутки, пожалуйста.

В этом телефонном разговоре — целый юмористический рассказ. Мне повезло, что я поехал к этому директору. Мне повезло, что я не застал его и услышал этот разговор. Это будет очень, очень смешной рассказ. Настроение у меня поднимается — день прошел не даром: не так просто придумать смешной эпизод. А тут сама жизнь подсказала ход. Две удачи за день. Как это было утром: «Не горюй!»

Наконец приходит директор — полный, с блестящей лысиной мужчина. Обменявшись любезностями, мы проходим в его кабинет, и, сидя в глубоком кресле, я задаю ему вопросы и записываю гладкие, будто наизусть выученные ответы. На минуту мной завладевает мысль написать вместо этого прекрасный разговор секретарши, но я прогоняю робкую мысль и прилежно пишу: «Мы давно готовились к этому дню. Не считаясь со здоровьем и потерей времени...»

В редакции я с ходу диктую материал на машинку и сдаю его в секретариат. Времени — шесть часов. Рабочий день закончен. Еду домой и сажусь работать, решаю я. Сегодня я должен записать утренний разговор матери с сыном и рассказ секретарши.

На лестнице меня поджидает Гриша.

— Майкл, — говорит он, — мне сегодня вечером стол привезут. На правах друга я прошу тебя помочь втащить его на шестой этаж.

— Я занят, — сухо отвечаю я и бегу вниз по ступенькам.

— Больше ты мне не друг! — летит вдогонку и эхом повторяется на всех этажах приговор Гриши.

На улице многолюдно, кончился рабочий день. Но даже в толпе я вижу торжественно шествующих мне навстречу теща с тещей. Что они могут здесь делать? Как они здесь оказались? Еще издали они начинают мне приветливо улыбаться. Их улыбки притягивают меня, как взгляд удава — кролика. Но остановиться и заговорить с ними — это конец. Коль скоро они оказались неподалеку от нашего дома, придется приглашать их в гости. И тогда — прощай работа. Сделав вид, что они меня не заметили, я круто ухожу в сторону.

Жены дома нет. На минуту это меня огорчает: я думал, она приготовит ужин и, быстро закусив, я смогу засесть за работу. Но, с другой стороны, одиночество — тоже благо: никто не будет мне мешать.

Я быстро — всего пятнадцать минут — принимаю холодный душ и выхожу из ванной, отдохнувший и посвежевший.

Итак, думаю я и достаю из письменного стола пачку отличной плотной бумаги. Звонит телефон. Пусть хоть лопнет. Я вызывающе щелкаю ручкой. Телефон не унимается. А вдруг что случилось, проникает в мозг предательская мысль. Все равно не подойду, уговариваю себя, но та мысль уже бежит вперед: если не случилось, почему так долго звонят?

И что делали Лидкины старики в нашем районе? Ведь они живут на «Университете»? Их странные улыбки... Перед глазами возникает пожелтый венок, который никак нельзя было вытащить из машины. Я быстро подбегаю к аппарату.

— А я хотел трубку вешать, думал, тебя дома нет, — слышу я знакомый Юркин голос. — Какие планы?

«И нужно было вешать», — едва не отвечаю я. Но Юрка — старый друг, и разговаривать с ним подобным образом — просто свинство. Поэтому я как можно мягче говорю:

— Планов никаких. Срочная статья. В номер. Сижу и пишу.

— Как хочешь, — обижено отвечает он, — а я думал зайти. Футбол по телевизору. Пива бы захватил.

— Ха-ха, — вежливо говорю я, — лучше завтра.

Он кладет трубку. Я вновь беру ручку. Гулко стучат в дверь.

— Не открою, — вслух, чтобы было убедительней, говорю я себе.

Стук усиливается. И что за манера стучать? Будто звонка нет. Я сижу не шевелясь. Давайте, давайте, стучите. Хоть выламывайте — не открою. Небожь, опять из домоуправления — за свет, за газ не уплачено. На почту нужно бежать. А тут времени нет один абзац написать. Как там оно: «Не горюй. Ты, может быть, думаешь, что лето кончилось?»

Стук прекращается, и я слышу, как в замке поворачивается ключ. Воры, — мелькает догадка. А хоть бы и воры, безразлично думаю я.

Но это не воры, это жена.

— Ты что, совсем сбрендил? — кричит она с порога. — У меня обе руки сумками заняты — тебе, лодырю, все тащу. Стучу, а ты пошевелишься боишься. В «Детском мире» стою ему за курткой, звоню отцу с матерью, чтоб деньги подвели. Старики тащатся на другой конец города, а он stalkивается с ними нос к носу и даже не здоровается. Вот, обиделись, зайти не захотели.

Из всего потока слов я улавливаю лишь обидное напоминание о моем маленьком росте (куртка в «Детском мире»). И это окончательно выводит меня из себя.

— Молчи! — дико кричу я. — Я работаю, ты понимаешь, работаю!

Лидка вдруг начинает плакать. Плечи ее жалко вздрагивают, она берет обе сумки и уносит их на кухню.

Я пытаюсь сосредоточиться. Но сердце отчаянно колотится, в ушах звенят обидные слова жены. Пойти помириться? Нет. Но и писать я тоже не в состоянии. На минуту в душу, словно холодная змея, вползает мысль: а может быть, я не писатель? Может быть, так всю жизнь и буду делать интервью с директорами фабрик? Но я гоню эту мысль прочь, подальше...

В комнату входит Лидка и сухо объявляет:

— Ужин готов.

Я встаю и иду на кухню. Чай пьем молча. Ложка в стакане, когда Лидка размешивает сахар, ужасно дребезжит. Я морщусь, но удерживаюсь от замечания, чтобы не начать новой ссоры.

— Давай посмотрим телевизор, — вдруг примирительно шепчет жена и даже пытается погладить меня по голове. Но я твердо говорю:

— Нет. Буду работать.

Я иду за стол, а она начинает ходить по комнате из конца, где стоит кровать, в другой конец, где в шкафу хранится постельное белье. Каждый раз она захватывает с собой какую-нибудь одну вещь — подушку, простыню, одеяло, — и оттого количество ее проходов взад и вперед кажется мне бесконечным. Я бросаю ручку на стопку неисписанных листов и демонстративно сложив руки на груди, выжидающе на нее смотрю. Она ловит красноречивый взгляд, но продолжает так же неторопливо стелить постель. Тогда взглядом же я начинаю ее стыдить, и она, видимо, чтобы чувствовать себя уверенной, пытается что-то напевать. В душе я продолжаю бушевать, но в мыслях уже жадею Лидку. Ну, зачем я так, ведь она тоже человек, ей хочется отдохнуть, посмотреть телевизор. Я пытаюсь бороться с этими мыслями: ведь если она будет смотреть телевизор, я не смогу работать, я не напишу того, что должен написать. И опять: не будь эгоистом. Успеется. Также мне, подслушал: «Не горюй». «Кошка нашлась». Из-за какой-то ерунды столько неприятностей. Завтра напишешь. А сейчас помирись с женой. Она тебе за курткой стояла.

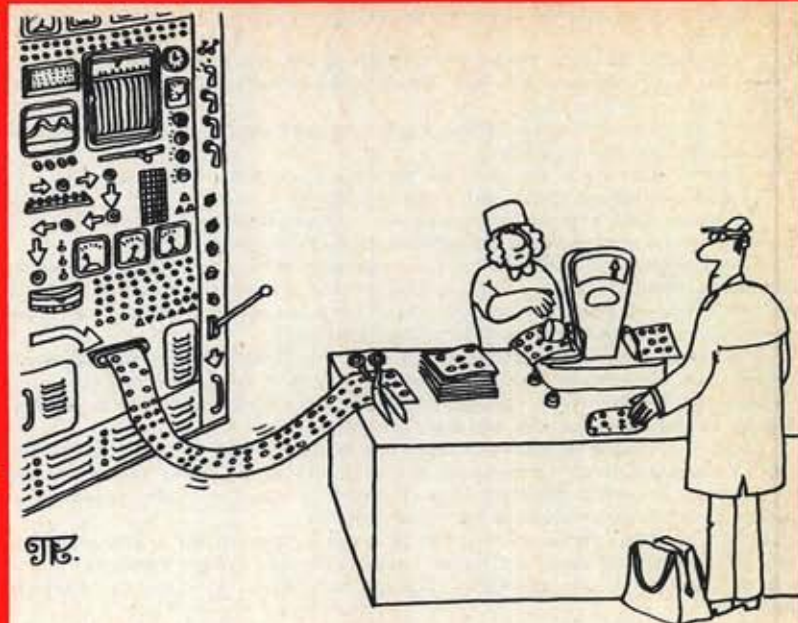
Словно чувствуя такую мою растерянность, Лидка шепчет:

— Ну давай посмотрим телевизор. Фильм хороший.

— Ладно, — как можно мягче говорю я, — но завтра разбуди меня в семь. Работать буду...

Рисунок Игоря МАРЬИНА

Рисунки Петра КУЛИНИЧА

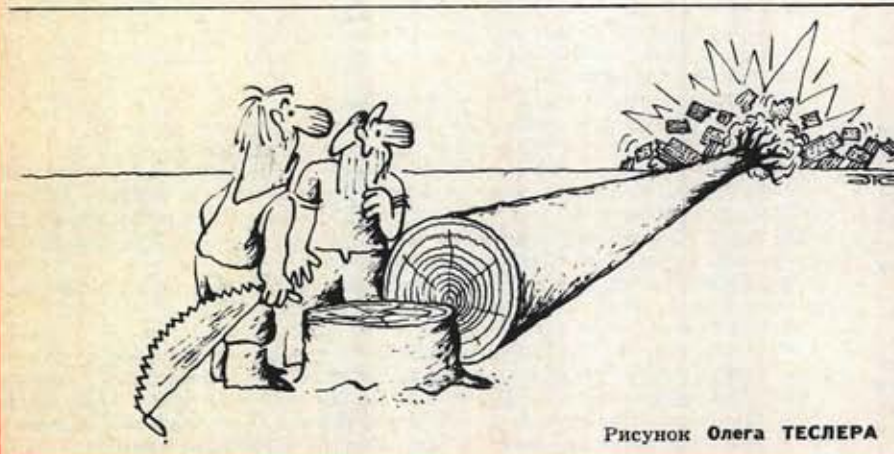
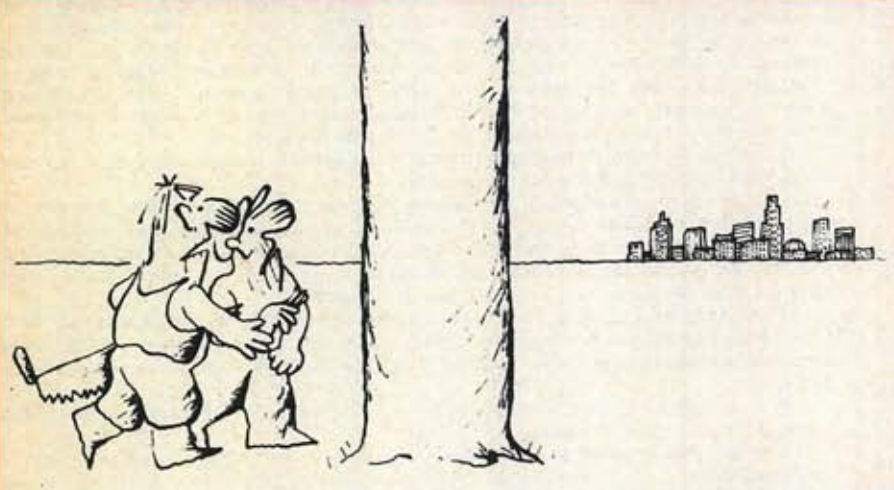

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

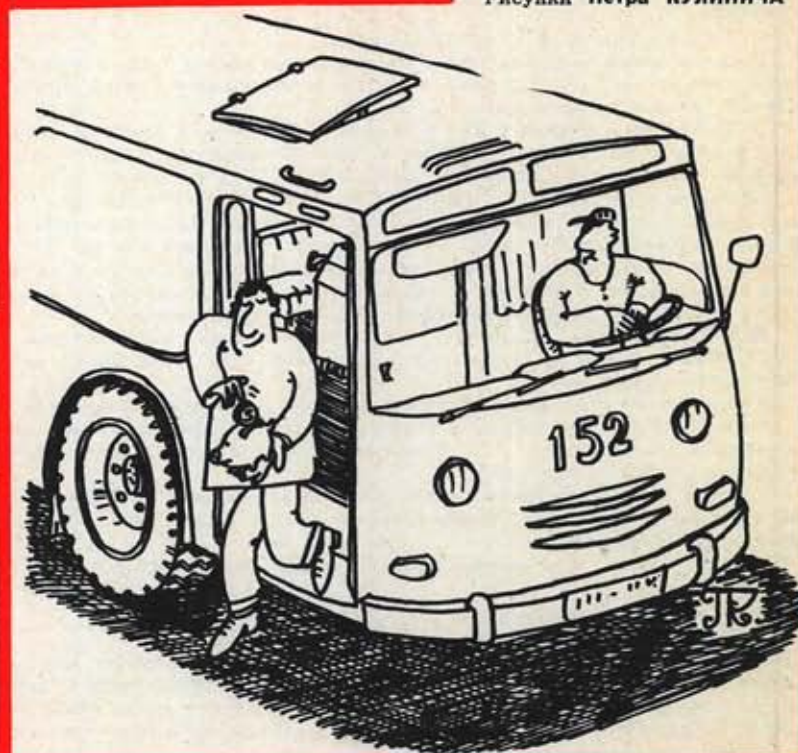

Рисунок Евгения МИЛУТКИ

Рисунок Владимира ИВАНОВА и Винтора СКРЫЛЕВА

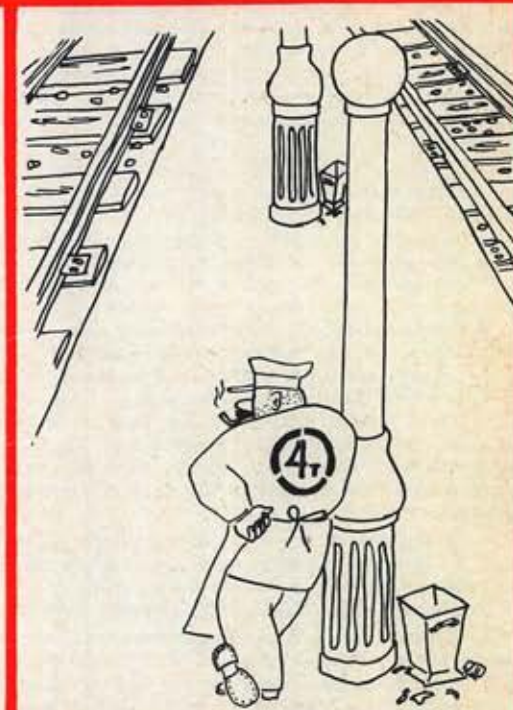

Рисунок Геннадия ВОРОСКАЛЕВСКОГО

Слова
Николая
ДОБРОНРАВОВА

Музыка
Александры
ПАХМУТОВОЙ

СПОКОЙНО, ПРОСТО. *D*

СВЕ - ТИТ НЕ-ЗНА-КО - МА-Я ЗВЕЗ-
- ДА, СНО - ВА МЫ ОТОР - ВАНЫ ОТ
ДО - МА, СНО - ВА МЫ ЖЕ- ДУ НА- МЫ ТО-РО-
- ДА, ВЗЛЕТ - НЫ-Е ОТ-НИ А-Э - РО-

- ДРО - МОУ. ЗДЕСЬ У НАС ТУ-МА - НЫ И ДОЖ-
- ДИ, КО - РЫТ-СИ ХО-ЛОД - НЫ-Е РАС-
- СВЕ - ТЫ. ЗДЕСЬ, НА НЕ - БЕСЕ - ДАН -
- НОМ ПУ - ТИ, ЖДУТ ЗАМЫС - ЛО-ВА - ТЫ-Е СО-
- ДА - ЧА - НА- ГРА - ДА ЗА СВЕ - ЛОСТЬ... А
ПЕС - НИ... ДО - ВОЛЬ - НО ОД - НОЙ, ЧТОБ
ТОЛЬ - КО О ДО - МЕ В НЕБ ПЕ - ЛОСЬ. // ПЕ - ЛОСЬ.

НАДЕЖДА

Светит незнакомая звезда,
Снова мы оторваны от дома,
Снова между нами — города,
Взлетные огни аэродромов.

Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы,
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты...

Припев:

Надежда — мой компас земной,
А удача — награда за смелость,
А песни...
довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Ты поверь, что здесь, издалека,
Многое теряется из виду.

Тают грозовые облака,
Кажутся нелепыми обиды.

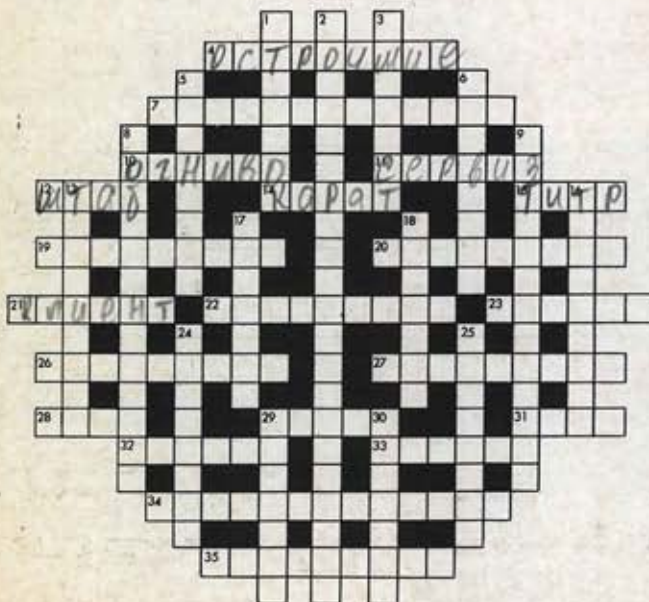
Надо только выучиться ждать,
Надо быть спокойным и упрямым,
Чтоб порой от жизни получать
Радости скупые телеграммы...

Припев.

И забыть по-прежнему нельзя
Все, что мы когда-то не допели,
Милые усталые глаза,
Синие московские метели...

Снова между нами города,
Жизнь нас разлучает, как и прежде,
В небе незнакомая звезда
Светит, словно памятник надежде.

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. ЕЛЬНИКОВ,
г. Москва

По горизонтали:

4. Находчивость в забавных определениях, шуточных выражениях. 7. Интерес и неуспеваемым планам, замыслам. 10. Сказка Г.-Х. Андерсена. 11. Вид чайной посуды. 12. Руководящий орган народных дружин. 14. Единица веса драгоценных камней. 15. Надпись на картине кинофильма. 19. Тонкий наблюдатель, знаток стремлений и настроений окружающих. 20. Лирическое музыкальное произведение. 21. Постоянный посетитель, покупатель. 22. Расположение, влюбленность. 23. Отдых в походе. 26. Согласные звучащие в музыке тоны, благозвучие. 27. Высокое мастерство, виртуозность. 28. Благоустроенный участок зеленых насаждений. 29. Басня И. А. Крылова. 31. Зрелищное предприятие. 32. Спутник планеты Уран. 33. Академик, первый советский хранитель и директор Эрмитажа в Ленин-

граде. 34. Способность растений противостоять морозам. 35. Гигиенические мероприятия по охране здоровья.

По вертикали:

1. Спортсмен, охотник. 2. Место, сооружение, предмет, заслуживающие особого внимания. 3. Весельчак, шутник. 5. Птица отряда куликов. 6. Легкий экипаж. 8. Персонаж комедии В. Маяковского «Баня». 9. Толкование, объяснение смысла, содержания. 13. Персонаж пьесы М. Горького «Яков Богомолов». 16. Радиотехническое устройство для приема изображений. 17. Низкий буфет. 18. Овальная дощечка для смешивания красок в живописи. 24. Наставление. 25. Текст оперы, оперетты. 29. Советская пианистка — педагог, организатор музыкального училища. 30. Творческое соревнование.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

5. Остроугольник. 8. Мармелад. 9. Скотинин. 13. Такса. 14. Ансамбль. 15. Гитарист. 18. Индекс. 20. Фермент. 21. Десерт. 22. Интернационал. 25. Удочка. 26. Чирнок. 27. Атлант. 30. Аквариум. 31. Шиповник. 32. Апорт. 34. Антрацит. 35. Апельсин. 36. Диалектология.

По вертикали:

1. Оттепель. 2. Нокаут. 3. Олекма. 4. Анатомия. 6. Марганец. 7. Линкруст. 10. Ленинградская. 11. Аккомпаниатор. 12. «Бесприданница». 16. Георгин. 17. Антифон. 19. Санни. 21. Драва. 23. Акваланг. 24. Словения. 28. «Вурдалак». 29. Гидальго. 32. Алигер. 33. «Тополя».

Почему меняются ткани? Что такое бесконечное чередование мод — повторение или каждый раз рождение заново? Пожалуй, и то и другое.

Нелегко придумать новую фактуру: до сих пор почитаются батист, бархат и прочие «старцы», а наша синтетика нередко лишь подражает давно известному. И если «мода на фактуру» — это в основном поочередное выдвигание в фавориты той или иной ткани, то совсем другое дело — «моды на расцветки».

Вернулась мода на крепдешины. Но попробуйте надеть крепдешин «из сундука» — сразу почувствуете: современная мода вас не признает. Те же цветочки, да не те. Подводит орнамент: выдают неведомые «потайные» линии.

Есть у этих линий особое, профессиональное название: «ходы». Это «специальное» словечко я услышала впервые от молодой художницы-текстильщицы Елены Степановой. Впервые я соприкоснулась с тем особым миром, где рождаются ткани. С особым потому, что здесь свой подход и изображаемому на холсте: ткань не просто рисуется, а «вырисовывается», рождается, проходит через несколько стадий. И стержень всего процесса, его главный обуславливающий фактор — поиск нового «хода». Что же такое «ход» и как его ищут?

На выставках тканей рядом с каждым образцом — его «прототип», соответствующий пейзаж или натюрморт. Это своеобразная фиксация природы, с которой «списана» ткань. Художник ищет «ход» — новый прием, новый способ преобразования — превращения в ткань увиденного в реальности. Ищет «по цепочке»: природа — «портрет природы» (пейзаж, натюрморт) — ткань.

Со дня своего рождения ткань подражает природе. Лен — это чаще всего лаконичные пастели северных морей. Квадраты индийских платиков заселяются обыкновенно целыми джунглями во главе с местным царем зверей — сломом. Бархат: черный — земля, зеленый — трава, синий — небо. Вспоминается традиционное: «облака газа», «водопады шелка» — воздушные и водные струи.

Струи — струение, ниспадание складок. Это от воды. А растительный ор-

ТКАНЬ, ПОДРАЖАЮЩАЯ ПРИРОДЕ...

намент намекает на второго «предка» — растение.

...На голубом — прозрачные белые цветы. Голубое сгущение — это и ткань, и вода, и то ли прозрачные цветы плывут по воде, то ли цветы ушли под воду и, пропитавшись, слившись с нею, приобрели светящуюся прозрачность. Фактуры воды и цветка совпали и дали фактуру новую: возникла ткань. «Волшебные цветы» — переход к нетекстильным работам художницы. Размышление о сути и взаимоотношениях предметов в пределах создаваемой ткани перерастает в поиски более общих и глубоких пространственных и цветовых связей.

«Хочу объединить разнородное, найти момент его единства», — так определяет свою основную цель сама Елена Степанова. И, как нам кажется, в лучших своих работах художнице удалось достичь именно такого естественного и плодотворного единства.

Елена АЛЕКСЕЕВА